

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

11(2) 2025

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Духовность и религия в эпоху диджитализации общества
THEME OF THE ISSUE: Spirituality and religion in the era of digitalization of society

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 11, № 2. 2025

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 11, № 2. 2025

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шاپовалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ковальчук О. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ: Семченко И. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Алексеев А. А., доктор социологических наук, и.о. заведующего кафедрой социологии и социальных технологий, профессор, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия.

Благоевич М., доктор социологических наук, главный научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой Демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научного научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Olga Kovalchuk, Ph.D. in Philosophical Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

TECHNICAL SECRETARY: Irina Semchenko, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Anna Alekseenok, Doctor of Sociological Sciences, Acting Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Orel, Russia.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a Chief Researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Demographic and Migration Policy at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Кублицкая Е. А., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мchedлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова А., PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Проказина Н. В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Рукучи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Ростовская Т. К., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Титаренко Л. Г., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Республика Беларусь.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухмани Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шилова В. А., кандидат социологических наук, руководитель лаборатории, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Elena Kublitskaya, Candidate of Sciences in Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Natalia Prokazina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Tamara Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Larisa Titarenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Belarusian State University, Republic of Belarus.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmman, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Valentina A. Shilova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Laboratory, Leading Researcher at the Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ**

**SOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE**

Богдан С. С. От исследования религиозно «никаких» к становлению социологии «нерелигии»	4	Sergey S. Bogdan From the study of religious “nones” to the development of the sociology of “non- religion”	4
Каразина Я. М. Значение культурных ценностей в понимании, восприятии и интерпретации в межкультурной коммуникации	22	Ianina M. Karazina The importance of cultural values in understanding, perception and interpretation in intercultural communication	22
Коваленко В. Д. Институциональный подход исследования медиатизации религии: опыт применения к современному православию	33	Vladimir D. Kovalenko The institutional approach to the study of the mediatization of religion: the experience of application to modern Orthodoxy	33
Хизбуллина Р. Р. Интерииоризация патриотизма как духовно-нравственной ценности молодежи в эпоху цифровизации: дискурсивные измерения	49	Radmila R. Khizbullina Interiorization of patriotism as a spiritual and moral value of youth in the era of digitalization: discursive dimensions	49

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ**

**SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES
AND PROCESSES**

Богатова О. А., Чуйкова О. Г. Динамика религиозности провинциального студенчества	63	Olga A. Bogatova, Olga G. Chuikova The dynamics of religiosity among provincial students	63
Зимова Н. С., Мацнева Е. А. Особенности конструирования религиозной идентичности в эпоху цифровизации	85	Natalia S. Zimova, Elizaveta A. Matsneva Features of the construction of religious identity in the digital age	85
Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Факторы субъективного благополучия супругов: социологический анализ	102	Vera M. Karpova, Sofia V. Lyalikova, Anatoly I. Antonov Factors of subjective well-being of spouses: sociological analysis	102

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

Кисиленко А. В. Качественные характеристики добровольческого движения Белгородской области	120	Anastasiya V. Kisilenko Qualitative characteristics of the volunteer movement of the Belgorod region	120
Фролова Е. В., Рогач О. В. Цифровая грамотность и цифровое неравенство: новые вызовы и факторы формирования	136	Elena V. Frolova, Olga V. Rogach Digital literacy and digital inequality: new challenges and formation factors	136

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 211.5 316.74:2

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-1

Оригинальная статья

Богдан С. С.

От исследования религиозно «никаких»
к становлению социологии «нерелигии»

Сургутский государственный педагогический университет,
улица 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия
sergio-84@mail.ru

Аннотация. Для понимания современной религиозной ситуации, всей палитры мировоззрений, не стоит ограничиваться лишь традиционными и нетрадиционными религиозными взглядами, не меньшего внимания заслуживает такая слабо изученная и постоянно растущая часть религиозного ландшафта как нерелигиозность. В статье представлены этапы становления, развития и легитимации «нерелигии» на Западе как новой области изучения нерелигиозности, во всей своей сложности, динамичности и многообразии. Показаны признаки институционализации нерелигии и «дифференциации» ее предмета, рассмотрены концепции основоположников новой подотрасли – Л. Ли, С. Булливанта и Й. Куака. Нерелигия фокусируется на разных типах взаимодействия религиозного и нерелигиозного, аккумулирует постижение разных уровней и элементов нерелигиозности, неверия и секулярности в аспекте убеждений, поведения, опыта и принадлежности. Анализируется повсеместный рост и специфика нерелигиозных идентичностей (никаких, нерелигиозных, не имеющих религии, не аффилированных). Рассмотрены как стандартные субстанционально-бинарные подходы к изучению нерелигии, так и альтернативные – реляционный и мировоззренческий. Представлены интерпретации нерелигиозных феноменов сквозь призму концептов подъема, спада и трансформации религиозности (секуляризация, десекуляризация, постсекулярность). Тенденциями последних двух десятилетий являются симбиозы лоскутных, размытых и нестабильных форм индивидуальной религиозности и нерелигиозности с акцентом на свободный плюралистический поиск новых светско-духовных убеждений, практик и идентичностей.

Ключевые слова: нерелигия; нерелигиозность; нерелигиозная идентичность; неверие; «никакие»; «не имеющие религии»; «не аффилированные»; секуляризация; индивидуализация

Информация для цитирования: Богдан С. С. От исследования религиозно «никаких» к становлению социологии «нерелигии» // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 4-21. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-1

Sergey S. Bogdan

From the study of religious “nones” to the development of the sociology of “non-religion”

Surgut State Pedagogical University
10/2 50 let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia
sergio-84@mail.ru

Abstract. To understand the modern religious situation and the whole palette of worldviews and pluralism, it is necessary not to limit oneself only to traditional and non-traditional religious views. Non-religiosity is such a poorly studied and constantly growing part of the religious landscape that it deserves no less attention. The article presents the stages of formation, development, and legitimation of “non-religion” in the West as a new field of study of non-religiosity, in all its complexity, dynamism and diversity. The article shows the signs of institutionalization of non-religion and “differentiation” of its subject and examines the concepts of the founders of the new subfield – L. Lee, S. Bullivant and J. Quack. Non-religion focuses on different types of interaction between the religious and non-religious, accumulates the comprehension of different levels and elements of non-religiosity, unbelief, and secularity in the aspect of beliefs, behavior, experience and belonging. The widespread growth and specificity of non-religious identities (having no identity, non-religious, having no religion, unaffiliated) are analyzed. Both standard substantial-binary approaches to the study of non-religion and alternative ones – relational and worldview – are considered. Interpretations of non-religious phenomena are presented through the prism of the concepts of the rise, decline and transformation of religiosity (secularization, desecularization, postsecularity). The trends of the last two decades have been symbioses of patchwork, fuzzy and unstable forms of individual religiosity and non-religiosity with an emphasis on the free pluralistic search for new secular-spiritual beliefs, practices, and identities.

Keywords: non-religion (irreligion); non-religiosity; non-religious identity; unbelief; “nones”; “no religion”; “not affiliated”; secularization; individualization

Information for citation: Bogdan, S. S. (2025), “From the study of religious “nones” to the development of the sociology of “non-religion””, *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 4-21, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-1.

Введение (Introduction). В попытке понять современную религиозную ситуацию, охватить всю палитру мировоззрений и растущего плюрализма, мы не должны ограничиваться только традиционными и нетрадиционными религиозными взглядами. Не меньшего внимания заслуживает такая еще недостаточно постигнутая, но неотъемлемая часть религиозного ландшафта как *нерелигиозность*. Эта порой игнорируемая и стереотипизированная

разнообразия внутри разнообразия» включает в себя множество типов убеждений, практик, идентичностей, сообществ и их типологий (Lee, 2015; Quack, Schuh, Kind, 2019; Nikitaki, 2022; Podolinska, 2022).

Интерес к исследованиям нерелигиозности, неверия и секулярности постоянно актуализируется новыми эмпирическими данными, свидетельствующими как о спаде, так и трансформации различных сторон религиозного сознания, поведения и

идентичности (Инглхарт, 2022; Davie, 2000; Kasselstrand et al., 2023). Религиозная непринадлежность (not belong, unaffiliated) становится все более обсуждаемой темой. По всему миру люди и сообщества стремятся по-разному отличить себя от религии, принимая идентичность, не связанную с какой-либо конкретной верой. За последние четыре десятилетия с 80-ых не аффилированные удвоились на глобальном уровне, достигнув 25,9% (21,7% в неевропейских странах, и утроение в Европе – 30,2%), став в XXI веке третьей по величине «религиозной» группой по всему миру, «новым культурным большинством» (Balazka, 2020; Religiously Unaffiliated..., 2023; Руткевич, 2020). «Nones» (дословно – *никакие*, то есть религиозно не аффилированные, не идентифицированные и нерелигиозные) составляют быстро растущую популяцию, которая занимает центральное место в перманентных дебатах, касающихся секуляризации, десекуляризации, религиозных изменений и постсекулярности (Lee, 2015; Skrzypek, 2024). Но изменения затрагивают не только принадлежность. Так, согласно основному выводу мониторинга, проводимого Pew Research Center с 2006 по 2022 гг. в 95 странах, за последние годы люди становятся менее религиозными на уровне идентичности, убеждений и практик не только в США, но и многих других странах (Key Findings..., 2022). Одновременно со спадом традиционной религиозной идентичности в общественном сознании и культуре возрастает интерес к нерелигиозной идентичности, светским убеждениям и борьбе за светские права.

Появление и популяризация, начиная с 2000-ых, работ по изучению «никаких» (nones), нерелигиозных (nonreligious), неверующих и светских, способствовали зарождению новой подобласти социологии религии – «*non-religion*», развиваемой в первую очередь такими учеными как К. Кэмпбелл, Л. Ли, С. Булливант, Й. Куак

и М. Шульц, Р. Крэган, И. Кассельстранд и Ф. Цукерман, Д. Воас, Р. Катто и другими. Проблемное поле «нерелигии» очень широко, не ограничиваясь лишь вопросами отсутствия религиозной идентичности или неверия и их типологий, оно затрагивает все стороны взаимодействия религиозного и нерелигиозного, светского, формы проявления и организации нерелигиозности и неверия, характер мировоззрения и духовных практик нерелигиозных людей. «Нерелигия» за короткий период времени обросла своей историей, основоположниками, а также проблемным полем и теоретико-методологическими трудностями, требующими разрешения.

В статье исследуются причины актуализации внимания научного сообщества к изучению нерелигиозности и секулярности в XXI в. Представлена эволюция становления, развития и институционализации *нерелигии* как новой области изучения нерелигиозного в западной социологии религии, во всей своей сложности, динамичности и многообразии. Рассмотрены возможные теоретические интерпретации «нерелигии» сквозь призму устоявшихся концептов, а также поиск новых теоретико-методологических подходов к изучению и пониманию многообразия нерелигиозного поля.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретической основой послужили ключевые идеи западных ученых-первопроходцев в исследовании феномена «нерелигии» (non-religion), нерелигиозного и не-религиозности (non-religious, non-religiosity). Сюда можно отнести: классический труд британского социолога Колина Кэмпбелла «К социологии нерелигии» (Campbell, 1971); результаты работ одного из главных теоретиков феномена «нерелигии» и «общих нерелигиозных идентичностей», социолога и религиоведа Лоис Ли (Lee, 2015); специалиста в области неверия,

атеизма и институционализации «исследований не-религии» (studies of non-religion), профессора теологии и социологии религии Стивена Булливанта (Bullivant, 2020); а также немецкого этнолога и антрополога Йоханнеса Куака (Quack, 2011) – одного из интерпретаторов термина «нерелигия», создателя категории «религиозно-связанное поле» (religion-related field) и *реляционного подхода* к нерелигии (relational approach).

Опорой для анализа «социологии нерелигии» как зарождающейся подотрасли послужил ряд обзорных работ (Wohlrab-Sahr and Kaden, 2014; Balazka, 2020; Руткевич, 2020; Podolinská and Majo, 2022; Skrzypek, 2024), посвященных теоретико-методологическим и эмпирическим вопросам распространенности «нонов», «динамичности» нерелигиозности, теоретическим подходам к интерпретации нерелигиозных феноменов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Предпосылки исследования нерелигиозного. После Второй мировой войны в «западном мире» все отчетливее стали проявляться признаки трансформации религиозности и роли религии в общественной и частной жизни, в том числе и через рост неаффилированности (Wilkins-Laflamme, 2015). Первые проявления заинтересованности в исследовании сферы нерелигиозного встречаются с конца 60-ых годов XX в (Podolinská and Majo, 2022: 448-449). Г. Вернон в своей речи, представленной на ежегодном собрании Общества научного изучения религии в Монреале в 1968 году, заявил, что категорией так называемых религиозных «попес» (никаких) в большинстве случаев пренебрегают в академических кругах (он назвал их «забытой категорией») (Vernon, 1968). Сам ярлык «не имею религии» (no religion), впервые был использован в переписи населения США в 1957 году для идентификации тех, кто не принадлежал к формальной конфессии (not belong).

Изначально к «нонам» относили весьма разнородную аудиторию. Наряду с атеистами и агностиками, а также не имеющими «предпочтений» (no religious preference) и принадлежности (no religious affiliation), входили не классифицируемые и причисляемые к остаточной или «другой категории» (Vernon, 1968: 219). Вернон практически сразу ставит под сомнение легитимность нового ярлыка «никакие», так как использование того, чем оно не является, а не того, чем оно является, в качестве маркера определения очень многогранного явления может привести к ряду дискурсивных и концептуальных ошибок: 1) негативное восприятие этой группы людей; 2) декларируемая принадлежность к формальным группам (церкви, религии) не является единственным показателем уровня нерелигиозности.

Важной вехой в социологическом подходе к «нонам» является знаменитая статья Н. Гленна 1987 года, в которой содержится отчет, отображающий траекторию респондентов, сообщивших «не имею религии» в национальных опросах США с 1950-х по 1980-е годы (Glenn, 1987). Он обнаружил, что число людей, не исповедующих никакой религии, значительно возросло за предыдущие три десятилетия. Но учитывая не изученность данного феномена, определенные методологические и концептуальные трудности, Гленн предостерег от поспешной интерпретации этого явления как прямого подтверждения секуляризации.

Реакцией на все эти изменения становится знаковая работа британского социолога Колина Кэмбелла 1971 г. «К социологии нерелигии» (Toward a Sociology of Irreligion) в которой анализируются «возможности развития социологического исследования нерелигии». Кэмпбэлл намечает ориентиры для будущих исследований: необходимость детальной «идентификации, определения и описания

различных форм феноменов неверия и нерелигиозности», а также разрешения возникающих на этом пути теоретических трудностей; анализ основных нерелигиозных и секулярных социальных движений; изучение взаимосвязей между нерелигией и иными сферами социальной жизни (моралью, политикой); понимание внутренних и внешних источников и функций неверия и нерелигиозности (Campbell, 1971: VII). Автор высказывает надежду на то, что его исследование наконец поспособствует формированию «традиции социологического изучения нерелигии», которая на тот момент отсутствовала (Campbell, 1971: VII-VIII).

Когда в 80-ые были проведены первые опросы ценностей международными исследовательскими программы WVS и EVS, «никакие» составляли лишь 11,3% населения мира, а Европа с 10,5% была еще далека от «исключительного случая». Религиозные ноны еще долго представляли собой небольшую часть населения во многих странах, в том числе и США, где до середины 1990-х они составляли лишь 5-10% общей численности населения (Balazka, 2020; Bullivant, 2020). Их было достаточно, чтобы заметить, но слишком мало, чтобы заслужить устойчивое социологическое внимание. Слабый социологический интерес к нерелигиозности коренился как в разбросанности, «зачаточности» самого этого явления, так и в том, что «аналитически определить объект, который прежде всего характеризуется тем, чем он не является, проблематично» (Wohlrab-Sahr and Kaden, 2014). К тому же быть атеистом или иным нерелигиозным человеком «считалось самоочевидным; как естественное состояние зрелых цивилизованных людей (и многих ранних социологов) оно вряд ли требовало какого-либо обсуждения, не говоря уже о объяснении» (Campbell, 1971: IX; Bullivant, 2020).

Согласно отчету «Картографирование религиозных нонов в 112 странах», менее чем за четыре десятилетия с середины 80-ых доля «никаких» удвоилась на глобальном уровне, достигнув 25,9% (21,7% в неевропейских странах) и утроилась в Европе (30,2%). Географически религиозная непринадлежность постепенно становятся широко распространенным явлением, особенно в регионах Европы, Восточной Азии, Северной Америки и Австралии. Эта цифра растет с каждым годом, а в некоторых странах «ноны» уже составляют солидное большинство (Balazka, 2020). Социально-демографический портрет «нона» следующий: это в среднем белый молодой мужчина, поколения «зуммеров» или «миллениалов», живущий в крупном городе и имеющий более высокий уровень образования. Уровни и формы проявления религиозности «никаких», а также некоторые факторы (пол, возраст, образование) могут варьироваться и даже нивелироваться в зависимости от региона, историко-культурного, экономического, социального и политического контекстов (Voas and McAndrew, 2012; Lewis, 2015; Lee, 2018; Руткевич, 2020; Balazka, 2020). Стоит отметить, что, хотя число нерелигиозных людей велико и растет по всему миру, их доля в целом среди населения сокращается, поскольку среди нерелигиозных уровень рождаемости ниже среднего.

Первое увеличение научного внимания к «нонам» было зафиксировано в период с 2004 по 2013 год, но начиная с 2015 года дискуссия вступила в более динамичную фазу, отмеченную диффузией исследовательских центров и программ, специально ориентированных на научное изучение «не-религии». Возникает растущее осознание множественности, сложности и размытости позиций, скрываемых за ярлыком «религиозных никаких» и в целом нерелигиозных (Lee

2014; Balazka, 2020; Podolinská and Majo, 2022; Руткевич, 2020). Появляется желание разобраться в причинах такого рода тенденций и раскрыть ценностно-мировоззренческую составляющую не аффилированных.

Пытаясь понять, почему ситуация изменилась и после десятилетий тишины в социологии религии не просто возник интерес к нерелигиозным вопросам, а произошла полноценная «институционализация» новой сферы, можно предположить следующую группу взаимосвязанных факторов (Balazka, 2020; Bullivant, 2020; Skrzypek, 2024):

1. Прогрессивный рост категории «никаких» (nones) и осознание множественности идентификационных и мировоззренческих позиций, скрывааемых за этим ярлыком;

2. Популяризация атеистического дискурса в массовой культуре и академической среде, активизация самосознания неверующих, рост разнообразных организационных форм секулярности и неверия в начале 2000-ых (новый атеизм, движение Брайтс, научный скептицизм, пародийная религиозность и др.);

3. Возрастающая роль «никаких» в контексте продолжающихся дебатов о секуляризации, индивидуализации и религиозной ситуации в целом (концепты спада, роста, изменения религии и духовности).

Институционализация «нерелигии» как самостоятельной подотрасли. Опираясь на концептуальные положения работ Р.Метнона и П.Бурдьё, Булливант показывает, как произошел переход от актуализации и роста научных работ в области исследования нерелигии к полноценной «институционализации» подотрасли «социологии нерелигии» под влиянием внутренних и внешних взаимосвязанных процессов (Bullivant, 2020: 14-16).

Внутренний процесс – формирование архитектуры «профессиональных

структур» среди ученых-нерелигиоведов, включающий в себя создание специализированных сетей, семинаров, конференций, учебных программ и журналов. Этот процесс предполагает «дифференциацию» предмета от других областей социологии религии через критику прежней позиции «недооценки» и «маргинализации»; через уточнение и разъяснение ключевых терминов, пересмотр существующих теоретических основ и/или создание новых; выявление особенно влиятельных и новаторских текстов или фигур. По мнению Булливанта, в свое время такого же рода дифференциация и препятствия были на пути формирования исследований новых религиозных движений (НРД) как полноценной академической подотрасли в 1970-х годах. С другой стороны, институционализация предполагает *внешний* процесс признания и «легитимации» новой подотрасли со стороны более широкой дисциплины (социологии религии), обладающей «академическим капиталом» (по Бурдьё). Быстрый рост социологии нерелигии во многом обязан этому двойному процессу институционализации (Bullivant, 2020).

Более подробно, одним из главных «внутренних» аспектов на фоне появления устойчивого потока публикаций о нерелигиозном стало основание в конце 2008 г. Лоис Ли «Сети исследований нерелигии и секулярности» (NSRN)¹. Через год (2009) была проведена конференция «Нерелигия и секулярность: новые эмпирические перспективы»², признанная первым существенным мероприятием, посвященным этой теме. В эти два обобщающие термина (non-religion and secularity) авторы конференции

¹ The Nonreligion and Secularity Research Network (NSRN). URL: <https://thensrn.org/> (дата обращения: 02.02.2025).

² Non-religion and Secularity: New Empirical Perspectives. URL: <https://thensrn.org/wp-content/uploads/2011/11/nsrn-oxford-conference-nsrn-welcome.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

вкладывают целый комплекс точек зрения, опыта и институциональных механизмов, начиная с атеизма, агностицизма, безразличия и «нейтралитета» к религии, до некоторых форм и аспектов секуляризма, гуманизма и самой религии.

В 2011 г. NSRN организует виртуальную конференцию под названием «Терминология для исследований нерелигиозности и секуляризма»³, итогом которой стала разработка глоссария, призванного продемонстрировать понимание сообществом NSRN основных терминов, отражающих нерелигиозные смыслы: атеизм, нетеизм и секулярность, а также различные вариации с понятием «религия»: *areligious*, *anti-religious*, *irreligion*, *unreligion* и *non-religion*. «Non-religion» интерпретируется широко как «что-то, что определяется прежде всего тем, что оно отличается от религии». Нерелигия может принимать как явные (*explicit*), четко сформулированные или систематизированные формы (атеизм, агностицизм, индифферентизм, гуманизм), так и скрытые (*implicit*), как в случае с *никакими*, не аффилированными (Lee, 2011: 2-4). На этой же конференции Й. Куак, предвосхищая *реляционный подход*, акцентирует внимание на том, что задача «нерелигии» не в том, чтобы противопоставить веру неверию или религию атеизму, а в том, чтобы на единой основе (мировоззрение, смыслы, ценности) «подорвать эти оппозиции, подготовив почву для способов выявления сходств между формами религиозности и нерелигиозности, а также различий внутри различных форм нерелигиозности или неверия» (Quack, 2011).

В качестве обобщающей категории для изучения всего многообразия нерелигиозного применяют разные термины (неверие, свободомыслие, секулярность), но во многом благодаря

научной деятельности Кэмпбэлла, Ли, Булливанта и Куака наиболее устоявшимся сейчас на Западе является «нерелигия» (*irreligion* или *non-religion*). Под которой может пониматься: 1) отсутствие религии; 2) враждебность религиозным принципам (реакция против доминирующей религии); 3) нерелигиозное поведение и сознание, отсутствие или отвержение религиозных убеждений или практик; 4) множество нерелигиозных позиций (атеизм, агностицизм, скептицизм, рационализм, секуляризм, не аффилированность)⁴. Согласно Ли и Булливанту, *нерелигия* представляет собой сравнительно недавний академический зонтичный термин, который главным образом относится к «феноменам, которые в первую очередь идентифицируются отличием от религии, включая и те, которые отвергают религию» и включает в себя широкий спектр социальных и культурных проявлений атеизма, агностицизма, безразличия, нерелигиозности в плане отсутствия практик и принадлежности (*religious non-practice and non-affiliation*), светскости и других «смежных с религией» тем (Bullivant and Lee, 2016; Bullivant, 2020: 2-3). В зависимости от закладываемых смыслов и теоретических подходов, существуют разные способы написания этого термина – слитно, отдельно, через дефис или со скобками («non-religion», «(non-)religion», «(non)religion» и «non religion»). Так понятие «non-religion» может интерпретироваться как в узком, так и в широком смысле.

В первом случае – исследования, сфокусированные на отсутствии институциональной идентичности (аффилированности, принадлежности к конкретной религии, конфессии), где в

³ Virtual Conference: Terminology for Nonreligion and Secularity Research (2011). URL: <https://thensrn.org/virtual-conference-2011/>. дата обращения: 02.02.2025).

⁴ Britannica. Irreligion. URL: <https://www.britannica.com/topic/irreligion> дата обращения: 02.02.2025); Oxford English Dictionary. Irreligion. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=Irreligion> дата обращения: 02.02.2025).

центре внимания так называемые *общие нерелигиозные идентичности/категории* («generic nonreligious identities») (Lee, 2014), куда относятся: «никакие» (nones и dones); «не имеющие религии» (no religion); «нерелигиозные» (non-religious, not religious); «ничего особенного» (nothing in particular); «не-принадлежащие», «религиозно не-аффилированные» (no religious affiliation, non-affiliated, religiously unaffiliated); «вне конфессии», «ни к какому вероисповеданию» и т.д. В этой интерпретации слово «нерелигия» зачастую пишется через дефис («non-religion» или «non-religious studies») с акцентом на «nones» (никаких).

Во втором случае, нерелигия – это более широкая сфера исследований, посвященная всему многообразию нерелигиозных феноменов, форм и уровней нерелигиозности, секулярности, нерелигиозной духовности и свободомыслия (включая описанных выше религиозно не аффилированных): «никакие», нерелигиозные, неверующие (атеисты, агностики, апатеисты, игностики, нетеисты), антиклерикальные и антирелигиозные, вольнодумцы, секулярные, рационалисты, скептики, светские гуманисты, рационалисты, натуралисты, материалисты, пародийные религиозности, индифферентные, колеблющиеся (с уклоном в неверие), SBNR (духовные, но не религиозные), внеконфессиональные верующие, духовные искатели и т.п. Для этой области важен анализ всего диапазона отношений к религии от враждебного до нейтрального и альтернативного; всех вариантов нерелигиозности по трем показателям (сознание, поведение и идентичности), как в отдельности, так и вместе (что встречается очень редко); а также – всех форм функционирования организованных нерелигиозных сообществ (Lee 2014; Quack, Schuh, Kind, 2019).

За последние полтора десятка лет нерелигиоведческая «профессиональная архитектура» увеличилась в масштабах и

стала более разнообразной (Bullivant, 2020; Skrzypek, 2024): проведение ежегодных тематических международных конференций; появление рецензируемых журналов («Secularism and Non-religion» в 2012 г. и «Secular Studies» в 2019 г.); запуск исследовательских сетей со схожей проблематикой (к примеру, в 2014 г. появляется «The International Society for Historians of Atheism, Secularism, and Humanism», ISHAS); создание в 2015 г. издательской серии книг под названием «Религия и другие: исследования религии, нерелигии и секулярности»; грантовая поддержка различных проектов и исследовательских программ в области изучения нерелигии и неверия; появление крупных междисциплинарных публикаций, монографий и справочников по атеизму, секуляризму и нерелигии⁵. На ежегодном собрании «Общества по научному изучению религии» и «Ассоциации религиозных исследований» (SSSR/RRA) в 2018 году были организованы специальные сессии, представлено несколько докладов, непосредственно посвященных аспектам нерелигиозного и связанных с нерелигий областей (non-religion-related areas) (Bullivant, 2020). Произошло признание «нерелигии» со стороны религиоведов как самостоятельной области исследования.

⁵ Из наиболее значимых работ: The Oxford Handbook of Atheism (ed. Bullivant, Ruse, 2013); Recognizing the Non-religious: Reimagining the Secular (Lee, 2015); The Nonreligious: Understanding Secular People and Societies (ed. Zuckerman, Galen, Pasquale, 2016); The Oxford Handbook of Secularism (ed. Zuckerman, Shook, 2017); Being Godless: Ethnographies of Atheism and Non-Religion (ed. Blanes, Oustinova-Stjepanovic, 2017); Religious Indifference: New Perspectives from Studies on Secularization and Nonreligion (ed. Quack, Schuh, 2017); Freethought and Atheism in Central and Eastern Europe: The Development of Secularity and Non-Religion (ed. Bubík, Rimmel, Václavík, 2020); Nonreligious Imaginaries of World Repairing (ed. Beaman, Stacey, 2021); Nonreligion in Late Modern Societies: Institutional and Legal Perspectives (ed. Zwilling, Årsheim, 2022).

Теоретико-методологические трудности, подходы и альтернативы. Безусловно, предложенные выше интерпретации термина «non-religion» не являются универсальными, устраивающими всех ученых, исследующих нерелигиозное. Даже сама Л. Ли отмечала в ранних своих работах, что: «На данном этапе причиной использования термина «non-religion» является прагматическое решение. У нас просто нет лучшего слова, чтобы описать эти позиции, поскольку настоящий вопрос заключается не в концепции, а в том, сколько еще эмпирической и теоретической работы еще предстоит сделать» (Lee, 2012: 133).

До сих пор остается открытым вопрос о том, стоит ли объединять все многообразие форм неверия, нерелигиозного и секулярного мировоззрения, способов идентичности, деятельности, организации и отношения к религии под общим названием, и как должна звучать тогда такая потенциальная категория (Skrzypek, 2024: 56-57). Как отмечает А. Тэйвс, изучение «нерелигии» помогает нам выйти за рамки атеизма и «неверия», но в то же время вводит новые проблемы (Taves, 2018). По мнению Кэмпбелла, трудность заключается уже в том, что «в социологии религии нет единого мнения относительно понимания сути религии, а нерелигия в свою очередь определяется прежде всего ссылкой на религию» (Campbell, 1971: 17). К тому же вызывает сомнение бинарное восприятие, предполагающее наличие четких различий между религией и нерелигией (Taves, 2018; Cotter, 2020). Такого рода скепсис порой приводит к призывам вовсе отказаться от попыток определить, как религию, так и связанные с ней явления (включая нерелигию, атеизм и секулярность) (Jong, J. 2015).

Альтернативой субстанциональному взгляду на природу нерелигиозного становится «реляционный подход» (relational approach), в основе которого

лежит теория «религиозного поля» П. Бурдье (Quack, 2014; Skrzypek, 2024). В своей работе Кэмпбелл указывал путь к реляционному взгляду на нерелигию как ответ на религию, как область исследования взаимосвязи между определенными религиозными установками и нерелигиозным отношением к ним (Campbell, 1971). Наиболее полно данный подход разрабатывается Йоханнесом Куаком, автором ведущей интерпретации термина «нерелигия» и создателем термина «религиозно-связанное поле» или «поля, связанное с религией» (religion-related field), то есть поля отношений, взаимодействий, коммуникаций, связей религиозного и не нерелигиозного (Quack, 2014). В публикации «Очерк реляционного подхода к «нерелигии» он заявляет, что «нерелигиозность» следует понимать не как нечто сущностное, имеющее четкие характеристики, а как термин, используемый для обозначения различных способов установления связи между религиозной сферой и позициями, считающимися внешними по отношению к этой сфере. Нерелигиозное (non-religious) можно определять через его «отношение к религиозному, эмпирически изучая арены конфликтов, где отношения устанавливаются между ними обоими» (Wohlrab-Sahr and Kaden, 2014). То, что составляет отношения между религией и нерелигией, всегда зависит от конкретных условий времени и пространства (Quack, 2014: 448-450). Но стоит помнить, что «поле, связанное с религией» не затрагивает всех аспектов изучения нерелигиозного (Skrzypek, 2024).

Чтобы уйти от бинарности и субстанциональности, Тэйвс предлагает найти в качестве обобщающего термина что-то иное, более широкое: «мы не можем сравнивать религию и нерелигию, не указав всеобъемлющую рубрику, которая охватывает их обоих, так же как мы не можем сравнивать яблоки и апельсины без концепции фруктов» (Taves, 2018). Таким

основанием может служить «горизонтальная трансцендентность» как глубоко значимый личностный опыт, выходящий за пределы нерелигиозного, религиозного и духовного (Coleman et al. 2013). Булливант и Ли предлагают в качестве зонтичного термина «экзистенциальные культуры», охватывающие теистические, атеистические, гуманистические и другие нерелигиозные субкультуры, акцентирующие внимание на экзистенциальных практиках и убеждениях (Bullivant and Lee, 2016). Логическим завершением таких поисков, фокусирующихся на «экзистенциальном», на «предельных» или «больших вопросах» (big question, BQs), согласно Тайвс может служить выбор в пользу термина «мировоззрение» как более понятного и широко используемого не только в академической среде (Taves, 2018).

Схожей позиции придерживаются Крагэн и Маккаффри (Cragun and McCaffree, 2021), предлагая заменить термин *нерелигия* на *мировоззрение* как нейтральную в оценках категорию, вбирающую в себя как религию, так и нерелигию. Это позволит сосредоточиться на положительной сути идентичности нерелигиозных людей. Структуру мировоззрения, по их мнению, должны составлять ответы на вопросы онтологии («факты», что реально), эпистемологии (приобретение знания), аксиологии (мораль и ценности), праксиологии (как должны вести себя отдельные лица и общества) и космологии (верования «дожизненную» и загробную жизнь).

В след за поиском обобщающей исследовательской категории, возникает ряд иных теоретико-методологических проблем, связанных с пониманием многообразия нерелигиозных идентичностей и их классификации. Стоит учитывать динамический аспект нерелигиозности, фактор религиозной целостности во времени, уровень стабильности или подвижности

идентичности (Hout, Smith, 2015; Schwadel et al., 2021;). Ведь кроме более определенных позиций (атеисты, гуманисты и агностики), существует целый спектр «нечеткой» (размытой) маркировки (fuzzy labelling), куда могут входить «невоцерковленные» и «неаффилированные» верующие, «культурно религиозные» (Davie, 2000; Podolinská, Majo, 2022), «лиминальные ноны» (те, кто перешел из состояния «неаффилированного» в «аффилированное» и обратно) (Wilkins-Laflamme, 2015), отдельные типы атеизма (Baker, Smith, 2009; Wilkins-Laflamme, 2015), «духовные искатели» (Balazka, 2020). Показательны в этом плане недавние результаты исследований Й. Куака и М. Шульца в Южной Азии (Бангладеш и Индия), которые демонстрируют, как люди могут не верить в бога(ов), не заниматься религиозными обрядами, но в тоже время идентифицировать себя как мусульман или индуистов и одновременно атеистов (Quack and Schulz, 2023).

Бум нонов, рост статей о нерелигии и проявившиеся теоретико-методологические проблемы актуализировали продолжающиеся дебаты между сторонниками трех подходов к пониманию религиозной ситуации – подъема, упадка и изменения религии, религиозности и духовности (Podolinská, Majo, 2022; Skrzypek, 2024). Осмысление нонов и нерелигиозных тесно связано с распространенными нарративами о переходе к более/менее светскому обществу (независимо от того, понимается ли это как хорошее или плохое развитие). Примечательно, но и те, кто рад таким изменениям, и те, кто их боится, находят статистическое подтверждение своих нарративов на одних и тех же опросах и тенденциях (Ramey and Miller, 2013).

Так, невзирая на динамику снижения религиозной идентичности и практики, некоторые ученые заявляют о религиозном возрождении, десекуляризации,

депривации и ресакрализации религии, росте спроса на религию, духовность, веру в трансцендентные сущности (Heelas, 1996; Knoblauch, 2003). С другой стороны, приводятся аргументы в пользу религиозного упадка, форсированного поэтапного процесса секуляризации в большинстве стран мира, включая США, которые долгие годы служили контрпримером эффекта модернизации – спад количества верующих в Бога, детрадиционализация, недостаточная передача религиозных убеждений из поколения в поколение, прогрессивный рост «никаких» (Инглхарт, 2022; Dobbelaere, 2002; Bruce, 2006; Wilkins-Laflamme, 2015; Voas, 2015; Balazka, 2020; Kasselstrand et al., 2023). В тоже самое время, другие ученые интерпретируют те же явления как признаки религиозных изменений (Berger, 2012; Luckmann, 1990; Hout, 2017; Podolinská, 2022). С их точки зрения увеличение доли религиозно не аффилированных людей свидетельствует о растущей *индивидуализации* религии и духовности, о нереализованном запросе на «рынке религиозных идей и организаций» в современных обществах, с тенденцией к более персонализированным, «самодельным» формам религиозности, к сохранению личной веры и практики (Davie, 2000; Levin et al., 2022; Podolinská, 2022).

Но в каждом из этих подходов нерелигия зачастую рассматривалась лишь как индикатор чего-то другого (процесса модернизации или плохо развитого религиозного рынка), но не как самодостаточный феномен (Wohlrab-Sahr, Kaden, 2014). Как отмечает Ли, все вышеупомянутые подходы сосредоточены на обнаружении традиционных или новых проявлений религиозности за светскими фасадами, а не на исследовании того, как на самом деле проявляется нерелигиозность и секулярность определенных групп населения (Lee, 2015: 56-57). Необходимо фокусироваться не на самой религии или упадке религии к

нулевой точке, а на том, как религиозные явления перестраиваются и переформируются в светских условиях, в том числе и за счет появления и развития общих нерелигиозных категорий идентификации (ОНК), за которыми стоит не «ничто», а «нечто» существенное, требующее дальнейшего глубокого междисциплинарного изучения (Lee, 2014).

Есть и синтетический подход, сторонники которого считают, что несколько интерпретаций могут быть правильными, что религиозность одновременно и снижается, и меняется (Bullivant, 2020; Tromp et al., 2020; Balazka, 2020: 5). Такие ученые акцентируют внимание на комплексном изучении «светскости» и «постсекулярности», признавая наличие «светских верований» и «инноваций в религии», проявляющиеся во внутренних изменениях и трансформациях религиозных традиций и сообществ. Так Е. Д. Руткевич, опираясь на концепцию «религиозной сложности» для описания мозаичности и неоднозначности (не)религиозной ситуации, указывает на одновременное присутствие всех трех процессов в современном мире: религиозного упадка, роста и изменения (Руткевич, 2020). Действительно, в чистом виде нерелигиозность – весьма редкое явление. В современном сознании, опыте, поведении или идентичности всегда будут присутствовать в разных пропорциях те или иные аспекты религиозности и/или духовности, как и наоборот – в любой из форм традиционной религиозной идентичности всегда будут содержаться как светские, так и нетрадиционные религиозные атрибуты.

В итоге, в нарастающей сложности религиозной ситуации, неопределенности и динамичности границ и множественности взаимоотношений между сферами религиозности, духовности и нерелигиозности (Руткевич, 2020; Podolinská, 2022), возникает необходимость в поиске новых

методологических подходов и предложений к изучению нерелигиозного. По мнению Татьяны Подолинска, без пересмотра и «переопределения всех категорий маркировки, используемых для обозначения профиля современной религиозности, духовности и нерелигиозности, мы вряд ли сможем использовать термин «ноны» (nones) в собственном смысле» (Podolinská, 2022: 447). Для этого вначале стоит обратить внимание на качественные исследования и сосредоточиться на конкретных историко-культурных кейсах, многоплановых этнографиях. Для оценки реального масштабы и характеристик бриколажа среди «нонов» необходимо «расширение диапазона рассматриваемых убеждений и позиций» (Balazka, 2020), а также системы показателей и индикаторов, позволяющих респондентам лучше выражать различные сверхъестественные, антирелигиозные и светские мировоззрения (Taves, 2018). Важно также учитывать динамику, историко-культурные, политические «контексты» взаимодействия религиозного и нерелигиозного как на индивидуальном, так и на групповом уровнях (Quack et al., 2019; Podolinská, 2022; Skrzypek, 2024). Для полноты исследования нерелигии, наряду с опросами, следует использовать различные «мультиметодологические подходы» — качественные методы из психологии, антропологии, этнографии, позволяющие косвенно изучают ответы участников (Järnefelt, 2020; Hagström and Coreman, 2023). Для усовершенствованной этой новой области знания требуется разработка междисциплинарных перспектив и методологий, а также расширение исследований с целью включения большего разнообразия социокультурных условий проявления нерелигии (Quack, 2014; Bullivant et al., 2019; Catto et al., 2023).

Заключение (Conclusions).

Осторожная академическая заинтересованность к малочисленной категории религиозно не аффилированных

в конце 1960-ых сменилась со временем пристальным вниманием к вопросам нерелигиозности и неверия. Достигнув своего пика к 2010-ым, этот интерес нашел свое логическое завершение в зарождении и институционализации новой области исследования — социологии «нерелигии». Нерелигия — современная подотрасль социологии религии, предметом которой является все многообразие, сложность и динамичность нерелигиозных феноменов, форм их развития и проявления. Нерелигия фокусируется на постижении разных уровней и элементов нерелигиозности, неверия и секулярности (в аспектах сознания, мировоззрения, поведения, идентичности и опыта). Нерелигия затрагивает широкое поле альтернативных типов отношения к религии и духовности — от негативных, оппозиционных и критических, до скептических, нейтральных и плюралистических.

Становлению и развитию новой сферы исследования способствовали определенные факторы и процессы. На фоне очевидного прогрессивного роста общих нерелигиозных идентичностей (никаких, нерелигиозных, не имеющих религии), происходит постепенное понимание их внутреннего многообразия, сложности и динамичности. Начиная с 2000-ых появляются организованные формы секулярности и неверия, а в массовой культуре и научном сообществе актуализируется атеистический дискурс. Тенденции спада и изменений традиционной религиозности обнаруживаются со временем не только в идентичности, но и практиках и убеждениях у населения по всему миру (не ограничиваясь Западом). Это находит свое отражение в различных порой противоположных по смыслу интерпретациях в рамках продолжающихся дебатов вокруг секуляризационной парадигмы. Очевидно, нельзя не учитывать в современном мире всплески традиционной религиозной

идентичности и возрождения религии, но все же основными тенденциями последних двух десятилетий являются сложные (лоскутные), нестабильные и зачастую размытые симбиозы разнообразных форм индивидуальной религиозности, духовности и нерелигиозности, с акцентом на свободный плюралистический поиск (в первую очередь молодежью) новых внеинституциональных светско-духовных путей развития и практик, новой сакральности. Пропорциональное соотношение этих векторов в сознании зависит от суммы внешних и внутренних детерминант – конкретного историко-культурного, правового, политического и экономического контекстов, а также от образовательной системы, семейного воспитания и личного опыта.

Все эти взаимосвязанные процессы способствовали институционализации и легитимации нерелигии, «дифференциации» ее предмета. Основоположники не-религиоведения (Л. Ли, С. Булливант и Й. Куак) формируют специализированные сети и сообщества, проводят семинары, конференции, запускают учебные программы и гранты, открывают журналы и книжные серии. Происходит уточнение ключевых терминов, классификаций, и пересмотр существующих теоретико-методологических основ и/или создание новых. Наряду с субстанциональным бинарным подходом к изучению нерелигии возникают «реляционный» и «мировоззренческий». Появляются скептические взгляды на поиск обобщающих категорий, ярлыков и классификаций нерелигиозной идентичности ввиду их размытости, многогранности и подвижности.

Прошло более 40 лет с момента выхода книги Кэмпбелла в 1971 г., и вот, по словам Ли, она была «канонизирована как основополагающий текст ..., призванный выдвинуть на передний план и узаконить новую волну социологии нерелигии» (Lee, 2013: 180).

В предисловии к переиздаю 2013 г. Кэмпбелл, опираясь на возросшее в несколько раз количество ссылок на свою работу, заключает, что его надежды относительно «традиций изучения нерелигии» скорее всего оправдались. Как отмечает С. Булливант, если еще недавно в 2008 г. в крупнейшем справочнике по социологии религии изучение атеизма, секулярности и нерелигиозности объективно описывалось как «скудное, фрагментарное и недооцененное», то спустя всего десятилетие эта ситуация кардинально изменилась. Теперь существует специфическая, «постоянно растущая и диверсифицирующаяся (методологически, теоретически, географически) исследовательская литература», а исследование нерелигиозности стало более «институционализированной и устоявшейся подобластью социологии религии» (Bullivant, 2020: 86). И это не удивительно, ведь глубокое понимание специфики возникновения, функционирования и развития различных форм нерелигиозности и секулярности приближает нас к ответам на более широкие вопросы о религиозной ситуации в современном мире, об уровне и характере религиозности, и в целом – о будущем религии.

Список литературы

Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 238 с. ISBN 978-5-94380-337-6.

Руткевич Е. Д. Религия, неверие и духовность «никаких»: проблемы определения и изучения // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 3. С. 29-48. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-2>. EDN: UKFNLZ.

Baker J. O. B., Smith, B. G. None Too Simple: Examining Issues of Religious Nonbelief and nonbelonging in the United States // Journal for the Scientific Study of Religion. 2009. Vol. 48, №4. Pp. 719-733.

Balazka D. Mapping Religious Nones in 112 Countries: An Overview of European Values Study and World Values Survey Data (1981–2020). Trento: Fondazione Bruno Kessler. 2020. 51 p.

URL: https://www.researchgate.net/publication/344176211_Mapping_Religious_Nones_in_112_Countries_An_Overview_of_European_Values_Study_and_World_Values_Survey_Data_1981-2020 (дата обращения: 15.02.2025).

Berger P. L. Further Thoughts on Religion and Modernity // Society. 2012. Vol. 49, №4. Pp. 313-316.

Bruce S. Secularization and the Impotence of Individualized Religion // The Hedgehog Review. 2006. Vol. 8, № 1-2. Pp. 34-45.

Bullivant S. and Lee L. The Oxford Dictionary of Atheism. Oxford: Oxford University Press. 2016. DOI: <https://doi.org/10.1093/acref/9780191816819.001.0001>.

Bullivant S., Farias M., Lanman J., Lee L. Understanding Unbelief: Atheists and agnostics around the world St Mary's University Twickenham. 2019. URL: <https://www.stmarys.ac.uk/research/centres/benedict-xvi/docs/benedict-centre-understanding-unbelief-report.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).

Bullivant S. Explaining the Rise of “Non-religion Studies”: Subfield Formation and Institutionalization within the Sociology of Religion // Social Compass. 2020. Vol. 67, № 1. Pp. 86-102.

Campbell C. Toward a Sociology of Irreligion. New Perspectives in Sociology. Red Globe Press London, 1971. 171 p.

Catto R., Riley Ja., Elsdon-Baker F., Jones S.H., Leicht C. Science, religion, and non-religion: Engaging subdisciplines to move further beyond mythbusting // Acta Sociologica. 2023. Vol. 66, № 1. Pp. 96-110. DOI: <https://doi.org/10.1177/00016993221116248>.

Coleman TJ, III, Silver, CF and Holcombe, J. Focusing on horizontal transcendence: Much more than a “non-belief” // Essays in the Philosophy of Humanism. 2013. Vol. 21, № 2. Pp. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.1558/eph.v21i2.1>

Cotter C. The Critical Study of Non-religion: Discourse, Identification and Locality (Bloomsbury Advances in Religious Studies). Bloomsbury Publishing, 2020. 265 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350095274>.

Cragun R. T., and McCaffree K. J. Nothing Is Not Something: On Replacing Non-religion with Identities // Secular Studies. 2021. Vol. 3, № 1. Pp. 7-26. DOI: <https://doi.org/10.1163/25892525-bja10017>.

Davie G. Religion in Modern Europe. A Memory Mutates. Oxford: Oxford University Press. 2000. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198280651.001.0001>.

Glenn N. D. The Trend in “No Religion” Respondents to U. S. National Surveys, Late 1959s to Early 1980s // Public Opinion Quarterly. 1987. Vol. 51, № 3. Pp. 293-314.

Hagström J., Copeman Ja. Clarification and Disposal as Key Concepts in the Anthropology of Non-religion // Religion and Society. 2023. Vol. 14, № 1. Pp. 184-197. DOI: <https://doi.org/10.3167/arrs.2023.070307>.

Heelas P. The New Age Movements. The Celebration of the Self and the Sacralization of Modernity. Oxford: Blackwell, 1996. 288 p.

Hout M. Religious Ambivalence, Liminality and the Increase of No Religious Preference in the United States, 2006-2014 // Journal for the Scientific Study of Religion. 2017. Vol. 56, № 1. Pp. 52-63.

Hout M., Smith, T. W. Fewer Americans Affiliate with Organized Religions, Beliefs and Practice Unchanged: Key Findings from the 2014 General Social Survey. 2015. URL: https://www.norc.unc.edu/content/dam/norc-unc/pdfs/GSS_Religion_2014.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

Järnefelt E. Beneath the Surface: A Critique of the Common Survey Model in the Study of Non-religion // Secularism and Non-religion. 2020. Vol. 9, № 4. Pp. 1-9. DOI: <https://doi.org/10.5334/snr.106>.

Jong J. On (not) defining (non)religion // Science, Religion and Culture. 2015. Vol. 2, № 3. Pp. 15-24.

Kasselstrand I., Zuckerman P., Cragun R. Beyond Doubt: The Secularization of Society. NYU Press, 2023. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479814305.001.0001>.

Key Findings From the Global Religious Futures Project. Pew Research Center, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2022/12/21/key-findings-from-the-global-religious-futures-project/> (дата обращения: 21.02.2025).

Knoblauch H. Europe and Invisible Religion // Social Compass. 2003. Vol. 50. № 3. Pp. 267-274.

Lee L. Glossary NSRN. Virtual Conference: Non-Religion and Secularity Research Network (May 27). 2011. Pp. 1-4. URL: <https://thensrn.org/wp-content/uploads/2011/11/nsrn-glossary-28-april-2011-lois-lee1.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

Lee L. Research Note: Talking about a Revolution: Terminology for the New Field of Non-Religion Studies // Journal of Contemporary Religion. 2012. Vol. 27. № 1. Pp. 129-139.

Lee L. Introduction: Resuming a Sociology of Irreligion / In: Campbell C. Toward a Sociology of Irreligion. London: Palgrave, 2013. Pp. 1-16. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-00795-0_1.

Lee L. Secular or nonreligious? Investigating and interpreting generic 'not religious' categories and populations // Religion. 2014. Vol. 44, № 3. Pp. 466-482. DOI: <https://doi.org/10.1080/0048721X.2014.904035>.

Lee L. Recognizing the Non-religious: Reimagining the Secular. Oxford University Press. 2015. 248 p.

Lee L. The non-religious. Religion Media Centre, 2018. URL: <https://religionmediacentre.org.uk/factsheets/the-nonreligious/> (дата обращения: 11.02.2025).

Levin, J. Bandsaw, M., Johnson, B. R., Stark, R. Are Religious "Nones" Really Not Religious?: Revisiting Glenn, Three Decades Later // Interdisciplinary Journal of Research on Religion. 2022. Vol. 18. Article 7. URL: <https://www.baylorisr.org/wp-content/uploads/2022/06/2022-IJRR-Are-Religious-Nones-Really-Not-Religious.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

Lewis J. R. Education, Irreligion, and Non-religion: Evidence from Select Anglophone Census Data // Journal of Contemporary Religion. 2015. Vol. 30. № 2. Pp. 265-272.

Nikitaki S. The Place of Non-religion in Theology and Religious Studies: Issues and Insights from Empirical Research with Scholars of Religion / In book: Non-religion in Late Modern Societies. Springer, 2022. Pp. 209-227. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92395-2_12.

Podolinská T., Majó J. How to Approach (Non)Religion and Labelling Categories that Continue to be Fuzzy (Theoretical and Numerical

Take Off.) // Slovenský národopis. 2022. Vol. 70, № 4. Pp. 447-474. DOI: <https://doi.org/10.31577/SN.2022.4.37>.

Quack J. "Modes of Non-religiosity". Virtual Conference: Terminology for Non-religion and Secularity Research. 2011. URL: <https://thensrn.org/wp-content/uploads/2011/11/nsrn-terminology-conference-5-may-2011-johannes-quack-non-religion-stream1.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

Quack J. Outline of a Relational Approach to 'Non-religion' // Method and Theory in the Study of Religion. 2014. Vol. 26, № 4-5. Pp. 439-469.

Quack J., Schuh C, Kind S. The Diversity of Non-religion: Normativities and Contested Relations (1st ed.). London: Routledge, 2019. 196 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429196799>.

Quack J., Schulz M. Who Counts as 'None'? // Religion and Society. 2023. Vol. 14, №. 1. Pp. 126-139. DOI: <https://doi.org/10.3167/arrs.2023.070303>.

Religiously unaffiliated people face harassment in a growing number of countries. Pew Research Center, 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/01/27/religiously-unaffiliated-people-face-harassment-in-a-growing-number-of-countries/> (дата обращения: 21.02.2025).

Ramey S. and Miller M.R. Meaningless Surveys: The Faulty 'Mathematics' of the 'Nones'. Huffpost. 2013. URL: https://www.huffpost.com/entry/meaningless-surveys-the-f_b_4225306 (дата обращения: 16.01.2025).

Skrzypek Ja. Non-religion jako kategoria relacyjna // Kultura i Społeczeństwo. 2024. Vol. 68, №. 3. Pp. 53-79. DOI: <https://doi.org/10.35757/kis.2024.68.3.3>.

Schwadel P., Hardy S. A., Van Tongeren D. R., DeWall C. N. The values of religious nones, dones, and sacralized Americans: Links between changes in religious affiliation and Schwartz values // Journal of Personality. 2021. Vol. 89, № 1. Pp. 867-882.

Taves A. 'What is Non-religion? On the Virtues of a Meaning Systems Framework for Studying Nonreligious and Religious Worldviews in the Context of Everyday Life' // Secularism and Non-religion. 2018. Vol. 7, № 1. P. 9. DOI: <https://doi.org/10.5334/snr.104>.

Tromp P., Kulkova A. and Houtman D. Note: Religious Decline or Religious Change? Evidence from Thirteen Western-European Countries (1981-2008). 2020. URL: https://www.dickhoutman.nl/mediatheek/files/tromp_et_al_2019.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

Vernon G. M. The Religious "Nones" a Neglected Category // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1968. Vol. 7, № 2. Pp. 219-229.

Voas D., McAndrew, S. Three Puzzles of Non-religion in Britain // *Journal of Contemporary Religion*. 2012. Vol. 27, № 1. Pp. 29-48.

Voas D. The Normalization of Non-Religion: A reply to James Lewis // *Journal of Contemporary Religion*. 2015. Vol. 30, № 3. Pp. 505-508.

Wilkins-Laflamme S. How Unreligious Are the Religious "Nones". Religious dynamics of the Unaffiliated in Canada // *Canadian Journal of Sociology/Cahiers Canadiens de Sociologie*. 2015. Vol. 40, № 4. Pp. 477-500.

Wohlrab-Sahr M., Kaden T. Exploring the Non-Religious: Societal Norms, Attitudes and Identities, Arenas of Conflict // *Archives de Sciences Sociales Des Religions*. 2014. № 167. Pp. 105-125. DOI: <https://doi.org/10.4000/assr.26145>.

References

Inglhart, R. (2022), *Neozhidanny upadok religioznosti v razvityh stranah* [Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?], transl. by N. Firsova, EUSP Press, St. Petersburg, Russia, 238. (In Russian)

Rutkevich, E. D. (2020), ««Religion», «no religion» and «spirituality» of the «nones» issues of definition and study», *Research Result. Sociology and management*, 6 (3), 29-48, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-2>. (In Russian)

Baker, J. O. B., Smith, B. G. (2009), "None Too Simple: Examining Issues of Religious Nonbelief and nonbelonging in the United States", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 48 (4), 719-733.

Balazka, D. (2020), *Mapping Religious Nones in 112 Countries: An Overview of European Values Study and World Values Survey Data (1981–2020)*, Trento: Fondazione Bruno Kessler, 51, [Online], available at:

https://www.researchgate.net/publication/344176211_Mapping_Religious_Nones_in_112_Countries_An_Overview_of_European_Values_Study_and_World_Values_Survey_Data_1981-2020 (Accessed 4 February 2025).

Berger, P. L. (2012), "Further Thoughts on Religion and Modernity", *Society*, 49 (4), 313-316.

Bruce, S. (2006), "Secularization and the Impotence of Individualized Religion", *The Hedgehog Review*, 8 (1-2), 34-45.

Bullivant, S. and Lee, L. (2016), *The Oxford Dictionary of Atheism*. Oxford: Oxford University Press, DOI: <https://doi.org/10.1093/acref/9780191816819.001.0001>.

Bullivant, S., Farias, M., Lanman, J. and Lee, L. (2019), *Understanding Unbelief: Atheists and agnostics around the world*, St Mary's University Twickenham, London [Online], available at: <https://www.stmarys.ac.uk/research/centres/benedict-xvi/docs/benedict-centre-understanding-unbelief-report.pdf> (Accessed 22 February 2025).

Bullivant, S. (2020), "Explaining the Rise of "Non-religion Studies": Subfield Formation and Institutionalization within the Sociology of Religion", *Social Compass*, 67 (1), 86-102.

Campbell, C. (1971), *Toward a Sociology of Irreligion*, New Perspectives in Sociology, Red Globe Press, London, 171.

Catto, R., Riley, Ja., Elsdon-Baker F., Jones, S.H., Leicht, C. (2023), "Science, religion, and non-religion: Engaging subdisciplines to move further beyond mythbusting", *Acta Sociologica*, 66(1), 96-110, DOI: <https://doi.org/10.1177/00016993221116248>.

Coleman, TJ, III, Silver, CF and Holcombe, J. (2013), "Focusing on horizontal transcendence: Much more than a "non-belief"", *Essays in the Philosophy of Humanism*, 21 (2), 1-18, DOI: <https://doi.org/10.1558/eph.v21i2.1>.

Cotter, C. (2020), *The Critical Study of Non-religion: Discourse, Identification and Locality* (Bloomsbury Advances in Religious Studies). Bloomsbury Publishing, 264, DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350095274>.

Cragun, R.T., and McCaffree K. J. (2021), "Nothing Is Not Something: On Replacing Non-religion with Identities", *Secular Studies*, 3 (1), 7-26, DOI: <https://doi.org/10.1163/25892525-bja10017>.

Davie, G. (2000), *Religion in Modern Europe. A Memory Mutates*, Oxford: Oxford University Press, DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198280651.001.0001>.

Glenn, N. D. (1987), "The Trend in "No Religion" Respondents to U. S. National Surveys, Late 1959s to Early 1980s", *Public Opinion Quarterly*, 51(3), 293-314.

Hagström, J., Copeman Ja. (2023), "Clarification and Disposal as Key Concepts in the Anthropology of Non-religion", *Religion and Society*, 14 (1), 184-197, DOI: <https://doi.org/10.3167/arrs.2023.070307>.

Heelas, P. (1996), *The New Age Movements. The Celebration of the Self and the Sacralization of Modernity*, Oxford: Blackwell, 288.

Hout, M. and Smith, T. W. (2015), *Fewer Americans Affiliate with Organized Religions, Beliefs and Practice Unchanged: Key Findings from the 2014 General Social Survey*, [Online], available at: https://www.norc.umd.edu/content/dam/norc-org/pdfs/GSS_Religion_2014.pdf (Accessed 22 January 2025).

Hout, M. (2017), "Religious Ambivalence, Liminality and the Increase of No Religious Preference in the United States, 2006-2014", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 56 (1), 52-63.

Järnefelt, E. (2020), "Beneath the Surface: A Critique of the Common Survey Model in the Study of Non-religion", *Secularism and Non-religion*, 9 (4), 1-9, DOI: <https://doi.org/10.5334/snr.106>.

Jong, J. (2015), "On (not) defining (non)religion", *Science, Religion and Culture*, 2 (3), 15-24.

Kasselstrand, I., Zuckerman, P. and Cragun, R. (2023), *Beyond Doubt: The Secularization of Society*, NYU Press, 240, DOI: <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479814305.001.0001>.

Key Findings From the Global Religious Futures Project (2022), Pew Research Center, [Online], available at: <https://www.pewresearch.org/religion/2022/12/21/key-findings-from-the-global-religious-futures-project/> (Accessed 21 February 2025).

Knoblauch, H. (2003), "Europe and Invisible Religion", *Social Compass*, 50 (3), 267-274.

Lee, L. (2011), "Glossary NSRN", *Virtual Conference: Non-Religion and Secularity*

Research Network (May 27), 1-4, [Online], available at: <https://thensrn.org/wp-content/uploads/2011/11/nsrn-glossary-28-april-2011-lois-lee1.pdf> (Accessed 12 January 2025).

Lee, L. (2012), "Research Note: Talking about a Revolution: Terminology for the New Field of Non-Religion Studies", *Journal of Contemporary Religion*, 27 (1), 129-139.

Lee, L. (2013), "Introduction: Resuming a Sociology of Irreligion", In: *Toward a Sociology of Irreligion*, Palgrave, London, 1-16, DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-00795-0_1.

Lee, L. (2014), "Secular or nonreligious? Investigating and interpreting generic 'not religious' categories and populations", *Religion*, 44 (3), 466-482, DOI: <https://doi.org/10.1080/0048721X.2014.904035>.

Lee, L. (2015), *Recognizing the Non-religious: Reimagining the Secular*, Oxford University Press, 248.

Lee, L. (2018), "The non-religious", Religion Media Centre, [Online], available at: <https://religionmediacentre.org.uk/factsheets/the-nonreligious/> (Accessed 11 February 2025).

Levin, J. Bandsaw, M., Johnson, B. R. and Stark, R. (2022), "Are Religious "Nones" Really Not Religious?: Revisiting Glenn, Three Decades Later", *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, 18, Article 7, [Online], available at: <https://www.baylorisr.org/wp-content/uploads/2022/06/2022-IJRR-Are-Religious-Nones-Really-Not-Religious.pdf> (Accessed 11 February 2025).

Lewis, J.R. (2015), "Education, Irreligion, and Non-religion: Evidence from Select Anglophone Census Data", *Journal of Contemporary Religion*, 30 (2), 265-272.

Nikitaki, S. (2022), "The Place of Non-religion in Theology and Religious Studies: Issues and Insights from Empirical Research with Scholars of Religion", *Non-religion in Late Modern Societies*, Springer, 209-227, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92395-2_12.

Podolinská, T., Majo J. (2022), "How to Approach (Non)Religion and Labelling Categories that Continue to be Fuzzy (Theoretical and Numerical Take Off.)", *Slovenský národopis*, 70 (4), 447-474, DOI: <https://doi.org/10.31577/SN.2022.4.37>.

Quack, J. (2011), "Modes of Non-religiosity", *Virtual Conference: Terminology for Non-religion and Secularity Research*, [Online], available at: <https://thensrn.org/wp-content/uploads/2011/11/nsrn-glossary-28-april-2011-lois-lee1.pdf>

[content/uploads/2011/11/nsrn-terminology-conference-5-may-2011-johannes-quack-non-religion-stream1.pdf](#) (Accessed 12 January 2025).

Quack, J. (2014), "Outline of a Relational Approach to 'Non-religion'", *Method and Theory in the Study of Religion*, 26 (4-5), 439-469.

Quack, J., Schuh, C. and Kind, S. (2019), *The Diversity of Non-religion: Normativities and Contested Relations*, Routledge, London, 196, DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429196799>.

Quack, J., Schulz, M. (2023), "Who Counts as 'None'?", *Religion and Society*, 14 (1), 126-139, DOI: <https://doi.org/10.3167/arrs.2023.070303>.

Religiously unaffiliated people face harassment in a growing number of countries (2023), Pew Research Center, [Online], available at <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/01/27/religiously-unaffiliated-people-face-harassment-in-a-growing-number-of-countries/> (Accessed 21 February 2025).

Ramey, S. and Miller, M.R. (2013), "Meaningless Surveys: The Faulty 'Mathematics' of the 'Nones'", *Huffpost*, [Online], available at: <https://www.huffpost.com/entry/meaningless-surveys-the-f b 4225306> (Accessed 16 January 2025).

Skrzypek, Ja. (2024), "Non-religion jako kategoria relacyjna", *Kultura i Społeczeństwo*, 68 (3), 53-79, DOI: <https://doi.org/10.35757/kis.2024.68.3.3>.

Schwadel, P., Hardy, S. A., Van Tongeren, D. R. and DeWall, C. N. (2021), "The values of religious nones, dones, and sacralized Americans: Links between changes in religious affiliation and Schwartz values", *Journal of Personality*, 89, 867-882.

Taves, A. (2018), "What is Non-religion? On the Virtues of a Meaning Systems Framework for Studying Nonreligious and Religious Worldviews in the Context of Everyday Life", *Secularism and Non-religion*, 7 (1), 9, DOI: <https://doi.org/10.5334/snr.104>.

Tromp, P., Kulkova, A. and Houtman, D. (2020), Note: Religious Decline or Religious

Change? Evidence from Thirteen Western-European Countries (1981-2008), [Online], available at: https://www.dickhoutman.nl/mediatheek/files/tromp_et_al_2019.pdf (Accessed 16 February 2025).

Vernon, G. M. (1968), "The Religious 'Nones' a Neglected Category", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 7 (2), 219-229.

Voas, D., McAndrew, S. (2012), "Three Puzzles of Non-religion in Britain", *Journal of Contemporary Religion*, 27 (1), 29-48.

Voas, D. (2015), "The Normalization of Non-Religion: A reply to James Lewis", *Journal of Contemporary Religion*, 30 (3), 505-508.

Wilkins-Laflamme, S. (2015), "How Unreligious Are the Religious 'Nones'. Religious dynamics of the Unaffiliated in Canada", *Canadian Journal of Sociology/Cahiers Canadiens de Sociologie*, 40 (4), 477-500.

Wohlrab-Sahr, M. and Kaden, T. (2014), "Exploring the Non-Religious: Societal Norms, Attitudes and Identities, Arenas of Conflict", *Archives de Sciences Sociales Des Religions*, 167, 105-125, DOI: <https://doi.org/10.4000/assr.26145>.

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г. Поступила после доработки 01 июня 2025 г. Принята к печати 10 июня 2025 г.

Received 13 April 2025. Revised 01 June 2025. Accepted 10 June 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Богдан Сергей Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия.

Sergey S. Bogdan, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.

УДК 316.354

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-2

Оригинальная статья

Каразина Я. М.

**Значение культурных ценностей в понимании, восприятии
и интерпретации в межкультурной коммуникации**

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
проспект Вернадского, дом 76, Москва, 119454, Россия
yanina17@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли культурных ценностей в формировании межэтнического общения, используя социологический, этнокультурный и психолингвистический подходы. Рассмотрены и проанализированы процессы формирования личных, групповых ценностей и коммуникации, в особенности – передачи и восприятия информации. Проведены анализ и сравнение различных теорий, объясняющих связь культуры, ценностей и коммуникации. На основании анализа работ отечественных и зарубежных исследователей, показано значение ценностей, как ядра культуры, определяющего стандарты и нормы поведения ее представителей, рассмотрено их влияние на процесс коммуникации. Так же, сама коммуникация представлена, как фактор влияния на формирование ценностей. Подробно рассмотрен механизм взаимосвязи культурных ценностей, передачи, восприятия и интерпретации информации. Раскрыты понятия стереотипов и предрассудков в межкультурной коммуникации, рассмотрено их влияние на переговорный процесс. Обоснованы причины и проанализированы последствия искаженного взаимопонимания культур сторонами диалога, так же рассмотрены способы повышения эффективности диалога, посредством культурного взаимоинформирования и аккультурации. Проанализировано воздействие диджитализации на процесс обмена информацией и управления ценностями. Изучена роль цифровых технологий в формировании феномена постправды и управление ею. Рассмотрены проблемы роста субкультур, и их влияние на эффективность межкультурной коммуникации в мире.

Ключевые слова: культурные ценности; межкультурная коммуникация; понимание; восприятие; интерпретация; язык; стереотип; диджитализация

Информация для цитирования: Каразина Я. М. Значение культурных ценностей в понимании, восприятии и интерпретации в межкультурной коммуникации // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 22-32. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-2.

Ianina M. Karazina

The importance of cultural values in understanding, perception and interpretation in intercultural communication

Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia
yanina17@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of cultural values in the formation of interethnic communication using sociological, ethnocultural and psycholinguistic approaches. The processes of formation of personal, group values and communication, in particular – the transfer and perception of information are considered and analyzed. An analysis and comparison of various theories explaining the relationship between culture, values and communication is carried out. Based on the analysis of the works of domestic and foreign researchers, the significance of values as the core of culture that determines the standards and norms of behavior of its representatives is shown, their influence on the communication process is considered. Also, communication itself is presented as a factor influencing the formation of values. The mechanism of the relationship between cultural values, transmission, perception and interpretation of information is considered in detail. The concepts of stereotypes and prejudices in intercultural communication are revealed, their influence on the negotiation process is considered. The causes of distorted mutual understanding of cultures by the parties to the dialogue are substantiated and the consequences are analyzed, ways to improve the effectiveness of dialogue through cultural mutual information and acculturation are considered. The influence of digitalization on the process of information exchange and value management is analyzed. The role of digital technologies in the formation and management of the phenomenon of post-truth is studied. The problems of the growth of subcultures and their impact on the effectiveness of intercultural communication in the world are considered.

Keywords: cultural values; intercultural communication; understanding; perception; interpretation; language; stereotype; digitalization

Information for citation: Karazina, Ia. M. (2025), “The importance of cultural values in understanding, perception and interpretation in intercultural communication”, *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 22-32, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-2.

Введение (Introduction). В статье исследуется влияние ценностей, как личных, так и групповых на процессы межкультурной коммуникации, а также роль диджитализации в этом процессе. Исследования демонстрируют, что в то время как, с одной стороны, продолжающиеся глобализационные процессы способствуют размыванию границ между национальными рынками, с

другой стороны, сохраняется тенденция усиления культурной дифференциации между нациями, регионами и этническими группами, что, как следствие, порождает коммуникативные барьеры в глобальном диалоге. В то же время, высокие темпы диджитализации различных форм передачи информации вносят существенные изменения в устоявшиеся коммуникативные процессы. Анализ

влияния культурных факторов на процессы коммуникации в современных условиях представляет собой существенный вклад в признание и понимание этих проблем, а также является необходимым для разработки и имплементации новых межкультурно-ориентированных моделей. Эти модели должны способствовать повышению эффективности коммуникации, как внутри транснациональных структур, так и в процессе внешнего межкультурного диалога.

Вопросы взаимосвязи и влияния культуры и межкультурной коммуникации изучались еще в античной философии. На протяжении последнего столетия, эти вопросы были освещены в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов: в рамках исследования социальной основы культуры в работах Н. А. Бердяева, Н. З. Чавчавадзе, М. Вебера. Г. А. Брутян, П. Я. Гальперин, Н. И. Жинкин, Ю. Н. Караулов, В. Б. Касевич, Ж. Пиаже. В. С. Степин в своих исследованиях представляли влияние коммуникации на развитие культуры. Такие исследователи, как Ю. Лотман и М. М. Бахтина изучали различия между теоретическими проблемами коммуникации и процессом диалога. В. И. Гуляев, Л. С. Выготский, К. Шеннон, У. Уивер и др. исследовали вопросы языковой системы в коммуникации, В. С. Библер, В. Гумбольдт и М. М. Бахтин работали над исследованием влияния искусства и культуры на коммуникацию. Роль культурных ценностей в обществе рассматривалась в работах М. Вебера, Т. Парсона и Б. Малиновского. Работа Э. Холла «Немой язык» демонстрирует неразрывную взаимную связь между культурой и коммуникацией. С. Маккуайр С. Джефферес исследовали вопросы управления массовым сознанием посредством цифровых инструментов коммуникации.

В современной российской действительности, ввиду смены основного

политического вектора с Запада на Восток, способствующего возрастанию потребности в формировании собственной идентичности, вопрос освоения механизмов межкультурной коммуникации приобретает все большее значение. Сегодня, на фоне глобализации и смены устоявшихся мировых отношений, высокое техногенное и цифровое развитие способствует сверхскоростям передачи информации из одной точки мира в другую и при этом ее неограниченному смысловому наполнению, что формирует новую парадигму – информационную.

Дихотомия глобализационного характера, с одной стороны ярко демонстрирует взаимодействие, а с другой – столкновение наций, культур, смыслов и ценностей (Gadzhimuradova, 2020: 135). В этой связи, коммуникации, как инструменту с одной стороны, обусловленному ценностями и культурой, а с другой стороны – формирующей их отводится ведущая роль. Под влиянием цифрового развития сформировались и формируются новые виды деятельности человека, профессии, услуги, требующие наличия соответствующих форм речевых коммуникаций. Более того, в обществе всегда присутствовали разные уровни общения: обыденное, профессиональное, деловое, межкультурное и т.д., которые обладают своей спецификой речевой коммуникации (Сун, 2023:236). Традиционное понятие коммуникации относится к процессу передачи и обмена информацией между людьми или группами. Человек информационной эпохи живет в пространстве коммуникаций, сформированных из образов, символов, мифов, стереотипов, восприятие которых происходит через призму культурных ценностей.

Рассмотрим подробнее само понятие культурных ценностей. В зависимости от научного дискурса существуют разные определения, среди которых стоит выделить такие факторы, как культурная ценность, культурная норма и принципы.

Так, например, в культурологическом аспекте ценности – это «фиксированные в человеческом сознании характеристики отношения объекта к человеку и, соответственно, человека к объекту» (Воложанинова, 2022: 18), в социально-антропологическом контексте – как «универсализация смысла» (Белик, 1998), в немецкой этнологии как «имплицитные теории» (Niklas, 1995:73). Ценности – это социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением (Стернин, 1996: 108). Ценности – это то, что априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и «правильно». «Ценности вызывают определённые эмоции, они окрашены чувствами и побуждают людей к определенным действиям» (Садохин, 2002: 166).

В структуре национальной культуры ценности являются ядром, окруженным, в свою очередь, принципами, реализующимися в нормах и правилах. Принципами называют «конкретные стереотипы мышления и поведения, «общие мнения», представления, убеждения, устойчивые привычки в деятельности, механизмы казуальной атрибуции» (Стернин, 1996: 108). Культурные принципы формируют специфическое мировосприятие, направляя мышление и поведение членов этнического коллектива по определенным стереотипным шаблонам. (Гаджимурадова, 2022: 4-8). Культурные нормы, представляющие собой образцы поведения и представления о добре и зле, выступают в роли фильтра, определяющего, что мы замечаем в окружающем мире. Как правило, мы воспринимаем только то, что соответствует этим нормам, игнорируя то, что в них не вписывается.

Культурные нормы формируются и закрепляются в обыденном сознании общества. Нравственные нормы возникают непосредственно в процессе повседневного общения между людьми. Моральные

принципы воспитываются через привычку, общественное мнение и оценки близких. Важную роль в формировании норм культуры играют взаимное одобрение и осуждение, личный и коллективный пример, а также наглядные образцы поведения, представленные как в словесной, так и в поведенческой формах. Передача культурных норм и ценностей внутри социальных структур осуществляется в большей степени посредством коммуникации.

Методология и методы (Methodology and Methods). Рассмотрим подробнее механизмы коммуникации. В основе коммуникационной деятельности исторически лежит речевая деятельность. Изначально, со времен формирования племен и общин, культура группы (племени) задавалась лидерами (старейшинами) посредством коммуникации и определяла ценности каждой личности этой группы. Ценности личности – культуру личности, культура личности – культуру группы, посредством коммуникации. На протяжении тысячелетий этот процесс был непоколебим, так как основными инструментами были действие и речь.

Понятие речевой деятельности как процесса коммуникации рассматривается широким кругом ученых. Одним из более емких, является утверждение Л.С. Выгодского, что «речевая деятельность – это процесс материализации мысли, т.е. превращения её в слово» (Выготский, 1999: 11) Под коммуникацией в широком смысле понимаются и система, в которой осуществляется взаимодействие, и процесс взаимодействия, и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию (Михельсон, 2019: 6).

Чтобы выявить значение культурных ценностей в коммуникации, рассмотрим подробнее ее составляющие. Принято выделять вербальную и не вербальную коммуникацию. Вербальная коммуникация

пронизывает все области сознательной деятельности человека, она проходит как процесс воспроизведения, передачи, а также интерпретации сообщения посредством речи и языковых символов. Вербальная коммуникация представляет собой систему совместной деятельности оппонентов (Волошина, 2022: 114-124).

Главной единицей вербальной коммуникации является языковая система знаков, преобразованная в слова, предложения и фразы. В ее структуре выделяют 3 фактора: смыслы, звуковые явления и выразительность (Апресян, 1995).

Модель передачи информации в речевом сообщении была неоднократно исследована разными специалистами, и может быть представлена следующей последовательностью, подробно описанной в информационной теории Шенона и Уивера: процесс коммуникации состоит из передачи сообщения от источника к адресату через коммуникационный канал – адресант кодирует информацию при помощи определенной системы знаков, в то время как для усвоения информации от адресата требуется проделать обратную процедуру декодирования. (Shannon, 1963). Остановимся подробнее на вопросе предложенной кодировки. Как подробно описывал в своих работах Л. С. Выготский – формирование мысли-образа языка происходило ввиду длительного культурно-исторического развития. Таким образом, то или иное понятие, сформированное в одном языке, может значительно отличаться от аналогичного понятия другого языка. И это отличие обусловлено сразу 2-мя факторами – культурой общности индивида и его индивидуальными ценностями и представлениями. В современном мире носители одного языка нередко являются представителями разных культур, в связи с чем культурные расхождения возможны и в одноязычной этнической группе. Одно и то же слово может вызывать совершенно

разные образы у носителей одного языка, но имеющих географические, субкультурные или социальные различия. Для повышения эффективности взаимопонимания в данном случае, потребуются дополнительные уточнения.

Невербальная коммуникация представляет собой процесс передачи информации без языковой кодировки.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Выделяют три группы невербальных средств: 1) поведенческие символы, обусловленные физиологическим аспектом, например, потоотделение, покраснение лица; 2) ненамеренные символы, которые человек может употреблять по привычке, например, покусывание губ, почесывание носа; 3) коммуникативные символы: сигналы, которые передают информацию о состоянии, объекте или событии (Aitken, 2015.).

При этом, невербальная коммуникация является так же симбиозом культурно-этических факторов индивида и его персональных особенностей, а также внутренних ценностей. Так, например, в культуре одного этноса принято активно жестикулировать в то время, как в другой – излишняя жестикуляция считается признаком суетливости (Воложанинова, 2022: 38-39).

Неразрывная связь культурных ценностей и коммуникации проявляется в словесном, речевом выражении мысли. О. Д. Павлова с своей научной статье «Язык – как основа культуры» подробно описывает историю становления представлений о языке от Античных времен до современности (Павлова, 2011:70). Работы В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа сформировали концепцию тесной связи языка и культуры. «Культуру можно определить, как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают. Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой»

(Сепир, 1993:654). Язык как «сила», формирующая представление человека об окружающем мире, определяет его «миропонимание», его внутреннюю форму и оказывает влияние на культуру народа Михельсон, 2019:71).

В российской современной науке, сторонниками этой идеи являются Л. В. Щерба, – «мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» (Щерба, 1974: 69), Д. Апресян, подчеркивающий, что каждый язык создает свой способ «мыслить мир», в котором «воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» (Апресян, 1995: 629). В то же время, такие ученые как Г. А. Брутян, П. Я. Гальперин, Н. И. Жинкин, Ю. Н. Караулов, В. Б. Касевич, Ж. Пиаже, Б. А. Серебренников и др. не разделяют данной теории, полагая, что язык является проявлением человеческого сознания.

Следовательно, можно сказать, что культура и культурные ценности являются неотъемлемой частью процесса коммуникации, прямо влияют на формирование и восприятие мысли-образа. Эффективность коммуникативного процесса определяется уровнем понимания тех же смыслов, принимающим информацию, которые заложил в нее передававший. Попробуем наглядно представить алгоритм коммуникации, описанный в статье Д. Хайнсом, К. Кабахидзе, А. Сувиной (Hynes, Kabakhidze, Suvirova, 2018).

Процесс передачи информации может быть выражен следующей последовательностью: формирование мысли-образа – передача через систему языкового кода – источника информации.

Процесс понимания представляет собой восприятие информации и интерпретацию через систему языкового кода принимающего (см. Рисунок).

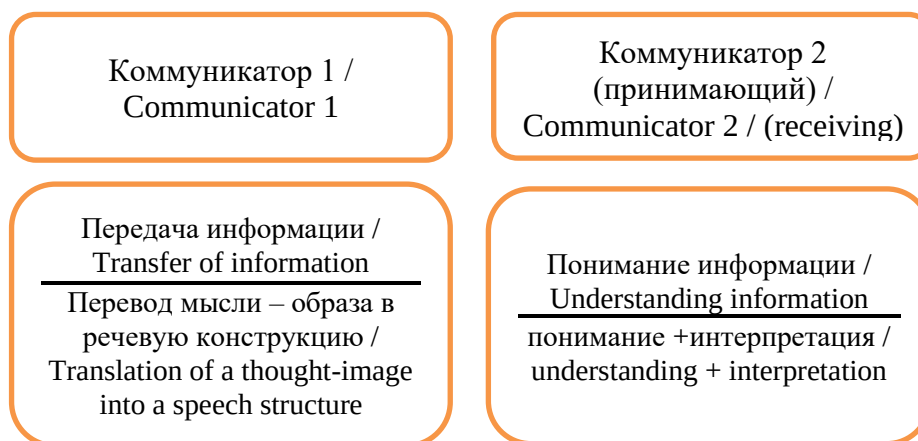

Рисунок. Модель коммуникации
Figure. Communication model

Как было изложено выше, система языкового кода во многом обусловлена культурными ценностями среды, личными ценностями участников коммуникации и стереотипами. С точки зрения эффективности коммуникации, стереотип есть представление одного коммуникатора о культуре (в широком смысле) другого

участника коммуникации (Шеманаева, 2022: 55)

Таким образом, говоря об эффективности, мы можем заключить, что уровень эффективной коммуникации во многом обусловлен соответствием представлений каждого из участников о культуре другого с его действительной

культурой. Для удобства, представим в виде формулы,

$$\text{ЭК} = (K1 * \text{Пк}2) * (K2 * \text{Пк}) * X$$

где:

$K\text{ЭК}$ – коэффициент эффективности коммуникации, в %

$K1$ – культурные ценности участника процесса №1 (равно 1)

$K2$ – культурные ценности участника процесса №2 (равно 1)

$\text{Пк}1$ – представление Участником №1 о культурном участнике №2

$\text{Пк}2$ – представление Участником №2 о культурном участнике №1

X – прочие факторы коммуникации

Для удобства рассмотрим ситуацию: ссть предполагаемые 2 стороны коммуникации. Допустим, фактор X – находится в максимальном значении и равен 1. (т.е. прочие условия, влияющие на переговорный процесс выполнены на 100%).

В случае, если стороны полностью осведомлены о культурных ценностях друг друга, то подставив предполагаемые цифры, получим значение:

$$K_{\text{эк}} = (1 * 100\%) * (1 * 100\%) * 1 * 100\% = 100\%$$

Т.е. в идеальном варианте будет достигнут максимальный коэффициент эффективности, и напротив, в случае, если одна сторона, например, осведомлена на 50%, а другая на 70%, то результат будет примерно следующим:

$$K_{\text{эк}} = (1 * 50\%) * (1 * 70\%) * 1 * 100\% = 35\%$$

Следовательно, культурные ценности состоят в прямой корреляции с процессом коммуникации. Чем более схожи или понятны ценности представителей групп друг другу, тем быстрее происходит взаимопонимание, и наоборот.

Наиболее ярко это явление наблюдается в межкультурной коммуникации, так как подразумевает непосредственное взаимодействие изначально разных культур.

Межкультурный диалог – это во многом диалог мировоззрений: религиозных и не религиозных, светских. При этом, отдельные культуры не могут быть поняты без учета их ценностных доминант, формирующих религиозную принадлежность индивида и группы. Формирование различных религиозных ответвлений, а также нерелигиозных субкультур, уже привели к большому ценностному и морально-этическому разнообразию. Диджитализация, с одной стороны, открывает возможность лучше понять подобные культуры, давая возможность быстрого получения информации, но с другой – информационное влияние, а порой и давление увеличивает искажения в процессе восприятия и интерпретации. При этом стоит отметить, что на ведение переговоров, помимо культурных различий оказывает влияние также и личные качества человека (толерантность, предприимчивость, личный опыт).

Таким образом, «межкультурную коммуникацию следует рассматривать как совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» (Волошина, 2022).

Как пишет в своей статье Е. В. Приказчикова, чтобы межкультурная коммуникация была успешной, «коммуниканты должны больше знать о различиях между культурами» (Приказчикова, 2023: 98). Но чтобы понять культуру другой стороны, и определить сходства и различия необходимо знать и глубоко понимать собственную.

В более широком смысле, стоит сказать, что в каждой культуре есть свой набор ценностей, представляющих взаимосвязанную систему, определяемую в том числе и реалиями понимания и восприятия действительности. «Ценности служат системой координат, которая помогает индивидам понимать важность каких-либо вещей в обществе» (Таратухина, 2024).

Широкое понимание культуры необходимо для осмысления межкультурного общения, прежде всего потому, что оно охватывает не только воспринимаемый внешне, видимый (объективный) образ жизни человека, но и скрытый, внутренний (субъективный) мир каждой отдельной культуры, определяемый ценностями, ценностными ориентациями, специфическими способами восприятия и мышления, нормами поведения и морали (Волошина, 2022).

Диджитализация коммуникативных процессов: развитие цифровых сетей, каналов, площадок, инструментов и методов передачи информации, возможность оперативного доступа к любым ее видам, должны бы способствовать вопросам культурного взаимопостижения, пониманию и укреплению собственных ценностей, но одновременно с этим создали и новые риски, и угрозы (Гаджимурадова, 2018: 139). В виду высокой степени политизации и капитализации информационных систем появилась активная охота за потребителем, способствующая навязыванию новых экономически или политически выгодных ценностей. Подмена собственных и воспринимаемых ценностей ведет к формированию ложных стереотипов, а порой и вовсе лишает стороны возможности диалога. Засилье фактически необоснованной информации, подвержение сомнению авторитету фактов сформировало феномены пост-правды и дипфейка, влияние на общество которых является предметом серьезного анализа (Филиппов, Зубов, 2024: 386-393).

Заключение (Conclusions). Подводя итоги, можно сделать вывод, что в каждой культуре существуют свои нормы, формы их проявления, правила, а также фундаментальные ценности, формирующую культурную идентичность. При этом, в течении времени каждая культура подвержена тем или иным изменениям. Коммуникация представителя

каждой культуры строится исходя из его культурной идентичности и представлении о другой культуре. При недостаточном исследовании, выборе малоэффективных методов, такие представления могут трансформироваться в стереотипы и предрассудки. Представление о другой культуре, не соответствующее ее действительности, в процессе коммуникации могут снижать ее эффективность или вовсе привести к конфликтам. Воспринимая «чужую» культуру стороны, должны учитывать ее контекст и выражать свои мысли и чувства в соответствии с ним.

Культура влияет на формирование межкультурной коммуникации. Развитие межкультурного интеллекта, включающего в себя учет ценностных и мировоззренческих ориентаций стороны диалога, повышает процессы взаимопонимания. Постигание культуры одной страны представителями другой является многоаспектным процессом международного взаимодействия, в котором участвуют многочисленные акторы, выступающие в качестве агентов трансляции и реципиентов социокультурного опыта. Сегодня, средством представления и продвижения культурного образа этноса, его ценностей, норм, правил и нравов в межкультурном пространстве, повышающие эффективность межкультурного диалога является культурная дипломатия, реализуя которую необходимо учитывать роль культурных ценностей в понимании, восприятии и интерпретации информации в межкультурном диалоге.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1995. EDN: RETGCV.
- Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 1998.
- Воложанинова С. С., Федорова И. В. Особенности невербального общения в разных

культурах // Современная коммуникация: стратегии и тактики взаимодействия: сборник материалов десятой международной студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 05 марта 2022 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 35-41. EDN: HYYOFU.

Волошина Т. Г., Радович М. А. Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 1. DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124). EDN: SVIRZN.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Л.: Изд-во «Лабиринт», 1999.

Гаджимурадова Г. И. Миграционные тренды в эпоху глобальных перемен // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 4-8. DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1). EDN: ASIFNT.

Гаджимурадова Г. И. Опыт миграционной политики некоторых стран Северной Европы и возможность его применения в России (по результатам качественного исследования в лагере беженцев в Финляндии) // Власть. 2018. Т. 26, № 4. С. 139-142. DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1). EDN: ASIFNT.

Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов.; под ред. А. П. Садохина. М., 2002.

Михельсон С. В. Анализ культурных различий и коммуникативных барьеров в межкультурной деловой коммуникации в условиях глобальной поликультурной среды // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10, № 2. С. 6. EDN: XDCGJH.

Павлова О. Д. Язык как основа культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). С. 69-73. EDN: NEFRWD.

Приказчикова Е. В. Стереотипы восприятия в межкультурной коммуникации // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник научных статей. Том 24. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», 2023. С. 96-100. EDN: EOOQHO.

Садохин А. П. Этнология: учебный словарь. М.: Гардарики, 2002.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.

Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Издательство «Эйдос», 1996. С. 98-112. EDN: ZCGRXB.

Сун Ц. Х. Речевая коммуникация и её роль в русском и китайском языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2023. № 1 (79). С. 236-245. EDN: FRAVPQ.

Таратухина Ю. В. [и др.] Культурный интеллект и культурная грамотность в постглобальном мире.: монография. Москва: Русайнс, 2024. ISBN 978-5-466-08321-7.

Филиппов А. Р., Зубов В. В. Медиа в эпоху постиндустриализма: политологический аспект // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы конференции. Ярославль, 2024. С. 386-393. EDN: GHVLTQ.

Шеманаева М. А., Красильникова В. Д. Стереотипы и стереотипизация в межкультурной коммуникации // Вопросы иноязычного образования и межкультурной коммуникации в региональном университете: сборник научных трудов. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2022. С. 53-57. EDN: JOEZNC.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Aitken A. J. Scottish accents and dialects. 2015. URL: [http://media.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scottish accents and dialects.pdf/](http://media.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scottish%20accents%20and%20dialects.pdf/) (дата обращения 20.02.2025).

Gadzhimuradova G. Muslims in Europe: Identity crisis between “EUROPEAN” and “ISLAMIC” Values // Balkan Journal of Philosophy. 2020. Т. 12, № 2. Pp. 133-138. DOI: [10.5840/bjp202012216](https://doi.org/10.5840/bjp202012216) EDN: HMBBVX.

Niklas H. Kulturkofflikt und interkulturelles Lernen // Kulturstandarts in dir internationalen Begegnung. Saarbrücken, 1995.

Hynes J. W., Kabakhidze K. L., Suvirova A. Y. Understanding as Basis of Intercultural Communication: psycholinguistic, ethnosociocultural aspects and educational solutions // Communicology (Russia). 2018. Vol.

6, № 2. Pp. 52-59. DOI [10.21453 / 2311-3065-2018-6-2-52-59](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-2-52-59).

Shannon E., Weaver W. Mathematical Theory of Communication. Urbana: University of Illinois Press, 1963.

References

Apresyan, Yu. D. (1995), "Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world", *Izbrannye trudy* [Selected Works], 2, Languages of Russian Culture, Moscow, Russia, EDN: RETGCV. (In Russian)

Belik, A. A. (1998), *Kulturologiya. Antropologicheskie teorii kultur* [Cultural studies. Anthropological theories of cultures], Russian State Humanities, Univ, Moscow, Russia. (In Russian)

Volozhaninova, S. S., Fedorova, I. V. (2022), Features of non-verbal communication in different cultures, *Sovremennaya kommunikatsiya: strategii i taktiki vzaimodejstviya: sbornik materialov desyatoy mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ekaterinburg, 05 marta 2022 goda* [Modern communication: strategies and tactics of interaction: Proceedings of the tenth International Student Scientific and Practical Conference], Yekaterinburg, March 05, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, 35-41, EDN: HYYOFU. (In Russian)

Voloshina, T. G., Radovich, M. A. (2022), "Linguistic and cultural aspects in the course of contact interaction", *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*, 41 (1), 114-124, DOI: [10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124), EDN: SVIRZN. (In Russian)

Vygotsky, L. S. (1999), *Myshlenie i rech* [Thinking and speech], Publishing House "Labyrinth", Moscow, Russia/ (In Russian)

Gadzhimuradova, G. I. (2022), "Migration trends in the era of global change", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (1), 4-8. DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1), EDN: ASIFNT. (In Russian)

Gadzhimuradova, G. I. (2018), "The experience of migration policy in some Nordic countries and the possibility of its application in Russia (based on the results of a qualitative study in a refugee camp in Finland)", *Vlast*, 26(4), 139-142, DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1), EDN: ASIFNT. (In Russian)

Grushevitskaya, T. G. [et al.] (2002), *Osnovy mezhkulturnoy kommunikatsii: uchebnik*

dlya vuzov [Fundamentals of intercultural communication: a textbook for universities], ed. by A.P. Sadokhin, Moscow, Russia (In Russian)

Mikhelson, S. V. (2019), "Analysis of cultural differences and communicative barriers in intercultural business communication in a global multicultural environment", *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*, 10 (2), 6, EDN: XDCGJH. (In Russian)

Pavlova, O. D. (2011), "Language as the basis of culture", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 69-73, EDN: NEFRWD. (In Russian)

Prikazchikova, E. V. (2023), "Perception stereotypes in intercultural communication", *Problemy lingvistiki i mezhkulturnoy kommunikatsii: sbornik nauchnykh statey* [Problems of linguistics and intercultural communication: collection of scientific articles], 24, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Enlightenment", Moscow, Russia, 96-100, EDN: EOOQHO. (In Russian)

Sadokhin, A. P. (2002), *Etnologiya: uchebny slovar* [Ethnology: an educational dictionary], Gardariki, Moscow, Russia. (In Russian)

Sepir, E. (1993), *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected works on linguistics and cultural studies], general ed. and introductory article by A. E. Kibrika, Progress Publishing Group, Univers, Moscow, Russia. (In Russian)

Sternin, I. A. (1996), "Communicative behavior in the structure of national culture", *Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness], Eidos Publishing House, Moscow, Russia, 98-112, EDN: ZCGRXB. (In Russian)

Song, C. H. (2023), "Speech communication and its role in Russian and Chinese languages", *Vestnik universiteta (Rossiysko-Tadzhikskiy (Slavyanskiy) universitet)*, (1), 236-245, EDN: FRAVPQ. (In Russian)

Taratukhina, Lit. V. [et al.] (2024), *Kulturny intellekt i kulturnaya gramotnost v postglobalnom mire: monografiya* [The rest of the world is not a cultural intelligence of cultural literacy In monograph], Rusains, Moscow, Russia, ISBN 978-5-466-08321-7. (In Russian)

Filippov, A. A., Zubov, V. V. (2024), "Media in the era of postindustrialism: a political science aspect", *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo*

obshchestva [Opportunities and threats of the digital society], Yaroslavl, Russia, 386-393, EDN: GHVLTQ. (In Russian)

Shemanaeva, M. A., Krasilnikova, V. D. (2022), "Stereotypes and stereotyping in intercultural communication", *Voprosy inoyazychnogo obrazovaniya i mezhkulturnoy kommunikatsii v regionalnom universitete: sbornik nauchnykh trudov* [Issues of foreign language education and intercultural communication at a regional university: A collection of scientific papers], Interregional Center for Innovative Technologies in Education, Kirov, Russia, 53-57. EDN: JOEZNC. (In Russian)

Shcherba, L. V. (1974), *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity], Nauka, Leningrad, Soviet Union. (In Russian)

Aitken, A. J. (2015), "Scottish accents and dialects", [Online], available at: http://media.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scottish_accents_and_dialects.pdf/ (Accessed 20 February 2025).

Gadzhimuradova, G. (2020), "Muslims in Europe: Identity crisis between "EUROPEAN" and "ISLAMIC" Values", *Balkan Journal of Philosophy*, 12 (2), 133-138, DOI: [10.5840/bjp202012216](https://doi.org/10.5840/bjp202012216), EDN: HMBBVX.

Niklas, H. (1995), "Kulturkonflikt und interkulturelles Lernen", *Kulturstandards in der internationalen Begegnung*, Saarbrücken.

Hynes, J. W., Kabakhidze, K. L., Suvirova, A. Y. (2018), "Understanding as Basis of Intercultural Communication: psycholinguistic, ethnosociocultural aspects and educational solutions", *Communicology (Russia)*, 6 (2), 52-59, DOI: [10.21453 / 2311-3065-2018- 6-2-52-59](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-2-52-59).

Shannon, E., Weaver, W. (1963), *Mathematical Theory of Communication*, University of Illinois Press, Urbana.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2025 г. Поступила после доработки 01 июня 2025 г. Принята к печати 10 июня 2025 г.

Received 13 April 2025. Revised 01 June 2025. Accepted 10 June 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Каразина Янина Михайловна, аспирант, помощник проректора, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия.

Ianina M. Karazina, Postgraduate Student, Assistant of Vice-rector, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-3

Оригинальная статья

Коваленко В. Д.

Институциональный подход исследования медиатизации религии: опыт применения к современному православию

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Средний проспект В. О., дом 57, Санкт-Петербург, 199178, Россия
vl.workvl@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросу перспективы социологического исследования процесса медиатизации современного православия. Актуальность предложенного исследования состоит в нескольких аспектах. Во-первых, процесс медиатизации является новой тематикой для социологии, само теоретическое поле является очень разнонаправленным; на данный момент существует несколько национально-региональных школ и теоретико-методологических подходов. Во-вторых, концепция медиатизации открывает возможность для изучения медиатизации в разных сферах общества – например культуры или политики, а также и религии. Медиатизация религии – крупное направление в современной мировой социологии, однако отечественных исследований по данной теме практически нет. Весьма большой пласт общественной жизни остается вне фокуса исследователей, несмотря на возрастающую роль новых цифровых медиа в жизни религиозных групп. Однако применение наработок из мировой социологии к отечественному религиозному полю сталкивается с определенными сложностями. Разнообразные, предложенные в мировом опыте методы применялись к исследованию, в основном, протестантской и католической ветвям христианства, а православное направление остается, почти, неисследованным. Отечественная же социологическая наука нуждается в создании оригинального массива исследований медиатизации самой крупной отечественной религиозной традиции – православия. Целью данной работы является описание опыта применения одного из самых распространенных теоретико-методологических подходов в социологии медиатизации – институционального – к изучению современного православия. Дополнительно необходимо описать функциональность указанного подхода и его альтернативы. В первой, теоретической части статьи приведен разбор современного теоретического поля медиатизации, теоретико-методологических подходов исследования медиатизации. Далее описывается проблематика использования институционального подхода к изучению православия. В эмпирической части исследования используется фигуративный подход, созданный в рамках фигуративного подхода Норберта Элиаса. Использование данного подхода позволяет рассмотреть современную медиатизированную коммуникацию через 4 составляющих и зафиксировать локальные особенности православных групп. В выводах формулируются основные функциональные стороны применения институционального подхода к исследованию медиатизации православия. Приводится описание его дисфункциональных сторон и предлагаются методологические альтернативы.

Ключевые слова: медиатизация православия; медиатизация; цифровые медиа; православие; институциональный подход; telegram; коммуникативная фигурация; медиа; мессенджер

Информация для цитирования: Коваленко В. Д. Институциональный подход исследования медиатизации религии: опыт применения к современному православию // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 33-48. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-3.

Original article

Vladimir D. Kovalenko

The institutional approach to the study of the mediatization of religion: the experience of application to modern Orthodoxy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
57 Sredny Ave. V. O., St. Petersburg, 199178, Russia
vl.workvl@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the issue of the prospects for a sociological study of the process of mediatization of modern Orthodoxy. The relevance of the proposed study consists of several aspects. Firstly, the process of mediatization is a new topic for sociology, the theoretical field itself is very multidirectional; at the moment, there are several national and regional schools and theoretical and methodological approaches. Secondly, the concept of mediatization opens up the possibility of studying mediatization in different spheres of society – for example, culture or politics, as well as religion. Mediatization of religion is a major area in modern world sociology, but there are practically no domestic studies on this topic. A very large layer of public life remains outside the focus of researchers, despite the growing role of new digital media in the life of religious groups. However, the application of developments from world sociology to the domestic religious field faces certain difficulties. Various methods in world experience were applied to the study of mainly Protestant and Catholic branches of Christianity, and the Orthodox direction remains almost unexplored. Domestic sociological science needs to create an original array of studies on the mediatization of the largest domestic religious tradition – Orthodoxy. The purpose of this work is to describe the experience of applying one of the most common theoretical and methodological approaches in the sociology of mediatization – institutional – to the study of modern Orthodoxy. Additionally, it is necessary to describe the functionality of this approach and its alternatives. The first, theoretical part of the article provides an analysis of the modern theoretical field of mediatization, theoretical and methodological approaches to the study of mediatization. Further, the problems of using the institutional approach to the study of Orthodoxy are described. In the empirical part of the study, a figurative approach is used, created within the framework of the figurative approach of Norbert Elias. The use of this approach allows us to consider modern mediatized communication through 4 components and record local features of Orthodox groups. The conclusions formulate the main functional aspects of applying the institutional approach to the study of the mediatization of Orthodoxy. A description of its dysfunctional sides is given and methodological alternatives are proposed.

Keywords: mediatization of Orthodoxy; mediatization; digital media; Orthodoxy; institutional approach; telegram; communicative figuration; media; messenger

Information for citation: Kovalenko, V. D. (2025), "The institutional approach to the study of the mediatization of religion: the experience of application to modern Orthodoxy", *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 33-48, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-3.

Введение (Introduction).

Современное общество испытывает влияние эффектов новых цифровых медиа (Лебедев, 2020). Актуальность данной проблематики сложно поставить под вопрос – глобальные и локальные социальные процессы становятся многомерным предметом для исследования из-за возрастающей динамичности информации и увеличения ее объема. Немаловажным здесь является и влияние новых, современных медиа на повседневную коммуникацию.

По данным британского агентства «We are social», сегодня в мире насчитывается 5,16 миллиарда пользователей сети Интернет, 64,4% от общей численности населения мира, из которых социальными сетями пользуется 4,76 миллиарда пользователей социальных сетей, что составляет чуть менее 60% от общей численности населения планеты¹. Данные цифры ничего не могут сказать, будучи просто приведенными, без сравнения; однако еще в 2015-ом году проникновение интернета по миру было меньше 50%², учитывая, что и население Земли было меньше примерно на 700 млн – около 7,4 млрд человек.

Взросло и многообразие медиа, основанных на цифровых технологиях – приложения банков, инвестиционные программы, агрегаторы музыки, маркет-плейсы, религиозные календари и т.д. – лишь малая часть современных медиа, доступных человеку, что и обуславливает

необходимость их изучения через призму социологии.

В России темпы проникновения цифровых медиа также велики; 88,2% населения России пользуются сетью интернет, то есть, порядка 127,6 млн человек. Российская Федерация занимает 9 место в мире по этому показателю. Общим местом социологического мейнстрима является тот факт, что коммуникативные аспекты традиционно выступают основополагающими для формирования коллективов и групп. Коммуникация первична для всех типов коллективностей и групп – в том числе и для религиозных. Несмотря на современную трансформацию социальных практик, на прошедшую эпоху секуляризма, а также отсутствие у религиозных институтов существовавшего ранее особого статуса для обширного распространения идей, тема религии занимает существенную часть общественного внимания. Сам открытый и трансграничный принцип функционирования новых, цифровых, способов коммуникации создает условия, когда религиозная компонента может стать важным, повседневным элементом жизни людей. Развитие цифровых технологий и увеличение скорости работы с данными становятся стартовым условием для современных людей в поиске информации о религии, религиозных организациях, вероучительных канонах и учениях в глобальной сети и новых медиа.

Русская православная церковь является наиболее крупной российской религиозной организацией, насчитывающей колоссальное число прихожан. В национальных социальных опросах количество людей, ассоциирующих себя с РПЦ в России, остается одним из самых высоких – 57%

¹ Digital 2024: 5 billion social media users // we are social. URL: <https://wearesocial.com/us/blog/2024/01/digital-2024-5-billion-social-media-users/> (дата обращения: 21.11.2024).

² Global digital statshot: august 2015 // We are social. URL: <http://wearesocial.com/uk/special-reports/global-statshot-august-2015> (дата обращения: 30.04.2019).

опрошенных³, а православные праздники прочно входят в тройку празднуемых россиянами⁴. Православные медиа являются одними из самых крупных религиозных медиа в стране.

Методология и методы (Methodology and methods). Несмотря на многократно возросшую актуальность медиа, на данный момент, в научном дискурсе отсутствует консенсус по поводу направляющей теории исследования взаимоотношений и переплетений медиа и религии. Ответом на проблематику современной социальной реальности, опосредованной медиа, стало появление теории медиатизации, которая начала формироваться в социологии еще в 80-ые годы (некоторые исследователи полагают, что первенство в создании концепции медиатизации принадлежит германскому социологу Э. Мангейму – 1933 год), но окончательно сложилась к 2000-ым годам. В рамках теории медиатизации создано несколько подходов, из которых оформилось отдельное поднаправление – изучение медиатизации религии.

Однако до появления рамки медиатизации в социологии существовали иные направления, которые также концентрировались на взаимосвязи религии и медиа. К ним можно отнести такие направления, как медиалогия (Бурдьё, 2002), медиация (Silverstone, 2005: 189), направление U> 2.0 (Sundar, Limperos, 2013). Шире – в социологии конца XX века существовало самостоятельное исследовательское поле, посвященное медиа. В нем оформились крупные теоретические направления, например, текстологический анализ, политическая экономия производства и

изучение аудитории и восприятия (Couldry, Hepp, 2013).

Существующие сейчас в социологии направления изучения медиа отличаются от предыдущих в том аспекте, позволяют трансформировать восприятие с исследования опосредованной коммуникации на структурные преобразования в самом обществе под влиянием современных медиа (Hjarvard, 2013). Часть сформированных в подобном ключе концепций в социологии объединяют в такое теоретическое направление, как «медиатизация» (Couldry, Hepp, 2017).

Действительно, медиатизация является популярным направлением в мировой социологии, применяемым в исследовании множества сфер жизни общества. Однако, понимание термина «медиатизации» и понимание медиатизации как процесса является очень разным, что становится причиной новых научных споров. Главной особенностью современных медиаисследований выступает постоянное изменение объекта изучения. Это создает ситуацию, когда выработанные подходы и методы могут устаревать за очень короткие сроки, особенно в условиях перманентного развития большого количества разных медиа, функционирующих одновременно и параллельно (Hepp, Krotz, 2014: 1). Взрывной рост интереса к новым медиа конце XX века стал причиной одновременного формирования в разных странах самостоятельных концепций медиатизации.

В одной из статей мы уже подробно описали современное поле исследования медиатизации, привели и обосновали собственную классификацию национально-региональных школ изучения медиатизации. Ее итогом стало описание современного теоретического поля изучения медиатизации – четырех национально-региональных школ – германская, британская, скандинавская и романская (Коваленко, 2024). Также в

³ Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 16.11.2024).

⁴ Навстречу Пасхе-2024 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/navstrechu-paskhe-2024> (дата обращения: 21.11.2024).

рамках указанных направлений нами было выделено четыре полноценно оформившихся теоретико-методологических подхода к исследованию медиатизации. В рамках романской школы был сформирован культуральный подход, в рамках скандинавской – институциональный, а в рамках германской – социально-конструктивистский и фигуративный.

В мировой социологической практике существует весьма широкая сфера применения наработок описанных подходов к изучению католицизма, протестантизма, ислама, иудаизма и буддизма. Однако проблематика использования данной призмы к православию остается малоработанной.

Все описанное выше ставит перед современной отечественной социологией проблемный вопрос о расширении области применения теоретико-методологических инструментов, сформированных в рамках теории медиатизации к изучению православия и развитию собственного массива эмпирических исследований на основе российского опыта.

Задача данной статьи – описание отечественного и зарубежного опыта применения одного из первых и наиболее обширных подходов – институционального – в исследовании медиатизации православия, проведение сравнительного анализа и описание функциональности и возможности его применения. Как мы писали выше, на данный момент можно выделить четыре теоретико-методологических подхода. В рамках романской школы был сформирован культуральный подход, в рамках скандинавской – институциональный, а в рамках германской – социально-конструктивистский и фигуративный.

Одним из первых является институциональный подход, созданный норвежским социологом Стигом Хьярвардом в 2000-ых годах. В его эпистемологическом ядре – трактовка

медиатизации через теории общества рефлексивного модерна Э. Гидденса (Островская, 2023: 605). Медиатизация рассматривается им как «исторический, преобразующий процесс, в ходе которого разные сферы общества становятся более зависимыми от медиа и их образа действия (используется понятие *modus operandi*)» (Hjarvard, 2018). Это определение позволяет конкретизировать особенность феномена, а именно, сфокусироваться на организации контента через «логику медиа». Это понятие воспроизводит тезис Маклюэна о важности не столько содержания сообщения, сколько его формата. Конкретно понятие «логика медиа» было предложено Д. Алтейдом и Р. Сноу (Altheide, Snow, 1979). Хьярвард конкретизирует его, указывая, что логика медиа структурирует способы взаимодействия людей, групп и организаций не как определяющий фактор, а именно как фактор обуславливающий, делающий ту или иную ситуацию возможной, но ограничивает и структурирует социальное взаимодействие (Webster, 2014). Так как присутствуют разные логики, то и конструирование социальности будет разным (Dyck, Van, 2013).

«Логика медиа», в рамках институционального подхода, предполагает необходимость прочих институтов, в том числе и религии, адаптироваться к другим общественным институтам (в данном случае медиа) путем трансформации норм и практик (Hjarvard, 2008), так как именно медиа выступают репрезентантами деятельности (Хьярвард, 2020). Подобная фиксация исследовательского фокуса дает возможность Хьярварду развить определение медиатизации как процесса социокультурной активности, а в рамках медиатизации религии указать на социокультурную активность религии.

Надо отметить, что в отличие от трех прочих направлений, именно в институциональном подходе изначально

был создан инструментарий для анализа медиатизации религии. Это отличает институциональное направление от остальных, которые были как способ мышления об обществе, а медиатизация религии – частный способ применения их наработок. Для характеристики медиатизации религии Хьярвард использует наработки Дж. Мейровица, определяя медиа в трех категориях, как проводники, языки и среды (Meugowitz, 1986). Делается акцент на увеличении значимости медиа как основного источника информации в вопросах религии. Однако, медиа распространяют религиозные тексты и практики в измененном виде, комбинируют фрагменты институционального нарратива, смешивая его с элементами фольклорной и гражданской религий.

Подход С. Хьярварда стал первой полноценной исследовательской концепцией медиатизации религии. Авторская рамка Хьярварда использовалась многими исследователями для анализа национальных моделей медиатизации религии, например такими авторами как Брага (Braga, 2006) Феррейра (Ferreira, 2010), Адольф (Adolf, 2011), Гомес (Gomes, 2015) или Вальдеттаро (Valdettaro, 2016).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Применение институционального метода к изучению православной ветви христианства началось относительно недавно. Одной из первых статей в этом направлении можно выделить статью отечественных религиоведов Екатерины Ивановны Гришаевой и Валерии Александровны Шумковой «Консервативная модель православной идентичности: на материале анализа конфессиональных массмедиа» (Гришаева, Шумкова, 2017). Авторы задаются вопросом о новой идентичности в религиозных сообществах, постулируя, что в доцифровую эпоху основой коммуникации выступал ритуал. Медиа

формируют границы сообщества через актуализацию ценностей, отличающих сообщество от других групп, именно они транслируют набор тем, которые религиозные сообщества признают значимыми (Там же: 194).

Определение дискурса взято из теории С. Холла; оно понимается как способ указания на знание или конструирование самого знания об аспектах социальной практики. Дискурсы – группа образов, идей или практик, обуславливающих способы говорения, формы знаний и поведение (Hall, 1997: 10). Православный дискурс создан системой верований, ценностей и норм, которые закрепляются религиозным институтом, системой ритуалов и практик, действующих внутри религиозного сообщества.

Идентичность авторы связывают с формированием представления субъекта о себе через те или иные коммуникативные действия, предписания или ценности (Гришаева, Шумкова, 2017:193). Применяя наработки Э. Лакло и Ш. Муффа отмечается, что идентичность создается через цепочки значений (Laclau, Mouffe, 2001). В православном дискурсе выделяется два вида таких значений – связанные с доктринальными религиозными текстами и интерпретативные идеологические значения, связанные с адаптацией религии к вызовам секулярного общества (Гришаева, Шумкова, 2017: 202).

Проанализировав публикации веб-сайта pravoslavie.ru (17 статей), а также «Православной газеты» (Екатеринбург) (7 публикаций) и «Колокольный звон» (Тамбов) (6 публикаций), делаются выводы, что медиа конструируют принятые в сообществе православных верующих идеалы и нормы (Laclau, Mouffe, 2001; 113). Православный консерватизм рассматривается как идеология внутри дискурса, первостепенным по отношению к ней выступают элементы доктрины, а сама

идеология является интерпретационной моделью принятой доктрины. Современное общество — «значимый Другой», по отношению к которому православное сообщество определяет себя.

Коммуникативные практики имеют важное значение для формирования дискурсивной идентичности членов религиозной общины, им важно создавать и рассказывать истории, где актуализируется изложенная в религиозной доктрине система представлений и ценностей. Религиозная идентичность конструируется через два типа значений: значения, полученные в ходе интерпретации «первичных текстов» религиозной доктрины и идеологические значения, формирующиеся через осмысление религиозным сообществом своих интересов именно в заданном, существующем социально-политическом контексте.

Авторы выделяют два вектора формирования консервативной православной идентичности. Первый направлен на формирование «образца для подражания»: это набор качеств, которые желательны для православного; они напрямую коррелируют с ценностями и смыслами христианской доктрины. Второй вектор характеризует, каким образом консервативное православное сообщество адаптируется к реалиям секулярного общества. Здесь проявляется дуальность «свой/чужие», авторы заключают, что в большинстве изученных материалов присутствует разделение на экзогенную группу «мы» — «Церковь/ православные» и эндогенную «они» — «секулярное общество» (Гришаева, Шумкова, 2017: 199). Главной целью участники консервативных групп воспринимают именно воспитание светского общества, что связано с политизацией консервативной мысли.

Эта работа ставит вопрос о корреляции дискурса, медиа и религиозной идентичности. Она предоставляет ряд инструментальных наработок для

исследования для нашей работы, особый интерес представляют результаты эмпирического исследования, которые говорят об актуализации ценностей через медиа, о разделении «свой/чужие» и о роли идеологического осмысления доктрины в отношении с современным обществом.

Второй работой применения институционального подхода, явилась статья отечественного социолога Елены Александровны Островской «Интернет-медиатизация исповеди в среде православных сетевых vk.com сообществ» (Островская, 2018). Центральная проблематика статьи связана с измерением различных религиозных традиций и инноваций в медиасреде.

Теоретической рамкой исследования стал институциональный подход Хьярварда о том, что медиасреда оказывает влияние на религиозные практики и дискурсы, те претерпевают изменение и, в свою очередь, влияют на медиадискурсы. Ввиду этой особенности Хьярвард предложил обозначать описанный процесс как «медиатизация религии», что означает «именно многомерные трансформации религии, выражающиеся в изменении религиозных текстов, практик и отношений, характера самой веры в современном обществе» (Hjarvard, 2012).

Исповедь выступила в статье центральным изучаемым социальным действием она понималась в качестве базовой и минимальной единицы участия, позволяющей проанализировать аспект аффилиации, аспекты религиозно-мировоззренческие, а также вовлеченность верующих. Методами сбора и обработки информации выступили сплошное структурированное наблюдение и качественный контент-анализ. В центре исследовательского фокуса находились сетевые сообщества города Екатеринбурга в популярной российской социальной сети «ВКонтакте». При изучении такого религиозного типа взаимодействия как

исповедь, именно эта социальная сеть дает возможность выявления коммуникативной тематизации офлайн-взаимодействия в цифровой среде.

Проведенное исследование показало, что во взаимодействия храмовых сообществ на платформе ВКонтакте первостепенными коммуникативными тематиками являются православное воспитание, жизнь прихода (службы и молебны, беседы, паломнические поездки), мероприятия православной жизни города, в число которых неизменно включены фестивали «Царские дни», а такой тип коммуникации как «исповедь» используется крайне редко.

Повторное обращение к теме, связанной с медиатизацией практики исповеди, произошло в другой работе 2018 года «Исповедь в цифровом измерении: единицы структурированного наблюдения» (Островская, Алексеева, 2018), написанной Островской совместно с Еленой Вениаминовной Алексеевой. Работа также посвящена анализу структурных единиц наблюдения исповеди в цифровом пространстве взаимодействия православных. В данном случае исследовательская проблема была связана с возможностью изучения коммуникативных аспектов взаимодействия через исследование религии в современных интернет-медиа.

Проблемными вопросами, поставленными авторами, стали вопросы о том, каким образом исповедь представлена в цифровом измерении жизни исследуемых приходов. Объектом исследования выступило религиозное взаимодействие по типу исповедь как форма интернет-коммуникации в екатеринбургских православных храмах.

Единицы наблюдения были операционализированы так, чтобы отследить их тематизацию в сетевых пространствах приходов. Наблюдение же проводилось на втором этапе, здесь авторы использовали методологию сплошного структурированного наблюдения. Авторы

прибегли к многоступенчатой, квотной выборке. И из 34 православных прихода было отобрано 24. Ключевым критерием отбора стало наличие собственных сайтов и профилей в популярных социальных сетях.

Авторы пришли к выводам, что цифровое пространство изучаемых приходов ограничено только их собственными сайтами, каналами на платформе YouTube и профилями в социальной сети «ВКонтакте». Изучение исповеди в контексте сетевого взаимодействия позволило повторить вывод предыдущей статьи о том, что исповедь – весьма редкое коммуникационное явление – как нормативная процедура исповедь обсуждается только в 4 случаях из 22. На сайтах храмов исповедь как таинство находилось в рубриках «вопросы и ответы» вместе с другими вопросами.

Зарубежной работой, комплексно охватывающей проблематику медиатизации православия, затрагивающей, в том числе и вопросы медиатизации православного консерватизма, является книга Х. Штеле «Russian Church in the Digital Era Mediatization of Orthodoxy» (Stahle, 2021). Автор поставила перед собой амбициозную цель проанализировать современное общественно-политическое измерение РПЦ и современное состояние медиатизации православия. Для достижения цели по характеристике медиатизации Штеле воспроизводит рамку медиатизации религии институционального направления С. Хьярварда и характеризует ее как «процесс, посредством которого общество во все большей степени подчиняется средствам массовой информации и их логике или становится зависимым от них» (Hjarvard, 2008).

Важным дополнением к концепции Хьярварда является тезис, что «популярная медиакultura может не только повторно использовать различные формы

существующих религиозных историй и образов, но также стимулирует прямую критику организованной религии, одновременно завоевывая поддержку альтернативных религиозных интерпретаций» (Hjarvard, 2013). Это значит, что современные, цифровые медиа предоставляют возможность для распространения альтернативных интерпретаций религии (Stahle, 2021: 4).

Несмотря на большой уровень влияния РПЦ на государство и православную сеть собственных СМИ, именно медиа остаются главными источниками информации о православии. В цифровой публичной сфере политическая ортодоксия сосуществует с официальными церковными нарративами и “банальными” религиозными фантазиями, религиозный фундаментализм сталкивается с либеральным дискурсом

Автор анализирует традиционную медиастратегию РПЦ и указывает, что изначально она была адаптирована к несвободной медиасфере России, а также являлась частью государственной пропаганды и поддержкой консервативной политики. Весьма большую долю медиасферы России занимает государственная пропаганда, транслируемая через официальные СМИ по телевидению (Stahle, 2021: 63). Однако, как отмечает Штеле, независимые медиа занимают все больше места в повседневном медиа-потреблении. С этим и связана основная проблематика медиатизации православия в России – развитие современных цифровых медиа позволяет создать большее количество платформ для независимого обсуждения и даже критики РПЦ. Автор концентрируется на трех случаях, а именно инцидент с выступлением в Храме Христа Спасителя, обсуждение образа РПЦ в российском сегменте YouTube. Автор указывает, что большая часть независимых обсуждений и критики РПЦ воспроизводит установку из традиционных СМИ (Stahle, 2021: 208) и не являются

антирелигиозными высказываниями по своей сути, концентрируясь на вопросах общественно-политических.

Одной из отличительных черт современного дискурса вокруг РПЦ является то, что критика об РПЦ присутствует в основном в фундаменталистском и либеральном ракурсе. Автор полагает, что главная причина этого кроется в воздержании консервативных групп от прямой критики РПЦ, так как это не является частью медиастратегии церкви.

Автор определяет всю медиастратегию как консервативную, обусловленную личным влиянием Патриарха Кирилла, который смог сделать концепцию традиционных ценностей общероссийской системой. Именно к стратегии развития Патриарха Кирилла автор относит создание большого количества церковных медиа и активное сотрудничество с традиционными СМИ.

Делая выводы по данному параграфу, необходимо сформулировать тезисы для конструирования эмпирического исследования. Во-первых, существует самостоятельная православная медианиша, обладающая набором тем, правил общения, ограничений и набором фигураций. Бытование фигураций в разных медиа отличается, что обусловлено самим фреймом медиа – это проявляется как в виде использования разных типов контента, разных акцентах в главных тематиках сообществ, в виде разницы в коллаборации на разных платформах.

Большинство современных исследований сконцентрировано на изучении сайтов, православных сетевых изданий и сообществ в социальных сетях. Тематике медиатизации православия в мессенджерах, которые открывают пространство для обсуждения и дискуссии посвящено малое количество работ. Это ставит вопрос об актуальности исследования на платформе мессенджеров. В православном сегменте интернета можно выделить пять основных групп

фреймов – это православно-либеральный, православно-консервативный, официальный (связанный с официальными публикациями в медиа Патриархии, епархий, благочиний и храмов), неофициально-миссионерский (куда можно включить православный блогинг и большую сеть православных катехизаторов и проповедников) и последний – фрейм православных сообществ (связанный с сообществами верующих).

Как показано выше, в рамках институционального подхода изучения медиатизации было проведено мало исследований православия. Одной из главных особенностей исследований в рамках институционального подхода является его методологическая особенность. Изначально зародившись в рамках изучения классической журналистики, институциональных подход, наследует логическую и методологическую тезу. Речь идет о том, что медиа, в том числе и религиозные, рассматриваются как отдельная область, обладающая собственным влиянием на другие социальные области или системы. Это, с одной стороны, ставит вопрос о конкретизации самой идеи логики медиа (Strömbäck, 2008), а с другой указывает, что в условиях глубокой медиатизации, когда медиа проникают во все большее количество областей и становятся буквально повсеместными (Livingstone, 2009), невозможно проследить влияние медиа как самостоятельной области на другие самостоятельные области.

Поэтому цель исследований медиа – не дать ответ на вопрос о том, как трансформируются социальные сферы, потому что ответ на этот вопрос принципиально невозможен. Это связано с тем, что институциональное направление изначально рассматривает медиа в качестве самостоятельной и отдельной технико-социальной сферы, но медиа, как показывает и социология, и исторические наблюдения, выступают

явлением во всех социальных областях сразу, будучи как технологией передачи информации, так и содержанием (Silverstone, 1994).

С этим связаны недавние наработки в исследовании медиа, которые особо подчеркивают, что преобразования, связанные с изменениями медиа неоднородны, а медиа трансформируются сами и трансформируют практики и институты в сложном и разделенном социальном пространстве, а не представляют собой единую логику медиа, которая одновременно трансформирует все социальное пространство сразу (Couldry, 2008). Как говорит сам основатель институционального направления, человеческое общение обусловлено формой медиа, так как они отличаются по своей форме и специфике (Hjarvard, 2013). Пользуясь этим посылом, германский социолог А. Хепп делает кардинально противоположный вывод, он указывает, что медиа формируются в зависимости от инфраструктуры, которая обуславливает коммуникацию (Хепп, 2013). Поэтому медиа и являются одновременно не только институционализацией, но и материализацией практик коммуникации, а значит медиа не являются самостоятельной социальной сферой, они заранее уже включены в социальную необходимость коммуникации (Там же).

Обращаясь к критике институциональной парадигмы, А. Хепп предлагает применить ее к исследованию коллективов или сообществ (в нашем собственном исследовании это первичная задача). Хепп приводит в пример рассмотрение семьи, указывая, что при применении институциональной призмы, возникают неразрешимые проблемные вопросы, связанные с тем, как трансформируются способы коммуникации семьи, в связи с изменениями медиа и как представления о семье передаются медиа, а также, как логика медиа влияет на построение

социального института семьи (Непр, 2020:8).

Тезисы приведенной выше критики со стороны социологов германской школы подтверждаются и в ракурсе опыта эмпирических исследований. Статьей, являющейся частично затрагивающая указанную проблематику православного консерватизма, является статья «Альтернативный Медиадискурс об РПЦ: Православные Telegram-Каналы» за авторством Е. А. Островской. Проблематика, с которой автор начинает статью касается современного научного поля; «современная тотальная медиатизация социальных практик с одной стороны открыла перед исследователями возможность изучения локальных сообществ и дискурсов, которые ранее были малодоступны, но такие исследования не имеют широкой популярности» (Островская, 2022). Причина видится автору в том, что малые религиозные группы и дискурсы могут казаться консервативной академической логике статистически малыми, не оказывающими большого влияния на процессы в обществе. В результате работы автор фиксирует интересную закономерность, что разделение на «консерваторов и либералов», по ответам респондентов, достаточно «зыбкое», но все же оно используется в современном церковном обществе. В современном церковном сообществе также присутствует целый сегмент в мессенджере Telegram, посвященный православной аналитике, чьими авторами являются представители РПЦ или же воцерковленные прихожане. В этом сегменте есть набор взаимосвязанных коммуникаций по темам, релевантным для либерального мировоззренческого направления.

Подтверждением «сенситивности» фигуративного подхода выступило и наше собственное исследование, частично описанное в иной статье (Коваленко, 2024б). Исследование представляло собой изучение telegram-каналов, посвященных

дискурсу о православии, и проводилось в период с января по август 2024 года с использованием качественных методов case-study – экспертного, биографического, полуструктурированного интервью.

На этапе пилотажа было проведено пять экспертных интервью с представителями крупных православных консервативных telegram-каналов. Результаты пилотного исследования позволили сформулировать критерии отнесения telegram-каналов к православным-консервативным. После чего мы смогли приступить к формированию выборки исследования. Она была сформирована методом выборки, управляемой респондентом, в нее вошли авторы 30 telegram-каналов (с количеством подписчиков минимум 1 000), пишущих на темы, затрагивающие консервативное православие.

Результатами исследования также стали важные тезисы, которые недоступны исследованию через призму институционального подхода. Так, важным тезисом стало не просто указание на следование РПЦ в русле сформулированной богословской и канонической традиции, но и подробное их обоснование. Эксперты стремились указать на логическую связь между идейным, каноническим ядром православия и современной практикой, в том числе и политической.

Также важным стал вопрос о приемлемости тех или иных общественных тем в современных цифровых медиа. Во всех обработанных транскриптах интервью присутствовал сюжет, связанный с неприятием ряда тематик в публичной сфере современных медиа вообще, то есть не только православных. Общими проблематиками являются антицерковная, антиправославная позиции, оскорбления и русофобия, которые в половине интервью отождествляются с экстремизмом, а также,

с признанным в Российской Федерации экстремистским движением ЛГБТ⁵.

Заключение (Conclusions).

Предпринятый в настоящей статье анализ показал, что сформулированный в дисциплинарных рамках социологии институциональный подход открыл доступ к изучению трансформируемых медиатизацией культурных смыслов различных сфер жизнедеятельности современных обществ, в том числе и трансформации религии под воздействием новых цифровых медиа. Предложенный С. Хьярвардом теоретико-методологический подход заостряет внимание исследователей на содержаниях нового феномена — публичного культурного пространства, порождаемого различными медиа и доступного благодаря им. Обособляясь в самостоятельную сферу жизнедеятельности общества, медиа становятся интерфейсами общественных институтов, поскольку репрезентируют их культурные содержания в медийной сфере совместного культурного опыта.

Однако, учитывая многомерность современных общественных процессов, необходимо указать на повсеместную функциональность использования институционального подхода из-за его установки на рассмотрение одной причины в связи между общественными явлениями и медиа как самостоятельной сферы.

Это происходит из-за того, что его центральная категория «логики медиа» обращается к рассмотрению медиа в качестве самостоятельной и отдельной. Это не предоставляет возможности рассмотреть деятельность малых групп и коллективов, например, современные религиозные группы, основанные вокруг медиа-коммуникации.

Также институциональный подход оказывается практически «безоружным», если в исследовательском поле

отсутствуют именно СМИ, которые бы оформились в полноценный самостоятельный институт. Это видно и на примере современного отечественного православия; редкие православно-консервативные издания не являются массовыми и выступают скорее культурным подспорьем более крупных консервативных медиа-ниш.

В рамке современных исследований медиатизации религии более функциональным представляется фигуративный подход, который предоставляет инструментарий для исследования дискурса, воспроизводящегося в православных сообществах. Фигуративное направление фокусируется, в первую очередь, на выявление коммуникативных переменных, которые соединяют между собой разные форматы коммуникации. Как следствие, его использование позволит изучить наш предмет многогранно. Рассмотрение дискурсивных паттернов с использованием четырех исследовательских категорий, составляющих фигуративный подход, позволит понять не только медиа-ансамбль групп в РПЦ, но и зафиксировать его констелляцию акторов, описать коммуникативные практики, а также фрейма-релевантности изучаемых сообществ.

Несмотря на указанное предпочтение фигуративному подходу, можно указать, что институциональный подход имеет перспективу в применении к определенной сфере социологии религии — изучении государственно-конфессиональных отношений, в рамке которого его ориентация на институционализированные медиа становятся методологическим преимуществом (Коваленко, 2024в).

Список литературы

Бурдье П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии,

⁵ Международное общественное движение ЛГБТ признано на территории Российской Федерации экстремистским и его деятельность запрещена по решению Верховного суда от 30 ноября 2023 года.

2002. 160 с. ISBN: 5-7333-0041-8. EDN: TDSBMB.

Гришаева Е. И., Шумкова В. А. Консервативная модель православной идентичности: на материале анализа конфессиональных массмедиа // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. № 1. С. 193-204. EDN: YJTUWP.

Коваленко В. Д. Национально-региональные школы изучения процесса медиатизации в социологии // Власть. 2024. Том 32, № 5. С. 150-158. DOI: [10.24412/2071-5358-2024-5-150-158](https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-150-158). EDN: SLOGGO.

Коваленко В. Д. Медиатизированный дискурс православного студенчества об РПЦ // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т.10, №3. С. 36-51. DOI: [10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-3). EDN: FVFCZU.

Коваленко В. Д. Медиатизированное православие в социальных сетях органов исполнительной власти СЗФО в эпоху COVID-19 // Политика и Общество. 2024. № 2. С. 63-76. DOI: [10.7256/2454-0684.2024.2.71161](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.2.71161). EDN: RNJYRA

Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 3. С. 85-104. DOI: [10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104). EDN: WNOTCA.

Островская Е. А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные telegram-каналы // Мониторинг. 2022. № 2 (168). С. 454-476. DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2046](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046). EDN: OPJXLA.

Островская Е. А. Институциональный подход социологического изучения медиатизации: концептуальные составляющие и примеры исследований // Медиалингвистика. 2023. № 4. С. 598-620. DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2046](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046). EDN: OPJXLA.

Островская Е. А., Алексеева Е. В. Исповедь в цифровом измерении: единицы структурированного наблюдения // БААЭ. 2018. № 4 (43). С. 204-210. DOI: [10.20874/2071-0437-2018-43-4-204-212](https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-204-212). EDN: MIWCUP.

Островская Е. А. Интернет-медиатизация исповеди в среде православных сетевых VK.com сообществ // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 3. С. 45-58. DOI: [10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6). EDN: YTRDRZ.

Родионова Е. В., Байер Ю. П. Место спасения или мучения: образ Русской православной церкви в светских СМИ во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 448-469. DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1748](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1748). EDN: EVIQDT.

Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 41-75. DOI: [10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75). EDN: OZPVHJ.

Adolf M. Clarifying mediatization: Sorting through a current debate // Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication. 2011. Vol. 3, № 2. Pp. 153-175.

Altheide D. L., Snow R. P. Media Logic, Beverly Hills, CA: Sage, 1979.

Braga J. L. Sobre “mediatização” como processo interacional de referência // Paper presented at the 15o Graduate Communication Studies Association. 2006. № 11. Pp. 21-29.

Couldry N., Hepp A. Conceptualizing mediatization: contexts, traditions, arguments // Communication Theory. 2013. Vol. 23, № 3. Pp. 191-202.

Couldry N. Digital storytelling, media research and democracy: conceptual choices and alternative futures // Digital storytelling, mediatized stories: self-representations in new media. Digital formations. 2008. № 52. Pp. 41-60.

Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2017.

Dyck J. van. The Culture of Connectivity. A Critical History of Social Media. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Ferreira J. Midiatização: Dispositivos, processos sociais e de comunicação. Revista E-Compos. 2010. № 1. Pp. 1-15.

Gomes P. G. Midiatização: Um conceito, múltiplas vozes // Relatos de Investigaciones Sobre Mediatizaciones. 2015. Pp. 33-54.

Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. London: Sage Publications, 1997.

Hepp A. Cultures of mediatization. Cambridge: Polity Press, 2013.

Hepp A. Deep mediatization. London and New York: Routledge, 2020.

Hepp A., Krotz F. Mediatized Worlds – Understanding Everyday Mediatization. Mediatized Worlds. 2014.

Hjarvard S. Three Forms of Mediatized Religion Changing the Public Face of Religion // Mediatization and Religion. Nordic Perspectives. 2012. Pp. 21-44.

Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London: Routledge, 2013.

Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29, № 2. Pp. 105.

Hjarvard S. The Logics of the Media and the Mediatized Conditions of Social Interaction // Media Logic(s) Revisited: Modelling the Interplay Between Media Institutions, Media Technology and Societal Change. 2018. Pp. 63-84.

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso, 2011.

Livingstone S. M. On the mediation of everything // Journal of Communication. 2009. Vol. 59, № 1. Pp. 1-18.

Meyrowitz J. No Sense of Place. The Impact of Electronic Media on Social Behavior. New York: Oxford University Press, 1986.

Silverstone R. The Sociology of Mediation and Communication. The Sage Handbook of Sociology, 2005.

Silverstone R. Television and Everyday Life. London: Routledge, 1994.

Stahle H. Russian Church in the Digital Era Mediatization of Orthodoxy, Routledge, 2021.

Strömbäck J. Four phases of mediatization: An analysis of the mediatization of politics // The International Journal of Press/Politics. 2008. Vol. 13, № 3. Pp. 228-246.

Sundar S. S., Limperos A. M. Uses and grats 2.0: New gratifications for new media // Journal of Broadcasting and Electronic Media. 2013. Vol. 57, № 4. Pp. 504-525.

Valdettaro S. Mediatizaciones: Hacia la consolidación de un campo de estudios // Inmediaciones de la Comunicación. 2016. № 11. Pp. 21-29.

Webster J. G. The marketplace of attention, How audiences take shape in a digital age. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

References

Burdyo, P. (2002), *O televidenii i zhurnalistike* [About television and journalism], Fond nauchnyh issledovany "Pragmatika kultury", Institut eksperimentalnoy sotsiologii, Moscow,

Russia, ISBN: 5-7333-0041-8, EDN: TDSBMB. (In Russian)

Grishaeva, E. I., Shumkova, V. A. (2017), "The Conservative model of Orthodox identity: based on the analysis of confessional mass media", *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, (1), 193-204, EDN: YJTUW. (In Russian)

Kovalenko, V. D. (2024a), "National and regional schools for studying the process of mediatization in sociology", *Vlast*, 32 (5), 150-158, DOI: [10.24412/2071-5358-2024-5-150-158](https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-150-158), EDN: SLOGGO. (In Russian)

Kovalenko, V. D. (2024b), "The mediatized discourse of Orthodox students about the Russian Orthodox Church", *Research Result. Sociology and Management*, (3), 36-51, DOI: [10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-3), EDN: FVFCZU. (In Russian)

Kovalenko, V. D. (2024), "Mediatized Orthodoxy on Social Media of the Executive Authorities of the Northwestern Federal District in the COVID-19 Era", *Politika i Obshchestvo*, (2), 63-76, DOI: [10.7256/2454-0684.2024.2.71161](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.2.71161), EDN: RNJYRA. (In Russian)

Lebedev, S. D. (2020), "Virtualization of the religious community as a key to understanding the evolution of sociological concepts of religiosity", *Kontsept: filosofya, religiya, kultura*, 4 (3), 85-104, DOI: [10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104) EDN: WNOTCA. (In Russian)

Ostrovskaya, E. A. (2022), "An alternative media discourse on the Russian Orthodox Church: Orthodox Telegram channels", *Monitoring*, 2 (168), 454-476, DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2046](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046), EDN: OPJXLA. (In Russian)

Ostrovskaya, E. A. (2023), "The institutional approach to the sociological study of mediatization: conceptual components and research examples", *Medialingvistika*, (4), 598-620, DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2046](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046), EDN: OPJXLA. (In Russian)

Ostrovskaya, E. A., Alekseeva, E. V. (2018), "Confessions in the digital dimension: Units of structured observation", *VAAE*, (4), 204-210, DOI: [10.20874/2071-0437-2018-43-4-204-212](https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-204-212), EDN: MIWCUP. (In Russian)

Ostrovskaya, E. A. (2018), "Online mediatization of confession among Orthodox online churches VK-communities", *Logos et Praxis*, 17 (3), 45-58, DOI: [10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6), EDN: YTRDRZ. (In Russian)

Rodionova, E. V., Baier, Yu. P. (2020), "A place of salvation or torment: the image of the Russian Orthodox Church in the secular media during the COVID-19 pandemic", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (6), 448-469, DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1748](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1748), EDN: EVIQDT. (In Russian)

Hjarvard, S. (2020), "Three forms of mediatized religion: changing the face of religion in the public space", *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, (2), 41-75, DOI: [10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75), EDN: OZPVHJ. (In Russian)

Adolf, M. (2011), "Clarifying mediatization: Sorting through a current debate", *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*, 3 (2), 153-175.

Altheide, D. L., Snow, R. P. (1979), *Media Logic*, Beverly Hills, CA: Sage.

Braga, J. L. (2006), "Sobre "mediatização" como processo interacional de referência", *Paper presented at the 15o. Comunicación*, (11), 21-29.

Couldry, N., Hepp, A. (2013), "Conceptualizing mediatization: contexts, traditions, arguments", *Communication Theory*, 23 (3), 191-202.

Couldry, N. (2008), "Digital storytelling, media research and democracy: conceptual choices and alternative futures", *Digital storytelling, mediatized stories: self-representations in new media. Digital formations*, (52), 41-60.

Couldry, N., Hepp, A. (2017), *The mediated construction of reality*, Polity Press, Cambridge.

Dyck, J. van (2013), *The Culture of Connectivity, A Critical History of Social Media*, Oxford University Press, Oxford.

Ferreira, J. (2010), "Midiatização: Dispositivos, processos sociais e de comunicação", *Revista E-Compos*, (1), 1-15.

Gomes, P. G. (2015), "Midiatização: Um conceito, múltiplas vozes", *Relatos de Investigaciones Sobre Mediatizaciones*, 33-54

Hall, S. (1997), *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, Sage Publications, London.

Hepp, A. (2013), *Cultures of mediatization*, Polity Press, Cambridge.

Hepp, A. (2020), *Deep mediatization*, Routledge, London and New York:

Hepp, A., Krotz, F. (2014), *Mediatized Worlds – Understanding Everyday Mediatization, Mediatized Worlds*.

Hjarvard, S. (2012), "Three Forms of Mediatized Religion Changing the Public Face of Religion", *Mediatization and Religion. Nordic Perspectives*, 21-44.

Hjarvard, S. (2013), *The Mediatization of Culture and Society*, Routledge, London.

Hjarvard, S. (2008), "The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change", *Nordicom Review*, 29 (2), 105.

Hjarvard, S. (2018), "The Logics of the Media and the Mediatized Conditions of Social Interaction", *Media Logic(s) Revisited: Modelling the Interplay Between Media Institutions, Media Technology and Societal Change*, 63-84.

Laclau, E., Mouffe, C. (2011), *Hegemony and Socialist Strategy*, Verso, London.

Livingstone, S. M. (2009), "On the mediation of everything", *Journal of Communication*, 59 (1), 1-18.

Meyrowitz, J. (1986), *No Sense of Place. The Impact of Electronic Media on Social Behavior*, Oxford University Press, New York.

Silverstone, R. (2005), *The Sociology of Mediation and Communication*, The Sage Handbook of Sociology.

Silverstone, R. (1994), *Television and Everyday Life*, Routledge, London.

Stahle H. (2021), *Russian Church in the Digital Era Mediatization of Orthodoxy*, Routledge, London.

Strömbäck, J. (2008), "Four phases of mediatization: An analysis of the mediatization of politics", *The International Journal of Press/Politics*, 13 (3), 228-246.

Sundar, S. S., Limperos, A. M. (2013), "Uses and grats 2.0: New gratifications for new media", *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 57 (4), 504-525.

Valdettaro, S. (2016), "Mediatizaciones: Hacia la consolidación de un campo de estudios", *Inmediaciones de la Comunicación*, (11), 21-29.

Webster, J. G. (2014), *The marketplace of attention, How audiences take shape in a digital age*, MIT Press, Cambridge, MA.

*Статья поступила в редакцию 30 мая 2025 г.
Поступила после доработки 09 июня 2025 г.
Принята к печати 10 июня 2025 г.
Received 30 May 2025. Revised 09 June 2025.
Accepted 10 June 2025.*

***Конфликты интересов: у автора нет
конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts
of interest to declare.***

Коваленко Владимир Дмитриевич, старший преподаватель, кафедра международных отношений, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.

Vladimir D. Kovalenko, Senior Lecturer, Department of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy Administration, Saint Petersburg, Russia.

УДК 316

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-4

Исследовательская статья

Хизбуллина Р. Р.

Интериоризация патриотизма как духовно-нравственной ценности молодежи в эпоху цифровизации: дискурсивные измерения

Казанский государственный энергетический университет,
улица Красносельская, дом 51, Казань, 420066, Россия
mine_post@inbox.ru

Аннотация. В ряду традиционных духовно-нравственных ценностей патриотизм является одной из основополагающих и интернализируется посредством агентов социализации, внешних условий и факторов. Сегодня констатируется активное вовлечение молодого поколения в социокоммуникативное пространство цифровой среды, где диджитал-достижения, такие как виртуальные площадки, социальные сети и пр., занимают внимание и интерес молодежи, опосредуя формирование духовно-нравственных ценностей и установок поведения. Современные социологические и междисциплинарные исследования, в которых цифровизация предметно центрируется как современный безусловный фактор в структуре виртуальной коммуникации и интернетизации молодежи, формируют дискурс о функциональной природе цифровой эволюции в контексте социокоммуникации, а также сохранения духовно-нравственных ценностей молодежи, что послужило основой для постановки цели исследования. В представленной статье произведена попытка анализа особенностей формирования у молодого поколения патриотизма как духовно-нравственной ценности в связке с масштабированием цифровизации. В результате исследования выводится тезис о высокой значимости цифровых инструментов в процессе формирования патриотического мировоззрения молодежи. В работе с опорой на источниковую базу приведены результаты научных изысканий отечественных исследователей, рассматривающих особенности коммуникации современной молодежи, форматы, технологии и значимость формирования патриотизма как элемента в структуре сознания молодого поколения с учетом цифровой темпоральности; также приведены данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) об оценках патриотических настроений россиян (2022-2024 гг.); произведен анализ федеральных и региональных практик патриотической работы с молодежью. В целом, результаты исследования демонстрируют значимость и суппортивную роль цифровых технологий в системе патриотического воспитания молодежи и систему интериоризации патриотизма как духовно-нравственной ценности.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; интериоризация; патриотизм; цифровизация; молодежь; социализация

Благодарности. Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-

исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Информация для цитирования: Хизбуллина Р. Р. Интериоризация патриотизма как духовно-нравственной ценности молодежи в эпоху цифровизации: дискурсивные измерения // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 49-62. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-4.

Research article

Radmila R. Khizbullina

Interiorization of patriotism as a spiritual and moral value of youth in the era of digitalization: discursive dimensions

Kazan State Power Engineering University,
51 Krasnoselskaya St., 420066, Kazan, Russia
mine_post@inbox.ru

Abstract. Patriotism is one of the fundamental traditional spiritual and moral values and is internalised through agents of socialisation, external conditions and factors. Today, the active involvement of the younger generation in the socio-communicative space of the digital environment is stated, where digital achievements, such as virtual platforms, social networks, etc. occupy the attention and interest of young people, mediating the formation of spiritual and moral values and attitudes of behavior. Contemporary sociological and interdisciplinary studies focusing specifically on digitalisation as an unconditional factor in the structure of virtual communication and the internetisation of young people form a discourse on the functional nature of digital evolution in the context of socio-communication. This discourse also considers the preservation of the spiritual and moral values of young people, which formed the basis for setting the research objective. In the presented article, an attempt was made to analyze the peculiarities of the formation of patriotism in the younger generation as a spiritual and moral value in conjunction with the scaling of digitalization. The study has led to the conclusion that digital tools play a significant role in shaping the patriotic worldview of young people. This work is based on a literature review and presents the results of scientific research by domestic researchers. It considers the peculiarities of modern youth communication, formats and technologies, and the significance of forming patriotism as an element of the younger generation's consciousness, taking into account digital temporality. It also provides data from the Russian Public Opinion Research Center (JSC VCIOM) on the patriotic sentiments of Russians (2022-2024) and analyses federal and regional practices for working with young people on patriotism. Overall, the study's findings highlight the significant and contrasting roles of digital technologies in the patriotic education of young people and the internalisation of patriotism as a spiritual and moral value.

Keywords: spiritual and moral values; interiorisation; patriotism; digitalisation; youth; socialisation

Acknowledgment: The study was carried out at the expense of a grant from the Tatarstan Academy of Sciences provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending a doctoral dissertation,

performing research work, as well as performing labor functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan «Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan».

Information for citation: Khizbullina, R. R. (2025), “Interiorization of patriotism as a spiritual and moral value of youth in the era of digitalization: discursive dimensions”, *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 49-62, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-4.

Введение (Introduction).

Исследование особенностей формирования духовно-нравственных ценностей и установок у молодого поколения не теряет своей актуальности, поскольку помогает формировать понимание стратегий работы с молодежью как будущего страны, определять вектор их социального, социокультурного и нравственного развития. Исследователи А. Н. Дьяченко и А. А. Синютин рассматривая патриотизм как духовно-нравственный феномен отмечают такие его компоненты, как: ценностное отношение человека к Отечеству, эмоциональная привязанность к Родине, осознание принадлежности к традициям, ценностям, истории, культуре своей страны, ответственность за решение социальных проблем (Дьяченко, Синютин, 2024).

Патриотизм является одной из основополагающих духовно-нравственных ценностей и закладывается на разных этапах и ступенях формирования личности, в связи с чем патриотическое воспитание занимает важное место в процессе духовно-нравственного воспитания со стороны субъектов социального окружения, социальных групп, образовательных организаций и др. (Мамалова, Ахмадова, 2019). Рассматривая особенности организации патриотического воспитания школьников П. В. Сабанина со ссылкой на академика В. И. Загвязинского обозначает данный процесс как целенаправленную, систематическую работу по развитию высокого патриотического сознания (Сабанина, 2023).

С развитием глобальной сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров сегодня активно продолжается (и, даже наращивается) дискурс об особенностях формирования духовно-нравственных ценностей в условиях нахождения личности в цифровой среде. Исследователи Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. В. Синяков, А. А. Азаров отмечают экспоненциальный рост влияния цифровых технологий, интенсификацию социальных медиа и их активное влияние на процесс усвоения молодёжью ценностей, норм, а также проявления цифрового алармизма, податливости манипуляциям массового сознания (Бродовская, Домбровская, Пырма, Синяков, Азаров, 2019).

Т. Ф. Кузнецова в исследовании цифровизации и цифровых технологий приходит к выводу, что культурные коды, выступающие важнейшим ресурсом стран и основой их человеческого капитала, подвержены антагонистическому влиянию цифровых технологий, в том числе в тех случаях, когда преимущества их технологий кажутся неоспоримыми (Кузнецова, 2019). О. Б. Бальчиндоржиева, М. В. Золхоева на примере исследования и опыта Китая приводят тезис о возможностях единства традиций и новаций в их исходных основаниях и возможностях их сохранения до современной эпохи цифровизации (Бальчиндоржиева, Золхоева, 2022).

В современных условиях к традиционным агентам формирования духовно-нравственных и ценностных ориентаций молодежи добавляются

и диджитал источники ввиду активного масштабирования цифровых технологий и, как следствия расширения виртуальных социальных связей, источников коммуникации и информации, в связи с чем возникает объективированный дискурс относительно роли и следствия активного внедрения цифровых технологий как средства коммуникации в процессе интериоризации нравственных ориентаций и ценностей молодежи. В рамках теоретического поля исследования О. А. Судоргин, А. В. Агафонов акцентируют влияние цифровизации на ценностные представления и поведенческие паттерны молодежи в процессе социализации (Судоргин, Агафонов, 2024).

Вместе с тем, в дискурсивное поле о цифровизации и ценностях центрируются исследования зарубежных исследований о преимуществах, возможностях, рисках и результатах, отражающих влияние диджитал-технологий на общество (Heidlund, Marcus, Sundberg, Leif., 2023). Отмечается наличие преимущественно положительных особенностей диджитализации и обнаруживается взаимосвязь между ее возможностями, восприятием устойчивости окружающей среды и инновационными показателями, уделяя особое внимание посреднической роли цифровизации между возможностями интеграции и накопления знаний (Erbeу, Gündüz, Fidan). Также выдвигаются гипотезы о нехватке исчерпывающего описания характера и последствий влияния цифровизации на социум и отдельные социальные группы (Vial, 2019).

По оценкам Э. М. Молчан, редукция духовно-нравственных ценностей в сознании личности и ослабление реальной внецифровой диалогизации депривирует интериоризацию традиционных ценностей, поскольку первично молодое поколение нуждается в формировании жизненных ценностей и установок, что в будущем

позволит адекватно оценить предложенные модели и алгоритмы поведения, в частности интернет-пространства (Молчан, 2019). С. А. Кравченко отмечает, что в процессе диджитал интеракции формируется «новая среда», которая, хотя и предоставляет новые коммуникативные возможности, но, вместе с тем, и имеет побочные явления, как, например, компрессию мировоззренческого восприятия и видение социальных проблем, ратифицируя пассивные формы существования вне ориентации на общественно значимые преобразования, активизируя цифровые метаморфозы (Кравченко, 2019).

Методология и методы (Methodology and Methods).

Дискурсивный характер оценки влияния диджитал технологий на духовно-нравственные ценности молодежи, цифровизация различных сфер общества, в том числе и детерминация основ и процесса формирования патриотизма, духовно-нравственных установок подтверждает ее бифуркационную природу, формируя исследовательский интерес. С одной стороны, масштабирование влияния интернета и цифровых технологий на форматы социальной коммуникации мортифицирует процесс межличностного общения – снижается межличностная коммуникация внутри первичных социальных групп (семьи), что может приводить к нивелированию её влияния как агента первичной социализации на формирование патриотизма как ценности. С другой стороны, современные цифровые технологии (виртуальные экскурсии, доступные оцифрованные исторические материалы, мобильные приложения, тематические интернет-ресурсы с профильным онлайн контентом и пр.) могут обогатить традиционное патриотическое образование и систему воспитания молодежи. Приведенные

исследовательские позиции, формируя дискурс о функциональной природе цифровой эволюции в контексте патриотического воспитания и интериоризации ценностей, обнаруживают взаимодополняемость мнений, на основе которых автор ставит задачу выявления роли цифровых технологий в интериоризации ценностей на примере патриотизма среди молодежи.

Понимание патриотизма как базовой ценности закладывается в рамках первичной интериоризации духовно-нравственных ценностей и в процессе воспитания личности. Традиция изучения принципов, методов и подходов к формированию ценностей (смыслоопределяющая природа ценностей М. Вебера, Р. Мертон; консенсус ценностей Т. Парсонса, Э. Друкгейма и др.), сегодня находит продолжение в работах современных исследователей, которые с различных методологических позиций формулируют представление о патриотизме в социологическом, социально-психологическом, социально-экономическом контекстах в рамках междисциплинарного дискурса. Так, например, отечественные исследователи И. С. Шаповалова, И. С. Заводян справедливо отмечают, что в настоящее время коммуникативные социальные стратегии молодежи приобретают повышенную актуальность, в связи с трансформацией современной реальности и развитием научно-технического прогресса (Шаповалова, Заводян, 2021).

Произведен вторичный анализ данных эмпирических исследований отечественных исследователей (И. С. Шаповаловой, И. С. Заводян, Д. Д. Тулегеновой, О. А. Портновой, А. Р. Лобовкиной и др.), федеральных и региональных практик патриотической работы с молодежью. С целью

компаративного дискурса представленной темы исследования также были приведены данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) оценки патриотических настроений россиян (2022-2024 гг.).

Представленное исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий компаративный анализ эмпирических исследований и синтез подходов и практик в работе с молодежью, что позволило комплексно рассмотреть процесс интериоризации ценностей и патриотизма молодого поколения в условиях цифровизации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Согласно данным, представленным в статистическом сборнике «Цифровая экономика: 2024», Россия по итогам 2022 года хотя и не является лидером по использованию интернета населением, однако частота его использования подрастающим поколением растет, в том числе в рамках общения в социальных сетях (68% в 2022г. против 64,4% в 2020г.) (см. Рисунки 1, 2.), (Абашкин, Абдрахманова, Вишневский, Гохберг и др., 2024).

По данным ВЦИОМ (n=1600, 2023 г., РФ) большая часть опрошенных – 86% в возрасте 18-24 лет проводит в интернете более четырех часов ежедневно, и 50% в возрасте 25-34 лет. Для сравнения процент молодых людей, проводящих в интернете менее четырех часов в день приведен на Рисунке 3¹.

¹ Цифровой детокс - 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 15.02.2025).

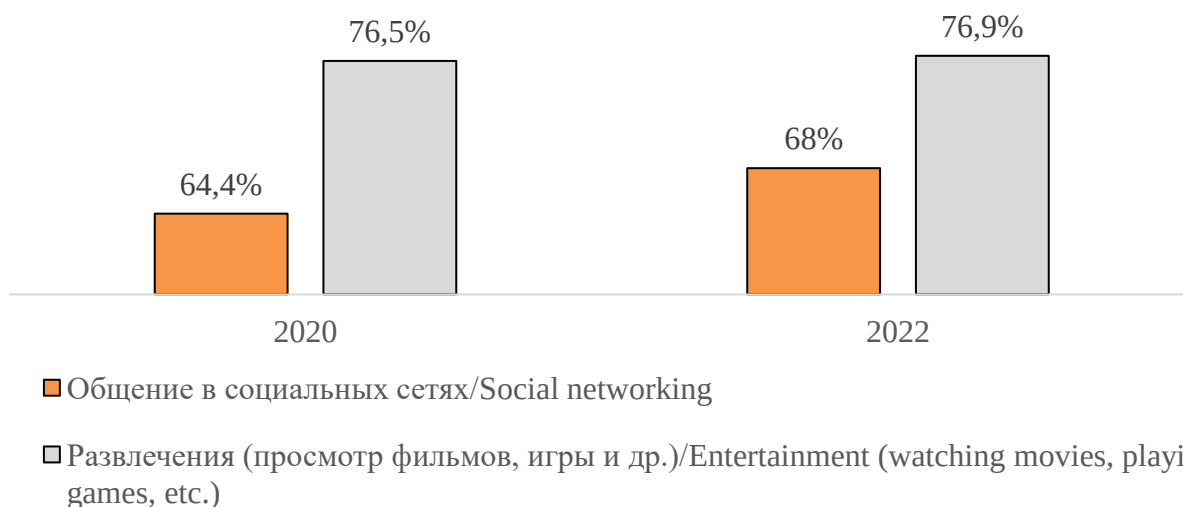

Рисунок 1. Цели использования интернета детьми (% от численности детей в возрасте до 15 лет, обучающихся в общеобразовательных организациях и использующих интернет)
Figure 1. Goals of Internet use by children (% of the number of children under the age of 15 who study in general education institutions and use the Internet)

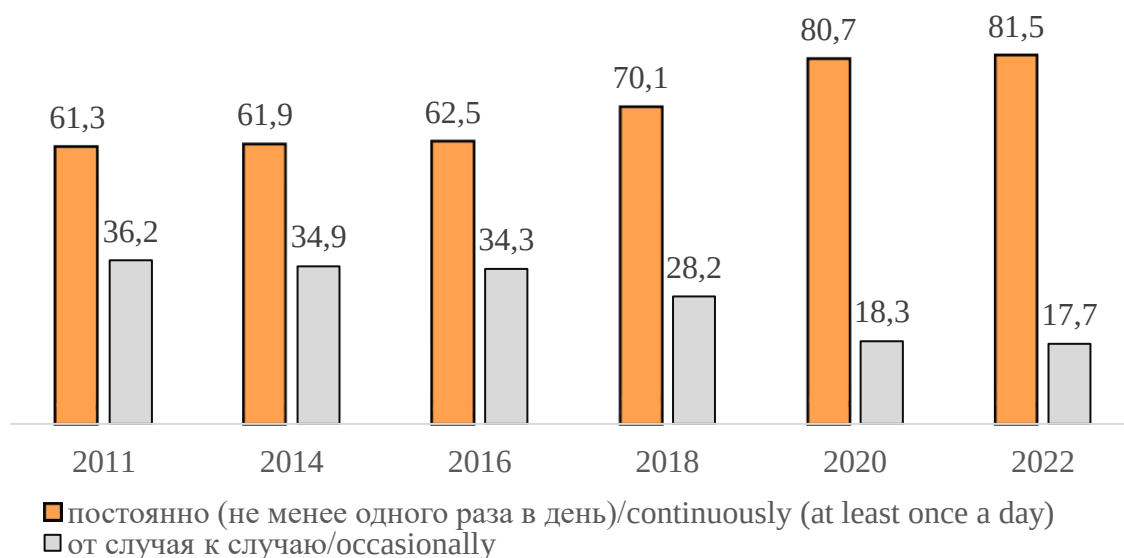

Рисунок 2. Частота использования интернета детьми (% от численности детей в возрасте до 15 лет, обучающихся в общеобразовательных организациях и использующих интернет)
Figure 2. Frequency of Internet use by children (% of the number of children under the age of 15 who study in educational institutions and use the Internet)

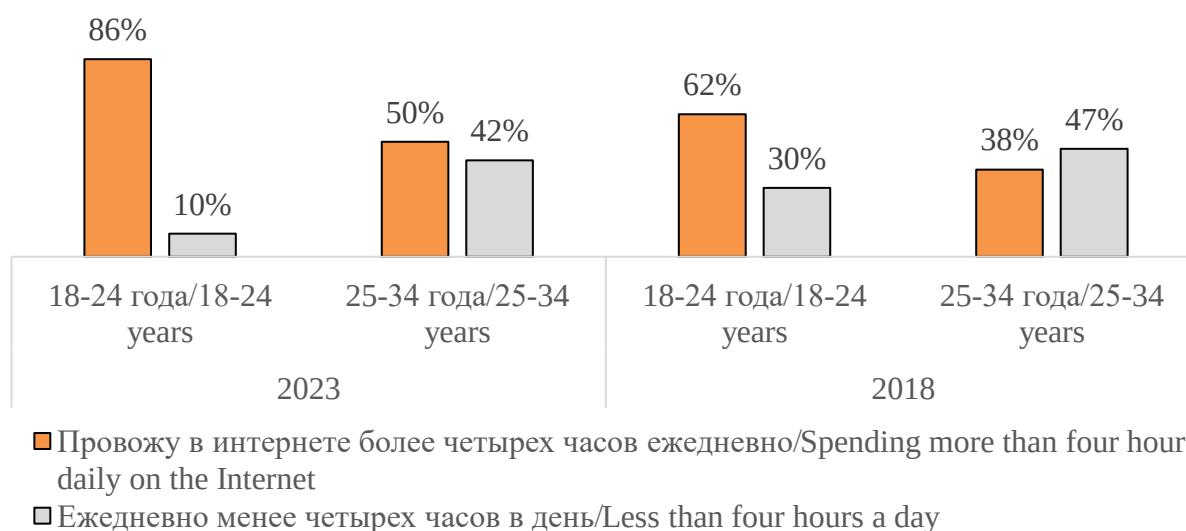

Рисунок 3. Частота использования интернета, %, 2018-2023 гг.
(выборочные данные)

Figure 3. Frequency of Internet usage, %, 2018-2023 (sample data)

Интернет-контент, занимая все больше времени молодежи, так или иначе интегрируется в систему, интериоризирующую их ценности.

В работе о роли цифровизации в деятельности патриотических организаций регионов Сибирского федерального округа авторы Д. А. Казанцев, Д. А. Качусов, Я. Ю. Шашкова отмечают возможности цифровых технологий в модификации форматов познавательный компоненты патриотического воспитания молодого поколения посредством разработки и трансляции онлайн контента, связанного с воспитанием у молодежи патриотизма как ценности (Казанцев, Качусов, Шашкова, 2022).

Исследователи С. Д. Лебедев, К. Г. Скорик справедливо отмечают, что система гражданско-патриотического воспитания в учебных заведениях основывается в том числе на практике воспитывающего обучения (Лебедев, Скорик, 2023). Примером интериоризация патриотических ценностей в образовательных учреждениях и на уровнях образовательных групп является реализация через масштабирование патриотических воспитательных

мероприятий, в том числе посредством использования цифровых инноваций (интерактивные выставки о подвигах защитников Отечества, презентации в рамках исторического экскурса о развитии страны, онлайн-акции «Свеча памяти» и др.). Задача данных мероприятий патриотической направленности заключается в воспитании любви к стране, своему городу и его истории, национальным традициям.

Современные авторы (Е. А. Бароненко, Ю. А. Райсвих, А. С. Бароненко) напрямую обозначают необходимость реализации патриотического воспитания во внеурочных мероприятиях, а также важность охвата программным материалом не только профильных, но и межпредметных занятий (Бароненко, Райсвих, Бароненко, 2020). Согласно данным, представленным в 2022 году ВЦИОМ, 69% россиян полагают, что школа должна воспитывать в учениках моральные качества, участвовать в патриотическом воспитании молодежи (68%) (n=1600, возраст от 18 лет, метод – телефонное интервью, 2022 г.)¹.

¹ Новации школьного патриотизма: за и против.
URL: <https://wciom.ru/analytical->

В исследовании О. А. Портнова, А. Р. Лобовкина на примере результатов опроса студенческой молодежи (2024 г.) Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского на предмет оценки использования цифровых технологий в патриотическом воспитании обозначает важность формирования патриотического сознания у молодого поколения, отмечая, что большая часть (80% респондентов) молодых людей считают цифровые технологии важным инструментом в данном процессе, отмечая при этом, что цифровизация не должна трансформироваться во флагманскую альтернативу традиционным форматам патриотической работы (Портнова, Лобовкина, 2024).

Всероссийский центр общественного мнения (ВЦИОМ), приводя данные опроса россиян (метод опроса – телефонное интервью, n=1600, возраст от 18 лет, 2023г.) обнаруживает, что молодежь в возрасте 18-24 лет отождествляет любовь к своей стране со знанием ее культуры и истории (18%), со вкладом в ее развитие (16%)²; чувство патриотизма разделяют 87% молодежи в группе 18-24 лет (2024 г.)³. Шаповалова А.М. и Вагина В.О. на основе масштабного исследования, включавшего в том числе экспертные оценки (n=164: Кабардино-Балкарской республики (n=57), Республики Крым (n=49) и Ростовской области (n=58)) уровня участия молодежи в патриотических мероприятиях, отмечают, что в рамках усредненных значений виртуально-сетевые практики, отмеченные с наивысшими средними значениями (3,23), что объясняется стремительным

развитием виртуального пространства. Смешанные практики (базирующиеся на симбиозе использования Интернет-ресурсов и реальных практик офлайн взаимодействия) приводятся авторами как наиболее эффективные на основании эмпирических данных с усредненной экспертной оценкой 3,29 (Шаповалова, Вагина, 2021).

Сегодня цифровизация как нарратив взаимосвязи управления и мероприятий патриотической направленности обозначается на государственном уровне в национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», определяющих приоритеты государственной политики.

Интегративный подход к патриотическому воспитанию молодежи реализуется на институциональном уровне в рамках федеральных программ, отчеты о деятельности которых, в формате инфографики и цифрового контента размещены в сети Интернет. Например, Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ», федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (Нацпроекта «Образование»), который имеет адаптивный интерфейс сайта для детей и молодежи и, благодаря которому по состоянию на конец 2024 года:

- >1,7 млн. человек, включая детей и молодежь приняли участие во всероссийских, окружных и межрегиональных мероприятиях патриотической направленности;
- >4,5 млн. человек участвовали в мероприятиях, одной из задач которых являлось сохранение межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений;
- >6 млн. человек приняли участие в проектах, проведенных региональными

[reviews/analiticheskii-obzor/novacii-shkolnogo-patriotizma-za-i-protiv](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizma-za-i-protiv) (дата обращения 21.03.2025).

² Патриотизм: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения 01.03.2025).

³ О современном российском патриотизме URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения 15.03.2025).

отделениями Российского движения детей и молодежи и направленных на воспитание подрастающего поколения и формирование личности⁴.

Симбиоз форматов духовно-нравственного воспитания, интериоризации патриотизма как ценности у молодого поколения используется в ходе реализации национального проекта «Цифровая культура». Помимо мероприятий внецифрового формата в виртуальной среде размещается контент, обеспечивающий комплексное восприятие фактов истории, патриотизма и пр. с целью укрепления гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей среди молодежи. Согласно прогнозам, совокупный охват контента среди молодежной аудитории к концу 2025 года нарастающим итогом должен составить не менее 7 407 млн. просмотров (не менее 730 млн. просмотров ежегодно) (Карташева, 2023).

Поддержка цифровых форматов федеральных патриотических проектов активизируется и на региональном уровне. Например, в Республике Татарстан в 2024 году в онлайн акции «Свеча Памяти» приняло участие 11 323 человека; Республиканским центром спортивно-патриотической и допризывной подготовки молодежи «Патриот» размещается цифровой контент о реализованных, проводимых и анонсируемых мероприятиях.

Отметим, что в комплекс процессных мероприятий «Развитие и совершенствование инфраструктуры информационного пространства Республики Татарстан» входит обеспечение развития уровня патриотических и нравственных ценностей. Учреждения культуры обеспечивают интериоризацию ценностей молодого поколения в рамках мероприятий, в том числе доступных и в электронном виде. Согласно целевым показателям стратегии в области цифровой

трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Татарстан доля таких мероприятий за период 2022-2024 года демонстрирует стабильный прирост (см. Таблицу)⁵.

В настоящее время есть понимание необходимости дальнейшего наращивания содержательного контента программ патриотического воспитания и работы с молодежью с использованием цифровых интерактивных форм обучения, которые могут масштабировать интерес и интериоризацию ценностей, традиций патриотизма среди молодежи, их вовлеченности и заинтересованности в популяризацию деятельности патриотической направленности (Кульбачевская, 2023; Куликова, Фоменко, 2021).

Несмотря на широкую практику формирования ценностей у молодого поколения в рамках проведения онлайн мероприятий и создания специальных информативных приложений, вопрос о проблеме патриотического воспитания несовершеннолетних как в онлайн-, так и в реальной жизни сохраняет свою актуальность и остаётся дискуссионным. Одной из основных проблем, отмеченных в рамках экспертной встречи рабочий группы стратегической программы «Страна для детей» Общественного совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка заключаются в нехватке для целевой аудитории позитивного контента, популяризирующего патриотическую составляющую⁶.

⁵ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Татарстан на 2022-2024 гг. URL: https://pravo.tatarstan.ru/rus/file/npa/2021-08/828959/npa_828960.pdf (дата обращения 29.05.2025).

⁶ Патриотическое воспитание детей и подростков в онлайн-среде: практики и формы работы. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1340> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴ Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения 01.04.2025).

Таблица
Целевые показатели цифровой трансформации. Проект «Молодежная политика», % РТ,
2022-2024 гг. (выборочные данные)

Table

Digital Transformation Targets. Youth Policy Project, % RT, 2022-2024
(sample data)

Направление / Direction	Наименование показателя цифровой трансформации / Name of the digital transformation indicator	Единица измерения / Unit of measurement	Целевое значение / Target value		
			2022 г.	2023 г.	2024 г.
Культура / Culture	Доля мероприятий, проводимых учреждениями культуры, доступных в электронном виде, от общего количества мероприятий / The proportion of events held by cultural institutions that are available electronically from the total number of events	%	15	17	19
«Молодежь Татарстана» / “Youth of Tatarstan”	Увеличение численности детей и молодежи в возрасте до 35 лет, вовлеченных в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами / Increasing the number of children and youth under the age of 35 involved in socially active activities through increased coverage of patriotic projects	тыс. человек / thousand people	196	278	317

Заключение (Conclusions).

Ценности являются основой социальных правил, установок и норм. Полипарадигмальность взглядов современных ученых о влиянии цифровизации на интериоризацию ценностей формирует исследовательский интерес к дальнейшему раскрытию особенностей и роли цифровых систем.

Основываясь на данных современных отечественных исследователей, статистических данных, анализа федеральных и региональных примеров реализации программ патриотического воспитания молодежи сформулируем, что патриотизм для современного молодого поколения является важной составляющей

в структуре ценностей, интериоризируемых в современных условиях цифровой среды. В настоящее время отмечается симбиоз цифровых и оффлайн форматов в воспитании молодого поколения, однако, в перспективе цифровизация, наращивая потенциал может составить конкуренцию традиционным внецифровым форматам, формирующим духовно-нравственные ценности, что актуализирует необходимость дальнейших исследований роли цифровой среды в процессе интериоризации ценностей молодежи. Социальный алармизм может быть связан с риском манипулирования фактами, историей, восприятием ценностей.

В целом, не являясь заменой традиционным практикам патриотического семейного воспитания диджитал технологии могут оказывать достойный суппорт оперативному информированию и приобщению молодого поколения к проводимым патриотическим мероприятиям через средства цифровой коммуникации. Преимущества цифровизации в вопросе интериоризации ценностей патриотизма на региональном уровне заключаются в поддержке управления системой работы с молодежью в части патриотического воспитания и обеспечивают синергию традиционной работы патриотической направленности и диджитал технологий.

Укрепление в сознании молодого поколения патриотизма как ценности, осознания необходимости участия в общественной жизни видятся как компоненты интериоризации духовно-нравственных ценностей встроенные в конструктивную созидательную активность, процесс воспитания и социализации молодежи, а использование диджитал технологии и цифровых форматов работы является взаимодополняющей современной полимодальной интенцией.

Список литературы

Абашкин В. Л., Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Гохберг Л. М. и др. Цифровая экономика: краткий статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

Бальчиндоржиева О. Б., Золхоева М. В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 90-97. DOI: [10.31857/S013216250016859-7](https://doi.org/10.31857/S013216250016859-7). EDN: VMPLWJ.

Бароненко Е. А., Райсвих Ю. А., Бароненко А. С. Проблемы патриотического воспитания молодёжи в современных условиях // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-

педагогического университета. 2020. № 7 (160). С. 22-39. DOI: [10.25588/CSPU.2020.160.7.002](https://doi.org/10.25588/CSPU.2020.160.7.002). EDN: GJKNQD.

Джумаева К. Т., Норова З. И. Роль семьи в формировании патриотических качеств у детей // Endless light in science. 2023. №.1. С. 96-99. DOI: [10.24412/2709-1201-2023-96-99](https://doi.org/10.24412/2709-1201-2023-96-99). EDN: USACDR.

Дьяченко А. Н., Синютин А. А. Патриотизм как духовно-нравственный феномен в современном социокультурном пространстве // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, №. 4. С. 121-133. DOI: [10.18522/2227-8656.2024.4.8](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.4.8). EDN: MMEXQA

Карташева Н. Цифровая трансформация в сфере культуры и искусства. 2023. URL: <https://cdto.ranepa.ru/sum-of-tech/materials/152> (дата обращения 25.09.2024).

Казанцев Д. А., Качусов Д. А., Шашкова Я. Ю. «Как маршрутировать у компьютера»: роль цифровизации в деятельности патриотических организаций регионов Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 586-604. DOI: [10.22363/2313-1438-2022-24-3-586-604](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-586-604). EDN: LFWHCE.

Кравченко С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 48-57. DOI: [10.31857/S013216250006186-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7). EDN: PCLBKT.

Куликова С. В., Фоменко Е. А. Потенциал цифровых технологий в решении задач патриотического воспитания российской молодежи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (155). С. 12-22. EDN: MSLRXL.

Кульбачевская О. В. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 20-36. DOI: [10.33876/2311-0546/2023-4/20-36](https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/20-36). EDN: PUKQAL.

Лебедев С. Д., Скорик К. Г. Патриотическое воспитание в российских образовательных организациях: концептуализация, коммуникация, контроль // Научные результаты социологии – 2022:

Сборник статей по материалам II Международного научного онлайн-форума, Белгород, 15-17 февраля 2023 года / Отв. редактор И. С. Шаповалова. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 156-168. EDN: RUPGJW.

Мамалова Х. Э., Ахмадова З. М. Военно-патриотическое воспитание студенческой молодёжи, как патриотизм, преданность своему Отечеству // Мир науки, культуры, образования. 2019. №. 2 (75). С. 129-131. EDN: ZIXHJJ.

Молчан Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Современные философские исследования. 2019. № 2. С. 55-66. DOI: [10.18384/2310-7227-2019-2-55-66](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-55-66). EDN: ZCVCQV.

Портнова О. А., Лобовкина А. Р. Использование цифровых технологий в патриотическом воспитании специалистом по работе с молодежью // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2024. № 4 (24) / декабрь. С. 97-108. EDN: SLFRWF.

Сабанина П. В. Организация патриотического воспитания в школе как метод управления образовательным процессом // Вестник науки. 2023. Т.4, № 3 (60). С. 56-62. EDN: QMFCYQ.

Судоргин О. А., Агафонов А. В. Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства // Управление. 2024. Т. 12, № 2. С. 99-108. DOI: [10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108). EDN: JNYMSV.

Тулегенова Д. Д. Патриотизм в представлениях российской молодежи: политико-психологический анализ // Государственное управление. Электронный вестник. № 108. 2025. С. 148-159. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159). EDN: MUPFSS.

Цыплакова С. М., Цыплаков Д. А. Семейные ценности в контексте воспитания патриотизма // Новосибирский временник. 2024. № 1 (9). С. 46-49. EDN: LLWDCQ.

Шаповалова А. М., Вагина В. О. Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве. // Caucasian Science Bridge. 2021. № 4 (3). С. 44-52.

DOI: [10.18522/2658-5820.2021.3.4](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.4).

EDN: TQLEOF.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. С. 25-45. EDN: AXSGPC.

Heidlund Marcus, Sundberg Leif. What is the value of digitalization? Strategic narratives in local government // Information Polity. 2023. № 28. Pp. 1-17. DOI: [10.3233/IP-220063](https://doi.org/10.3233/IP-220063).

Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // J. Strateg. Inf. Syst. 2019. № 28. Pp.118-144.

References

Abashkin, V. L., Abdrakhmanova, G. I., Vishnevsky, K. O., Gokhberg, LM, et al. (2024), *Tsifrovaya ekonomika: kratkiy statisticheskiy sbornik* [Digital Economy: a short statistical collection], University "Higher School of Economics", ISIEZ HSE, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf>. (Accessed 15 March 2025) (In Russian)

Balchindorzhieva, O. B., Zolkhoeva, M. V. (2022), "Digital Culture vs Cultural Originality? (from the experience of preserving Chinese cultural identity)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 90-97, DOI: [10.31857/S013216250016859-7](https://doi.org/10.31857/S013216250016859-7), EDN: VMPLWJ. (In Russian)

Baronenko, E. A., Raisvikh, Yu. A., Baronenko, A. S. (2020), "Problems of patriotic education of youth in modern conditions", *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, (7), 22-39, DOI: [10.25588/CSPU.2020.160.7.002](https://doi.org/10.25588/CSPU.2020.160.7.002), EDN: GJKNQD. (In Russian)

Dzhumaeva, K. T., Norova, Z. I. (2023), "The role of the family in the formation of patriotic qualities in children", *Endless light in science*, (1), 96-99, DOI: [10.24412/2709-1201-2023-96-99](https://doi.org/10.24412/2709-1201-2023-96-99), EDN: USACDR. (In Russian)

Dyachenko, A. N., Sinyutin, A.A. (2024), "Patriotism as a spiritual and moral phenomenon in the modern sociocultural space", *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 13 (4), 121-133, DOI: [10.18522/2227-8656.2024.4.8](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.4.8), EDN: MMEXQA. (In Russian)

Kartasheva, N. (2023), "Digital transformation in the field of culture and art",

[Online], available at: <https://cdto.ranepa.ru/sum-of-tech/materials/152> (Accessed 25 September 2024). (In Russian)

Kazantsev, D. A., Kachusov, D. A., Shashkova, Y. Y. (2022), ““How to march at the computer”: The role of digitalization in the activities of the regional patriotic organizations of Siberian Federal District”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 24 (3), 586-604, DOI: [10.22363/2313-1438-2022-24-3-586-604](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-586-604), EDN: LFWHCE. (In Russian)

Kravchenko, S. A. (2019), “Digital risks, metamorphoses and centrifugal trends among the young people”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 48-57, DOI: [10.31857/S013216250006186-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7), EDN: PCLBKT. (In Russian)

Kulikova, S. V., Fomenko, E. A. (2021), “The potential of digital technologies in solving the problems of patriotic education of Russian youth”, *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (2), 12-22, EDN: MSLRXL. (In Russian)

Kulbachevskaya, O. V. (2023), “Patriotism of youth as a strategic resource for the development of Russia: potential, challenges, risks”, *Vestnik antropologii*, (4), 20-36, DOI: [10.33876/2311-0546/2023-4/20-36](https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/20-36), EDN: PUKQAL. (In Russian)

Lebedev, S. D., Skorik, K. G. (2023), “Patriotic education in Russian educational organizations: conceptualization, communication, control”, *Nauchnye rezultaty sotsiologii - 2022: Sbornik statey po materialam II Mezhdunarodnogo nauchnogo onlain-foruma, Belgorod, 15-17 fevralya 2023 goda* [Scientific results of sociology - 2022: Collection of articles based on materials from the II International Scientific Online Forum, Belgorod, February 15-17, 2023], ed. by I. S. Shapovalova, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, 156-168, EDN: RUPGJW. (In Russian)

Mamalova, K. E., Akhmadova, Z. M. (2019), “Military-patriotic education of student youth, as patriotism, devotion to their Fatherland”, *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, (2), 129-131, EDN: ZIXHJJ. (In Russian)

Molchan, E. M. (2019), “The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization”, *Sovremennye filosofskie issledovaniya*, (2), 55-66, DOI: [10.18384/2310-7227-2019-2-55-66](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-55-66), EDN: ZCVCQV. (In Russian)

7227-2019-2-55-66, EDN: ZCVCQV. (In Russian)

Portnova, O. A., Lobovkina, A. R. (2024), “The use of digital technologies in patriotic education by a specialist in working with young people”, *Nauchno-metodicheskiy elektronny zhurnal “Kaliningradskiy vestnik obrazovaniya”*, (4), 97-108, EDN: SLFRWF. (In Russian)

Sabanina, P. V. (2023), “Organization of patriotic education at school as a method of managing the educational process”, *Vestnik nauki*, 4 (3), 56-62, EDN: QMFCYQ. (In Russian)

Sudorgin, O. A., Agafonov, A. V. (2024), “Impact of digitalization on the formation of modern youth political leadership”, *Upravlenie*, 12(2), 99-108, DOI: [10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108), EDN: JNYMSV. (In Russian)

Tulegenova, D. D. (2025), “Patriotism in the ideas of Russian youth: political and psychological analysis”, *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronny vestnik*, (108), 148-159, DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159), EDN: MUPFSS. (In Russian)

Tsyplakova, S. M., Tsyplakov, D. A. (2024), “Family values in the context of education of patriotism”, *Novosibirskiy vremennik*, (1(9)), 46-49, EDN: LLWDCQ (In Russian)

Shapovalova, A. M., Vagina, V. O. (2021), “Development of patriotism in the youth environment in the online space”, *Caucasian Science Bridge*, (4), 44-52, DOI: [10.18522/2658-5820.2021.3.4](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.4), EDN: TQLEOF. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2021), “Generation Z: values, dispositions and socialization results”, *Pokolenie Z: mnogoobrazie identichnostey, orientatsiy, povedeniya* [Generation Z: diversity of identities, orientations, behavior], Bashkir State University, Ufa, Russia, 25-45, EDN: AXSGPC. (In Russian)

Heidlund, Marcus, Sundberg, Leif. (2023), “What is the value of digitalization? Strategic narratives in local government”, *Information Polity*, (28), 1-17, DOI: [10.3233/IP-220063](https://doi.org/10.3233/IP-220063).

Vial, G. (2019), “Understanding digital transformation: A review and a research agenda”, *J. Strateg. Inf. Syst.*, (28). 118-144.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2025 г.
Поступила после доработки 01 июня 2025 г.
Принята к печати 10 июня 2025 г.
Received 13 May 2025. Revised 01 June 2025.
Accepted 10 June 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Хизбуллина Радмила Радиковна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского

государственного энергетического университета, Казань, Россия.

Radmila R. Khizbullina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.423.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5

Исследовательская статья

Богатова О. А.
Чуйкова О. Г.

Динамика религиозности провинциального студенчества

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва,
улица Большевикская, дом 68/1, Саранск, 430005, Россия
bogatovaoa@gmail.com
15olga05.01@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются основные характеристики и тенденции динамики религиозности провинциальной студенческой молодежи на примере студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета. На основе сравнения данных анкетных опросов 2024 и 2025 гг. характеризуются изменения уровня и степени религиозности по основным параметрам многомерного подхода Ч. Глока и Р. Старка, дается оценка субъективной значимости религиозных норм поведения, выявляются основные тенденций в оценке студентами роли и функций религии в современном российском обществе. Авторы статьи характеризуют религиозность студентов в целом как «размытую», приватизированную и дистанцированную по отношению к институциональным формам религии, с которыми индивиды идентифицируют себя на основе культурной традиции, делают вывод о стабильности выявленного комплекса характеристики религиозности среди студентов. Несмотря на некоторое снижения ее уровня, отмеченное исследователями и в других регионах, степень религиозности верующих студентов в целом не снижается, оставаясь выше средней по основным измерениям веры и опыта, с одной стороны, и относительно низкой (но не ниже, чем по региону в целом) по ритуалистическому, интеллектуальному и поведенческому измерениям. В частности, стабильно декларируемое студентами признание общественной роли религии как социального регулятора и средства трансляции культурных ценностей не дают оснований для вывода о возможности изменения их поведения в повседневной жизни через авторитет традиционных религий и отношения на микроуровне с их носителями. На примере данной социальной категории хорошо видно, как современные верующие рассматривают религию не в качестве набора готовых предписаний, а как ориентира для индивидуального нравственного выбора и средства решения экзистенциальных проблем индивида.

Ключевые слова: религия; религиозность; студенческая молодёжь; приватизация религии; секулярная религиозность; дистанцированные верующие

Информация для цитирования: Богатова О. А., Чуйкова О. Г. Динамика религиозности провинциального студенчества // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 63-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5.

Research article

Olga A. Bogatova
Olga G. Chuikova

The dynamics of religiosity among provincial students

Ogarev National Research Mordovia State University,
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia
bogatovaoa@gmail.com
15olga05.01@gmail.com

Abstract. The article analyzes the main characteristics and trends in the dynamics of religiosity among provincial students using the example of students at National Research Mordovia State University. Based on a comparison of the data from the 2027 and 2025 questionnaires, changes in the level and degree of religiosity are characterized according to the main parameters of the multidimensional approach of C. Glock and R. Stark, the subjective significance of religious norms of behavior is assessed, and the main trends in students' assessment of the role and functions of religion in modern Russian society are identified. The authors of the article characterize the religiosity of students as a whole as “fuzzy”, privatized and distanced in relation to the institutional forms of religion with which individuals identify themselves on the basis of cultural tradition, and conclude that the identified complex of characteristics of religiosity among students is stable. Despite a slight decrease in religiosity noted by researchers in other regions, religious students as a whole remain above average in terms of faith and experience, while remaining relatively low in terms of ritualistic, intellectual and behavioural dimensions (though not lower than in the region as a whole). In particular, the consistently declared recognition by students of the public role of religion as a social regulator and a means of transmitting cultural values does not give grounds to conclude that it is possible to change their behavior in everyday life through the authority of traditional religions and micro-level relations with their bearers. Using the example of this social category, it is clearly seen how modern believers consider religion not as a set of ready-made prescriptions, but as a guideline for individual moral choice and a means of solving an individual's existential problems.

Keywords: religion; religiosity; student youth; privatization of religion; secular religiosity; distanced believers

Information for citation: Bogatova, O. A., Chuikova, O. G. (2025), “The dynamics of religiosity among provincial students”, *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 63-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-5.

Введение (Introduction). Предметом данного исследования являются особенности и тенденции развития религиозности провинциальной студенческой молодежи в России в XXI в.

на примере студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, большая часть которых является уроженцами Республики

Мордовии, которую, по мнению сотрудника ВЦИОМ С. Г. Ушкина, «можно отнести к типичным территориям среднего Поволжья, при этом результаты ряда реализуемых здесь репрезентативных опросов демонстрируют близость с общероссийскими замерами» (Ушкин, 2024: 165). Современные западные социологи операционализируют религиозность при помощи таких переменных, как религиозная идентичность, практики, убеждения, ценности, нормы (Stolz, Lipps, Voas, Antonietti, 2024: 810). В дальнейшей ее характеристике мы будем использовать операциональное определение М. Ю. Смирнова, предложившего рассматривать это социальное явление в качестве «специфического состояния сознания и поведения индивидов, при котором взгляды на мир в целом, отношение к окружающему и мотивация жизненных действий основаны на религиозной вере» (Смирнов, 2008: 70), измеряемого на основе ряда эмпирически наблюдаемых признаков (Смирнов, 2008: 71).

Методология и методы (Methodology and methods). Методологические рамки исследования религиозности молодежи как в российском обществе, так и в современном мире в целом во многом определяются научной дискуссией по поводу влиятельных социологических концепций – «тезиса секуляризации» и концепции постсекулярного общества, специфику которого автор этого термина Ю. Хабермас видит в том, что, в отличие от предыдущего этапа развития светскости, оно «заботится о продолжении существования религиозных сообществ в беспрестанно секуляризирующемся окружении» и дает возможность им участвовать в публичном обсуждении (Хабермас, 2002: 119). Как отмечается в ряде исследований (Смирнов, 2023; Davie, Leustean, 2021: 7), среди религиоведов получила распространение расширенная

интерпретация этого концепта как начала эрозии основных характеристик секулярного общества, заключающихся, по мнению Ч. Тейлора, в таких трех фундаментальных аспектах, как институциональная автономия по отношению к организованной религии (включая религиозную автономию государства в качестве гарантии равноправия граждан), снижение уровня религиозности и проблематизация отношения к религии в плане индивидуального выбора как конкретных верований, так и религиозного мировоззрения наряду с безрелигиозным (Тейлор, 2017: 4).

С точки зрения Г. Дейви, основной методологический вывод из «постсекулярной» концепции заключается в тезисе о предположительной исключительности европейского опыта секуляризации и проблематизации причинно-следственной связи между модернизацией и секуляризацией в общемировом контексте (Davie, Leustean, 2021: 282). По мнению П. Бергера, актуальность несекулярных моделей модернизации в современном мире следует также из теории множественных вариантов модерна Ш. Эйзенштадта, описывающего разные варианты культурных кодов в основе цивилизаций, включая гражданские, религиозные и примордиальные (Berger, 2014: 68-69).

В противоположность этой точке зрения С. Брюс и Д. Воас, признавая возможность альтернативных моделей модернизации, в том числе ориентированных на избегание повторения западного опыта, придерживаются более традиционной точки зрения на секуляризацию как преобладающий западный нарратив современности. В качестве типичного случая они ссылаются на данные о снижении влияния религии на население Великобритании, включая снижение общего уровня и степени религиозности как вовлеченности в жизнь и деятельность религиозных сообществ, не

компенсируемое подъемом альтернативной традиционным религиям духовности (Bruce, Voas, 2023: 3-5). Аналогичный тезис об эрозии как институциональной, так и индивидуальной религиозности в развитых странах доказывает Р. Инглхарт, основываясь на результатах своего проекта «Всемирное исследование ценностей», а также анализе данных других исследователей (Инглхарт, 2022: 72-73).

С их точки зрения, типичный характер этих тенденций подтверждается данными лонгитудов Европейского социального исследования и Международной программы социальных исследований, когортный анализ которых свидетельствует об их поколенческом характере: несмотря на разнообразие верований и организационных форм религиозности, каждое поколение замещается менее религией, и это замещение не компенсируется подъемом религиозности в более старших возрастах (Bruce, Voas, 2023: 8), а также данными социологических исследований в США (Bruce, Voas, 2023: 9-10). В статье, написанной в соавторстве с Й. Штольцем, О. Липпсом и Дж. Антонетти, Воас предполагает, что этот поколенческий разрыв обусловлен косвенным влиянием модернизации общества на процесс религиозной социализации новых поколений через доминирующие в обществе ценности, идеологии и мировоззрения, а не напрямую – через влияние родителей и их непосредственное окружение (Stolz, Lipps, Voas, Antonietti, 2024: 826).

Й. Штольц в своей книге «(Не)верие в современном обществе: религия, духовность и секулярно-религиозная конкуренция» обосновывает на основе синтеза теории секуляризации с концепциями религиозного рынка и конструктивистского подхода влияние на динамику религиозности в современных обществах конкуренции религиозных и секулярных мировоззренческих акторов.

Исходя из парадигмы методологического индивидуализма, авторы книги отслеживают конкуренцию этих акторов за легитимную власть, влияние и полномочия на интерпретацию правил своего сосуществования на трех уровнях социальных взаимодействий: на макроуровне (общество в целом), а также на мезо- (влияние внутри отдельных религиозных и социальных групп) и микроуровне – за индивидуальный спрос на мировоззренческие «предложения», участие и финансовую поддержку между религиозными и светскими «поставщиками» (Stolz, Künemann, Purdie, Englberger, Krüggeler, 2016: 25-26). Результатом этой конкуренции является увеличение доли не столько «альтернативных» верующих или неверующих «секуляристов» (по терминологии авторов книги), сколько «дистанцированных» – номинальных и не практикующих – верующих.

Аналогичные процессы прослеживают на примере студенческой молодежи и российские социологи: так, Г. С. Широкалова, Н. В. Дулина и Е. И. Пронина, анализируя данные исследования Российского общества социологов 2022 г. «Культурное наследие и связь поколений» по Нижегородской области, отмечают, что, хотя «44% студентов идентифицировали себя как верующих, но четверти опрошенных (25,8%) не нужен посредник для обращения к Богу, а для 11,7% верующих в высшие силы не обязателен культ» (Широкалова, Дулина, Пронина, 2024: 52). В то же время сопоставимая доля респондентов считала себя либо агностиками (24,5%), либо неверующими и безразличными к религии (12,8%), либо «убежденными атеистами (7,8%)» (Широкалова, Дулина, Пронина, 2024: 51). При этом конфессиональная структура социальной категории верующих студентов была традиционной для Поволжья: 88,2% из них назвали себя

православными (Широкалова, Дулина, Пронина, 2024: 53).

Е. А. Кублицкая отмечает в XXI в. «тенденцию постепенного снижения уровня традиционной религиозности и «воцерковленности» молодого поколения столичного мегаполиса» (Кублицкая, 2022: 113), выражающуюся в снижении доли воцерковленных верующих до 6-7% московской молодежи наряду с увеличением доли нерелигиозных респондентов и «размытостью» религиозных представлений верующей молодежи. Опросы студенческой молодежи в 2022 г. показали, что за пределами столичного региона доля верующих среди нее существенно выше, чем в столице (27% респондентов в Москве, 48% – в Республике Тува и 41% в Белгородской области), а доля неверующих и атеистов – в несколько раз меньше (43% в Москве, 12% в Туве и 24% в Белгородской области) (Кублицкая, 2023: 28). Тем не менее наряду с количественными параметрами религиозности важное значение имеют ее качественные характеристики, заключающиеся, по мнению исследовательницы, в том, что «данная социальная группа не слишком четко представляет себе то, во что она верит и слабо соотносит как традиционные, так и нетрадиционные религиозные догматы со своими жизненными ценностями, целями и мировоззренческими позициями» (Кублицкая, 2022: 113). Эти данные можно проинтерпретировать, исходя из концепции поколенческого разрыва Д. Воаса (в данном случае по сравнению с религиозным возрождением 1980-х – 1990-х гг.).

Таким образом, основные проблемные (как в исследовательском, так и в практическом аспектах) характеристики религиозности студенческой молодежи, с точки зрения современных российских социологов, заключаются, с одной стороны, в ее неустойчивости, а в ряде регионов – в тенденции к снижению общего уровня, с

другой стороны – в мировоззренческой размытости убеждений и ценностей наряду со слабой организационной вовлеченностью. Эти особенности обуславливают релевантность использования в качестве методологических рамок ее исследования теорий секуляризации и религиозно-светской конкуренции.

Необходимо отметить, что секуляризация религиозности, с точки зрения ее теоретиков, не предполагает исчезновения или маргинализации религии. К сущностным секуляризации, наряду с приватизацией и частичной «демифологизацией» религии (Бергер, 2019: 166), относят мировоззренческую дифференциацию в форме как религиозного плюрализма, поддержанного светским государством (Бергер, 2019: 154), так и сосуществования религиозного и нерелигиозного мировоззрения, а в ряде случаев – их взаимопроникновения с тенденцией к формированию индивидуализированной и фрагментированной «номадической» религиозности со свободным доступом к альтернативным религиозным системам в обход «специальных кодов доступа» (Эрвье-Леже, 2015: 263). По мнению С. Брюса, мировоззренческий плюрализм является реакцией на структурную дифференциацию и возросшую социальную мобильность эпохи модерна, в то время как «самоочевидность» религиозного ценностного универсума в сознании широких масс, об утрате которой сожалеет П. Бергер, возможна только в обществе, где социальное положение индивида остается неизменным (Fenn, 2003: 251). Поэтому секуляризация сознания «снизу», как результат демократизации, с точки зрения С. Брюса и Д. Воаса, обратима с трудом, в отличие от навязывания светскости элитой (Bruce, Voas, 2023: 11).

Итоговую форму «секулярной» религиозности религиоведы описывают как «паломническую» (Д. Эрвье-Леже), размытую (Д. Воас) или «заместительную»

(игра слов Г. Дейви), имея в виду ее индивидуализированный, нестабильный и во многом номинальный характер. Мы считаем наиболее продуктивными для понимания особенностей религиозности в России западноевропейские теоретические аналоги по сравнению с американской «рыночной» моделью, основанной на индивидуальном выборе взрослых и описанной Р. Старком, которая, по замечанию С. Брюса и Д. Воаса, слабо распространена в Европе, где люди в основном приобретают религиозную принадлежность в детстве, наряду с этничностью и языком (Bruce, Voas, 2023: 3). С точки зрения Д. Воаса, «размытая» религиозность европейских христиан основывается на культурной самоидентификации и характеризуется «остаточной вовлеченностью», включая декларируемую поддержку христианских ценностей и традиционную религиозную самоидентификацию, наличие самых общих представлений о содержании верований и участие в религиозных практиках, ограничивающееся наиболее важными праздниками и обрядами жизненного цикла (Voas, 2009: 161). Д. Эрвьё-Леже также отмечает, что религиозность европейских верующих, как правило, основывается на традиции и культурной памяти (Hervieu-Leger, 2015).

Понятие «заместительной» (vicarious) религии, введенное Г. Дейви, отражает «представление о религии, практикуемой (performed) активным меньшинством, но от имени гораздо большего числа людей, которые (по крайней мере, неявно) не только понимают, но и совершенно определенно одобряют то, что делает меньшинство» и соответствует, с ее точки зрения, современному сдвигу практической религиозности от «обязанности» к «потреблению» (Davie, 2007: 22-23). Это определение по смыслу близко понятию «проправославного консенсуса», описанного в России в 1990-е гг. Д. Е. Фурманом и К. Каарияйненом и заключающегося во всеобщем признании

доминирующего положения православного христианства в российском религиозном поле и его идентификационной связки с доминирующей русской культурой (Лебедев, 2025: 15-16).

Основу социологического исследования религиозности в России в большинстве случаев составляет многомерный подход к измерению религиозности, разработанный Ч. Глоком и Р. Старком (Пруцкова, Маркин, 2017: 95) и в исходной форме включающий пять шкал с эффект-индикаторами: идеологическую (религиозную веру), интеллектуальную, ритуалистическую, опытную и результирующую, характеризующую влияние религиозности на социальное поведение индивида (Фолкнер, Де Йонг, 2011: 74-75), либо его модифицированные варианты, например, синтетическая шкала центральности религиозности Ш. Хубера (Пруцкова, Маркин, 2017: 96). Эти методики используются как для оценки общего уровня и степени религиозности, так и в целях типологизации отношения к религии. Так, Е. В. Пруцкова и К. В. Маркин на ее основе выделяют девять категорий православных верующих, ранжируя их по критерию вовлеченности от «сомневающих» до ядра общины (Пруцкова, Маркин, 2017: 101-102). В международных исследованиях на основе меньшего числа индикаторов различаются категории респондентов с высокой, средней и низкой степенью религиозности.

В ряде исследований используются и другие принципы классификации по принципу триангуляции методов с аналогичными результатами. Так, Й. Штольц и его соавторы, основываясь на данных количественных и качественных социологических исследований в Швейцарии, прослеживают формирование в результате конкуренции за влияние на религиозных и светских мировоззренческих акторов на индивидов четырех основных типов и девяти подтипов отношения к религии, которые они классифицируют по таким основным

измерениям, как «институциональная религиозность» и «альтернативная духовность», с одной стороны, и высокая или низкая степень приверженности убеждениям и практикам, связанным с верой в сверхъестественное.

Это «институциональный» тип религиозности (включая «традиционный» и «евангелический» подтипы), «альтернативный» тип нетрадиционной религиозности и квазирелигиозности, включающий «эзотерический» и «шейлаистский» подтипы (в отличие от эзотериков, «шейлаисты» являются «индивидуальными потребителями» кастомизированных по собственному вкусу духовных услуг и не образуют сообществ), «дистанцированный» мировоззренческий тип (в том числе «дистанцированно-институциональный», «дистанцированно-секулярный» и «дистанцированно-альтернативный» подтипы (Stolz, Künemann, Purdie, Englberger, Krüggeler, 2016: 53), а также «секуляристов» (в данном случае имеются в виду неверующие как «люди без каких-либо религиозных обрядов и убеждений» (Stolz, Künemann, Purdie, Englberger, Krüggeler, 2016: 62)), включающий противников религии и равнодушных к ней.

С точки зрения Штольца, большинство швейцарцев (около 60%) относятся к дистанцированному типу, т.е. в той или иной степени придерживаются определенных религиозных или альтернативных духовных убеждений и практик и, как правило, называют себя членами одной из основных конфессий, с которыми очень слабо связаны организационно, но религиозная принадлежность не имеет большого значения в их повседневной жизни (Stolz, Künemann, Purdie, Englberger, Krüggeler, 2016: 60). Этот тип соответствует выделенному белорусским социологом Д. К. Безнюком социотипу «секулярного верующего», слабо связанного с институциональной структурой своей конфессии (Безнюк, 2020: 128).

Таким образом, несмотря на различия в исторических траекториях изменения религиозной ситуации, можно сделать вывод о существенном сходстве релевантных моделей интерпретации результатов социологических исследований в странах Западной Европы, с одной стороны, и по крайней мере в России и Белоруссии как постсоветских странах с преимущественно православным населением, - с другой, указывающем на сходство тенденций эволюции религиозной жизни наряду с общими христианскими истоками.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Авторы данной статьи ставят целью выявление основных тенденций динамики религиозности провинциального студенчества на примере Национального исследовательского Мордовского государственного университета на основе сравнения данных исследования, проведенного в январе-мае 2025 г. с использованием смешанных методов, с результатами предыдущего личного анкетного опроса студентов по квотной выборке (n=400) в марте-апреле 2017 г. граждан России – на 1-5 курсах бакалавриата и специалитета и 1-2 курсах магистратуры по квотной выборке с такими контролируемыми параметрами, как распределение по курсам и профилям обучения. Опрос 2017 г. позволил нам охарактеризовать в целом степень религиозности респондентов как среднюю, исходя из относительно высоких показателей религиозной веры и религиозного опыта, с одной стороны, и низких – по интеллектуальному, ритуалистическому и результирующему измерениям (Богатова, 2017: 199).

Повторный опрос проводился в формате онлайн в январе-марте 2025 г. с размещением анкет в Yandex-формах, что способствовало некоторому смещению выборки в сторону первокурсников. Всего было опрошено 338 студентов МГУ Н. П. Огарёва (бакалавриат и

магистратура) 16 факультетов, сгруппированных в целях формирования выборки по трем укрупненным группам направлений подготовки: а) социально-гуманитарное направление, куда входят общественные и гуманитарные науки, а также искусство и культура (59,8%); б) естественнонаучное направление, включающее в себя математические и естественные науки, здравоохранение и медицинские науки (16,3%); в) техническое направление, состоящее из инженерного дела, технологии и технических наук, а также сельскохозяйственных наук (23,9%).

Из числа опрошенных студентов-бакалавров 34,2% обучаются на первом курсе, 18,6% – на втором курсе, 26,1% – на третьем, 13,7% – на четвертом, 1% – на пятом, 1% – на шестом, 2,6% – на первом курсе магистратуры и 2,9% – на втором курсе магистратуры. Для получения дополнительных социологических данных в мае 2025 г. было проведено качественное социологическое исследование методом фокус-группы, в котором приняли участие студенты бакалавриата (3 чел.), специалитета (2 чел.) и магистратуры (1 чел.) МГУ им. Н. П. Огарёва различных курсов и направлений подготовки, включая юридический институт, институт электроники и светотехники, филологический факультет, институт национальной культуры, институт наукоемких технологий и новых материалов, факультет биотехнологии и биологии. Результаты опроса обрабатывались с помощью приложения Microsoft Office Excel.

В данном исследовании авторы статьи ставили такие задачи, как: 1) оценка динамика уровня религиозности студентов; 2) оценка динамики степени религиозности на основе многомерного подхода Ч. Глока и Р. Старка (Glock, Stark, 1974); 3) оценка респондентами субъективной значимости религиозных норм поведения; 4) выявление основных тенденций в оценке роли и функций

религии в современном российском обществе. При этом «интеллектуальное» измерение религиозности в виде отдельной шкалы не выделялось, так как, по мнению авторов, о состоянии религиозных знаний позволяют судить ответы на вопросы о согласии с теми или иными религиозными или «альтернативными» идеями.

Для оценки уровня религиозности студентов целесообразно сравнить его с общим уровнем населения Мордовии, который, по данным массового опроса Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (n = 700 чел.), в мае-июне 2022 г. составлял 78,9%. При этом в опросе НЦСЭМ 89,6% верующих отнесли себя к православным, 5,3% – к мусульманам, 2,3% – к верующим «в высшие силы» (Мотькин, 2024: 632), что в общих чертах соответствовало официальным данным о зарегистрированных в республике 493 религиозных организациях, из которых 423 (85,3%) относились к Мордовской митрополии Русской православной церкви, 62 (12,6%) – к исламу, 12 (2,4%) – к восьми другим централизованным религиозным организациям, в основном христианских конфессий (Мотькин, 2024: 631). Сравнение с данными мониторингового массового опроса, проведенного в 2015 г. филиалом ВЦИОМ по ПФО, показывает, что религиозный ландшафт в регионе с тех пор практически не изменился (Богатова, 2017: 190).

При этом ритуальное измерение показало довольно низкую степень религиозной вовлеченности населения республики: не реже одного раза в месяц посещали богослужения всего 9,8% опрошенных, не реже одного раза в неделю – 4,2%. В целом опрос показал, что культовое поведение большинства верующих в Мордовии основано на культурной самоидентификации и традициях: на вопрос, почему они участвуют в религиозных обрядах, 34,1% респондентов ответили «совершая обряды по традиции, потому что у нас так принято

(в семье, у родственников), а 33,0% – «эти обряды являются национальными традициями».

Данные нашего опроса студентов Мордовского государственного университета 2025 г. демонстрируют более низкий (на 20 процентных пунктов) уровень религиозности по сравнению с населением региона в целом, а также по сравнению с предыдущим исследованием, что соответствует общей тенденции к

снижению религиозности молодежи, отмеченной в более крупных городах Е. А. Кублицкой. Несмотря на то, что большинство опрошенных (57,8%) утверждают, что они верят в Бога, по сравнению с 2017 г. очевидно снижение доли этой категории с 66,6%, т.е. почти на 9 процентных пунктов, хотя доля конфессиональных верующих («согласно исповедуемой мною религии»), среди студентов, наоборот, увеличилась:

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Верите ли Вы в Бога?», в % от числа опрошенных

Table 1

Distribution of answers to the question "Do you believe in God?", % of the number of respondents

Варианты ответов / Answer options	2017 (n=400)	2025 (n=338)
Да, верю в Бога согласно исповедуемой мною религии / Yes, I believe in God according to my religion	37,8	42,2
Да, верю в единого для всех Бога, независимо от исповедуемой мною религии / Yes, I believe in one God for all, regardless of my religion	28,8	15,6
Я не знаю, существует ли Бог, и сомневаюсь, что можно убедиться в его существовании / I do not know if God exists, and I doubt that it is possible to verify his existence	10,8	9,7
Я не верю в Бога, но я верю в некую высшую силу / I don't believe in God, but I do believe in a higher power	8,3	8,8
Иногда я верю в существование Бога, а иногда не верю / Sometimes I believe in the existence of God, and sometimes I don't	5,5	9,1
Нет, не верю / No, I don't believe	5,8	9,1
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	3,3	5,5

При этом произошло некоторое увеличение доли колеблющихся между верой и неверием в Бога (с 5,5% до 9,1%) и неверующих (с 5,8% до 9,1%) среди студентов. Некоторые из неверующих респондентов пояснили свою позицию в ответах на полуоткрытые вопросы, отмечая, что считают религию несовместимой с научным мышлением: «Существование и образование человеческой жизни не требует наличия бога. Научные теории рассматриваются учёными как объясняющие мир лучше, чем гипотеза всемогущего существа». Можно заключить, что в данном случае

проявляется поколенческая тенденция к снижению уровня религиозности, отмеченная в странах Западной Европы Д. Воасом и другими исследователями, причем за счет православного большинства. Как и в предыдущем опросе, большинство студентов отнесли себя к двум традиционным для региона конфессиям – православному христианству и исламу, в том числе к православным 64% (в 2017 г. – 72,8%), мусульманам – 5,8% (в 2017 г. – 5,5%), что примерно соответствует доле татар в составе населения.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Относите ли Вы себя к представителям какой-либо религии (вероисповедания), и если да, то к какой?», в % от числа опрошенных

Table 2

Distribution of answers to the question “Do you consider yourself to be a representative of any religion (denomination), and if so, which one?”, % of the number of respondents

Варианты ответов / Answer options	2017 (n=400)	2025 (n=338)
Православие / Orthodox Christianity	72,8	64
Другая христианская церковь / Another Christian Church	0,8	1,3
Ислам / Islam	5,5	5,8
Другая религия / Another religion	1,1	0,3
Считаю себя верующим(ей), но ни к какой конкретной религии себя не отношу / I consider myself a believer, but I don't consider myself a member of any particular religion	5,0	3,6
Я еще не сделал (а) выбор между верой и неверием / I have not yet made a choice between faith and disbelief	5,5	7,5
Нет, я неверующий / No, I am an unbeliever	9,8	17,5

Студенты, отнесшие себя к представителям «другой религии», охарактеризовали ее в качестве «альтернативной духовности» по принципу «шейлаизма»: «Сборная солянка богов. Будда, Шива, Аид, Вельзевул (по приколу молюсь им иногда)»; «Что-то ближе к язычеству. (Не в стереотипном виде, с идолопоклонничеством и жертвоприношениями). Единый бог-создатель и живой одушевлённый окружающий нас мир».

Степень религиозности по «идеологическому» измерению позволяют измерить показатели веры в конкретные религиозные и нерелигиозные идеи,

вопрос о которой сопровождался фильтром для представителей различных вероисповеданий. В опросе 2025 г. проявилась тенденция респондентов выбирать определенные варианты ответа, возможно, связанная с форматом анкетирования онлайн. В целом его результаты демонстрируют рост приверженности номинально православной молодежи как ортодоксальным (так, доля верующих в воскресение мертвых после конца света увеличилась с 8,1% до 35,2%), так и в «альтернативным» верованиям (например, в гороскопы и приметы):

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Верите ли Вы в следующие утверждения?
(для христиан)», в % от числа опрошенных

Table 3

Distribution of answers to the question “Do you believe in the following statements?
(for Christians)”, % of the number of respondents

Варианты ответов / Answer options	Верю / I believe		Скорее верю, чем не верю / Rather I believe than I don't believe	Скорее не верю, чем верю / Rather I don't believe than I don't believe		Не верю / I don't believe		Затрудняю сь ответить / I find it difficult to answer
	2017	2025	2017	2017	2025	2017	2025	
В то, что Иисус Христос воскрес из мертвых / That Jesus Christ has risen from the dead	34,8	70,8	34,8	8,0	6,8	6,4	22,4	16,1
В то, что Иисус существовал в действительности / That Jesus really existed	65,6	86,4	23,4	5,7	2,1	0,3	11,5	5,0
В то, что Бог сотворил мир / That God created the world	40,1	64,4	20,4	10,7	11,5	14,7	24,1	14,0
В то, что Бог отвечает на молитвы верующих / That God answers the prayers of believers	49,8	78,9	26,3	7,2	7,2	6,5	13,9	10,2
В то, что Иисус Христос – сын Божий / That Jesus Christ is the son of God	57,0	80,4	21,8	5,4	3,6	2,7	16	13,1
В жизнь после смерти, бессмертие души / Into the afterlife, the immortality of the soul	36,5	66,7	30,4	13,4	6,3	6,0	27,1	13,7
В существование рая и ада / The existence of heaven and hell	31,2	69,6	28,5	12,4	6,2	9,1	24,2	18,8
В воскресение мертвых после конца света / The resurrection of the dead after the end of the world	8,1	35,2	11,4	18,9	13,5	39,1	51,3	22,6
В связь судьбы человека со звездами, под которыми он рожден, гороскопы / The connection of a person's fate with the stars under which he was born, horoscopes	18,1	51,5	22,8	20,7	12,9	21,4	35,6	11,0
В колдовство (магию) / Into witchcraft (magic)	19,1	36,3	29,8	19,1	15,8	23,7	47,9	8,4
В то, что приметы позволяют предсказывать будущее / The fact that omens allow you to predict the future	7,4	35,1	16,4	23,8	23,2	41,3	41,8	11,1

Таким образом, большинство показателей говорят об уровне идеологического измерения религиозности православных выше среднего и о тенденции к росту ее степени по всем показателям религиозной веры. Исключением является переменная веры в «воскресение мертвых после конца света», которую разделяют всего 35,2% респондентов, относящих себя к христианам, 27,8% – к мусульманам и 38,2% респондентов из числа тех, кто верит в Бога согласно исповедуемой религии. Возможной причиной появления такого отклонения может быть влияние масс медиа: современные фильмы и сериалы показывают воскресение мертвых как зомби-апокалипсис, который не имеет ничего общего с эсхатологией авраамических религий. Аналогичные тенденции к росту показателей религиозной веры в сравнении с предыдущим опросом отмечаются и среди студентов, относящих себя к мусульманам, хотя из-за небольшого абсолютного размера этой подгруппы (20 чел.) приводить конкретные цифры смысла не имеет.

Так как степень религиозности у верующих студентов по «идеологическим» показателям в целом выше средней, то отклонение по одной их переменных в сочетании с верой большинства респондентов, которые верят в Бога согласно исповедуемой религии (53,2%), в гороскопы, и трети – в приметы (36%) и недооценкой значения причащения в храме для православных позволяет сделать вывод о недостаточной осведомлённости респондентов о догматах религии и, следовательно, фрагментарности религиозных знаний.

Степень религиозности студентов по «опытной» шкале, представленной показателями религиозного опыта помощи и наказания, остается выше средней, хотя и несколько снизилась по критерию «помогающего» опыта. Так, если в 2017 г. 40,3% респондентов на вопрос: «Было ли

у Вас ощущение, что Бог помог Вам в чем-либо?» ответили «да, я уверен (а) в этом», а 36,9% – «думаю, что да», то в 2025 г., соответственно – 38,3% и 30,7%. Доля студентов, ощутивших «наказующий» опыт, была несколько ниже и оставалась стабильной по сравнению с предыдущим опросом 2017 г., когда на вопрос: «Было ли у Вас ощущение, что Бог наказал Вас за что-либо?» вариант ответа «да, я уверен (а) в этом» выбрали 17,2%, а «думаю, что да» – 38,7% (в 2025 г. соответственно 18,6 и 34,6%.

Степень религиозности по «ритуалистическому» измерению остается стабильно низкой, что характерно и для населения региона в целом. У студентов, относящих себя к христианам, показатели обрядового религиозного поведения практически не отличаются от средних по Мордовии: так, 1% опрошенных христиан утверждали, посещают богослужение в церкви ежедневно, 2,1% – не реже раза в неделю, 8,3% – не реже, чем раз в месяц; при этом наибольшая доля респондентов (42,5%) относилась к числу «Chreasters», посещающих церковь «не реже одного раза в год, по большим праздникам», а около половины – либо «реже, чем раз в год» (34,2%), либо «никогда». По сравнению с предыдущим опросом эти показатели изменились минимум на доли процента, максимум – в пределах 3 процентных пунктов. Практически неизменным осталось поведение студентов в отношении таинства исповеди и причащения: не реже раза в месяц исповедовались и причащались в общей сложности 6,7% респондентов (в 2017 г. – 5,7%), не реже, чем раз в год – 28,8% (30,8%), реже раза в год – 30,9% (30,5%), никогда не исповедовались и не причащались треть студентов, как и в предыдущем опросе. Молились ежедневно 11,6% опрошенных христиан (в 2017 г. – 11,5%), раз в неделю и чаще – не более 8,9% (12,9% в 2017 г.), раз в месяц и чаще – 18,4% (17,6%), при этом никогда не молились 20% (24,1% – в 2017 г.). 70,7% студентов (в 2017 г. – 61,2%) никогда не соблюдали постов:

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы участвуете в следующих религиозных действиях? (для христиан)», в % от числа опрошенных

Table 4

Distribution of answers to the question “How often do you participate in the following religious activities? (for Christians)”, % of the number of respondents

Религиозное действие / Religious activity	Ежедневно / Every day		Раз в неделю и чаще / Once a week and more often		Раз в месяц и чаще / Once a month and more often		Не реже 1 раза в год, по большим праздникам / At least once a year, on major holidays		Реже, чем раз в год / Less than once a year		Никогда / Never	
	2017	2025	2017	2025	2017	2025	2017	2025	2017	2025	2017	2025
Посещаете богослужение в церкви / Attend church services	0,3	1,0	1,3	2,1	13,1	8,3	45,5	42,5	29,0	34,2	10,8	11,9
Читаете молитвы / Reading prayers	11,5	11,6	12,9	8,9	17,6	18,4	19,7	22,6	14,2	18,4	24,1	20
Читаете Библию / Reading the Bible	0,7	1,0	0,3	2,1	2,0	4,7	4,1	5,7	33,8	26,6	59,0	59,9
Смотрите религиозные передачи / Watch religious broadcasts	0,0	1,6	0,7	0,5	4,0	4,2	11,1	9,9	21,2	15,7	63,0	68,1
Поститесь / Fast	0,3	0,5	0,3	1,0	3,8	1,0	17,5	15,2	16,8	11,5	61,2	70,7
Принимаете причастие, исповедуетесь / Take communion, confess	0,0	1,0	1,4	1,0	4,1	4,7	30,8	28,8	30,5	30,9	33,2	33,5
Обращаетесь за советом к священнику, как лучше поступить / Seeking advice from a priest on the best course of action	0,7	0,5	0,3	0,5	3,0	4,2	7,7	10,5	19,5	19,5	68,7	64,7
Говорите о религии с верующими, которые ходят в один храм с Вами / Talk about religion with the believers who go to the same church with you	2,4	1,0	1,7	1	6,4	7,3	7,4	11,5	13,5	14,1	68,7	65,1

Опрошенные мусульмане из числа студентов также не отличаются высокой религиозной активностью: так, только 5,6% респондентов-мусульман посещали богослужение в мечети не реже раза в

неделю, при этом 38,9% из них бывали там не реже одного раза в год, а 22,2% не бывали никогда, совершали ежедневный намаз 11,1%, а не совершали его никогда 33,3%.

На фокус-группе студенты предлагали объяснение и обоснование такому поведению, сводя религиозность к вере в Бога и признанию ее высшей ценностью:

– Я думаю, что религиозность... Моё мнение, что это не поход в храм, не обязательное соблюдение всем молитв. Мне кажется, это сама вера. Если ты веришь всем сердцем, тебе не обязательно ходить в храм, носить крест или, например, икону или молиться на икону (Даша, 19 лет, институт электроники и светотехники, бакалавриат, православная).

– Религиозность в моём понимании – это полная вера, то есть человек может не соблюдать досконально все посты, не знать до конца там, не знаю, всех святых, все какие-то тонкости, но если он действительно верит, если для него это ценное, он ставит для себя это на первое место в списке своих ценностей, то я думаю, что вот это полное проявление [веры] (Ксюша, 19 лет, филологический факультет, бакалавриат, православная).

При этом некоторые из участников фокус-группы утверждали, что степень религиозности зависит от соблюдения ритуальных требований, но сами лично они такую цель перед собой не ставят, ограничиваясь минимальными требованиями:

– Я считаю, что главное – это вера. Если человек верит в Бога, то он уже религиозен. Но также есть какая-то степень, ну, градация, то есть можно быть мало религиозным, можно быть сильно религиозным, то есть соблюдать все заповеди, ходить в храм каждое воскресенье. Можно вообще никогда не ходить в храм, но при этом быть крещённым и просто верить в Бога, в то, что он существует. Некоторые люди ходят только по праздникам, там, несколько раз в год в храм, или молятся там только в некоторых моментах (Таня, 20 лет, институт национальной культуры, бакалавриат, православная).

Такое отношение к культовым религиозным предписаниям дает основание

охарактеризовать преобладающий у студентов тип религиозности как «дистанцированный» (по типологии Й. Штольца), или приватизированный, т.е. типичный для атомизированного современного общества, где конфессия воспринимается не как реальная община верующих, объединённых верой на нескольких уровнях, включая локальный, а скорее как аналог «воображаемых сообществ», основанных на культурной самоидентификации, вроде этноса или национального государства.

Особую категорию ритуальных действий студентов оставляют обряды, исполняемые с целью успешной сдачи сессии. Опрос выявил некоторое снижение религиозной активности студентов и по этому поводу, хотя по-прежнему такие обряды совершает около половины респондентов. Так, 16,2% из них, отвечая на вопрос: «Совершаете ли Вы какие-либо обряды для успешной сдачи экзаменов?», выбрали вариант «всегда» (15% в 2017 г.), 28,7% – «иногда» (42% в 2017 г.), 43,6% – «никогда» (36,5%), 11,6% затруднились ответить (6,5% в 2017 г.). Студенческая обрядность, связанная с сессией, как правило, включает молитвы вне храма с просьбой об успешной сдаче экзаменов (52,8% в сравнении с 50,4% в 2017 г.), молитвы и возжигание свечей в храме (20,8% в сравнении с 29,1%), традиционные студенческие обряды (20,1% в сравнении с 15,1%), а также обряды собственного изобретения, используемые только в личных целях (22,2% в сравнении с 25% в 2017 г.).

Среди индивидуальных и традиционных студенческих, как правило, указывались следующие обряды магического характера: «Ловлю «халяву» зачёткой в окне, посыпаю зачетку солью», «Кладу пятак под пятку, посыпаю солью зачётку», «Кладу тетрадь под подушку, не мою голову перед экзаменом», «Не смотрю в зачётку», «Спать на ответах к билетам», «Монетка под пятку, зайти в кабинет с правой ноги», «Учебник под подушкой» и т.п. Подобные обряды студенты описывали на фокус-группе в

качестве сложившегося религиозно-магического комплекса, отмечая появление в результате цифровизации религии нового ритуала «поставить свечку онлайн»:

– Я думаю, что у большинства есть какие-то свои магические обряды, есть даже приметы, там, положить под пятку какую-то монету, покричать... монету, покричать в окно и всё такое. У меня одноклассники ставят свечку онлайн. Есть специальный сайт, на котором ты ставишь свечку. Она, по-моему, бесплатная даже. То есть можно поставить свечку онлайн. Я сама молиться могу или в храм сходить перед сессией, перед ответом, экзаменом помолиться. Я считаю, что мне это помогает. В эти все приметы я не верю, но я думаю, что большинство так делает. У всех есть какая-то своя примета. Даже во многих вузах есть свои собственные приметы. То есть там какой-то портрет, я знаю, что в каком-то вузе висит, они

что-то там с портретом делают. Огромный портрет (Таня).

«Результирующее» измерение религиозности студентов можно охарактеризовать по показателям степени их согласия с традиционными религиозно-этическими нормами, а также оценки индивидуальной и социальной значимости религии. Как показал опрос, студенты продолжают рассматривать религию как важный социальный институт, выполняющий ряд общественно значимых функций, из которых они выделяют в первую очередь поддержку общественной морали (43,5% в сравнении с 54,4% в 2017 г.) и удовлетворение индивидуальных духовных потребностей верующих (46,6% в сравнении с 44,8% в 2017 г.). Реже упоминаются сохранение культурных традиций (38,6% в сравнении с 32,8%), поддержка благотворительности и идей милосердия (30,8% в сравнении с 27,8%) и помощь нуждающимся (30,5% и 36,1%):

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какую роль, по Вашему мнению, должны играть в общественной жизни России религиозные организации? (не более трех ответов)», в % от числа опрошенных

Table 5

Distribution of answers to the question: “What role, in your opinion, should religious organizations play in the public life of Russia? (no more than three responses)”, % of the number of respondents

Варианты ответов / Answer options	2017 (n=400)	2025 (n=338)
Вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь / They should not interfere in public life at all	13,8	14,9
Поддерживать общественную мораль, нравственность / To maintain public morals and morality	54,4	43,5
Способствовать общественному, национальному, политическому согласию / Promote social, national, and political harmony	18,5	18,8
Удовлетворять духовные потребности верующих / To satisfy the spiritual needs of believers	46,6	44,8
Помогать сохранению культурных традиций / To help preserve cultural traditions	32,8	38,6
Поддерживать благотворительность и идеи милосердия / Support charity and charity ideas	27,8	30,8
Помогать бедным и малообеспеченным слоям населения / To help the poor and low-income segments of the population	36,1	30,5
Помогать развитию духовной литературы и искусства / To help develop spiritual literature and art	8,5	13,3
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	7,5	19,8

Можно заключить, что наиболее важными студенты считают духовно-нравственные функции религии, связанные с воспроизводством моральных и культурных ценностей; реже упоминаются функции религии как аналога социального государства, а о том, что она должна способствовать достижению общественного согласия, в обоих опросах заявляют менее 20% респондентов. В данном случае, очевидно, проявляется отмеченный П. Бергером парадокс секулярной религиозной ситуации, когда ни одна религиозная традиция уже не справляется с задачей конструирования «общего мира», даже если важность такой задачи и признается: «Пока религия остается общей, в ней нет «реальности», а если она «реальна», то ей недостает общности» (Бергер, 2019: 153).

В то же время, признавая значение религии в качестве социального регулятора, студенты далеко не всегда считают нужным следовать религиозным моральным нормам. Мнение о том, что «современный человек не может и не должен жить в соответствии с устаревшими нравственными нормами», разделяли всего 18,5% опрошенных (в том числе 22,3% респондентов, верующих в Бога в соответствии с исповедуемой религией), однако точку зрения о том, что «людям следует придерживаться традиционных нравственных норм» разделяли всего 14,9% опрошенных, в том числе 21,5% верующих в Бога в соответствии с исповедуемой религией. Преобладало мнение, что «некоторые из нравственных норм подходят современному человеку, а некоторые нет» (41,6%, в том числе 35,4% верующих в Бога в соответствии с исповедуемой религией). В 2017 г. соотношение этих категорий респондентов составляло соответственно 5,8%, 23% и 57,8%: таким образом, можно говорить о некоторой тенденции к либерализации представлений о применимости традиционных нравственных норм в современном

обществе в сознании студентов, независимо от вероисповедания.

Реальное значение оценки применимости традиционных религиозных норм видно из ответов респондентов на вопросы об отношении к распространенным формам поведения в личной жизни, осуждаемым с точки зрения традиционной религиозной морали, в том числе сексуальным отношениям вне брака, однополым отношениям, суррогатному материнству, контрацепции и абортam. Опрос показал, что примерно половина опрошенных считает «всегда предосудительными» супружеские измены (49,7% в 2025 г. в сравнении с 57,6% в 2017 г.) и однополые сексуальные отношения (45,5% в 2025 г. в сравнении с 60,2% в 2017 г.); по поводу других форм поведения преобладающее мнение либо не сформировалось (абортy), либо заключалось в том, что в них «нет ничего предосудительного» (так оценивали, например, контрацепцию 65,9% опрошенных, добрые сексуальные отношения мужчин и женщин – 61,4%, суррогатное материнство – 54,9%).

Такая либерализация не означает «падения нравов» в целом, как сравнение данных опросов 2017 и 2025 г. показывает, что отношение студентов опасным для окружающих девиациям вроде коррупции и мошенничества становятся, напротив, менее терпимым. Например, фальсификацию персональных данных с целью получить какую-либо льготу, субсидию от государства оценили, как «всегда предосудительный» поступок 34,5% респондентов в 2017 г. и 41,6% в 2025 г., а считали, что в ней нет ничего предосудительного, соответственно 12,1% и 4,5%; уклонение от уплаты налогов считали всегда предосудительным 34,8% респондентов в 2017 г. и 51,6% в 2025 г., дачу взятки должностному лицу – соответственно 34% и 45,8%.

Можно отметить определенную корреляцию тенденции к приватизации религии и к индивидуализации морали:

большинство опрошенных не склонно осуждать те поступки, которые явно не ущемляют права других людей, даже если они противоречат традиционным религиозным нормам и ценностям. Судя по данным фокус-группы, попытки напрямую воздействовать на их сознание в детстве посредством пропаганды традиционных ценностей через модульный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики», как правило, не достигают поставленных целей. Вследствие его светского и религиозоведческого характера обучение по различным модулям либо сводится к религиозоведческому просвещению, либо к субъективной и нередко авторитарной интерпретации религиозных ценностей отдельными педагогами, вызывающей отторжение учеников:

– У нас вроде в четвёртом классе, что ли, один семестр был вот этот предмет. Но, Господи, он меня настолько бесил, потому что это в первую очередь зависело от преподавателя. Она у нас была немного поехавшая на этой теме, и там буквально были у неё какие-то домостроевские порядки, то есть она проповедовала. То есть идите разбивайте лбы, когда кланяетесь, хотя зачем это делать? Если тебя бьёт муж, просто терпи, об этом никому не говори. И как бы, когда мы задавали... Ещё в четвёртом классе, когда мы задавались тем вопросом, зачем это терпеть или зачем нам вот это делать, она нам не говорила

ничего, она такая, так написано в Библии. Хотя Библию мы не читали на этом курсе (Ксюша).

Субъективная оценка значимости религии для самих опрошенных несколько снизилась по сравнению с предыдущим опросом, в котором большинство считало ее «довольно важной» (44,4%) либо «очень важной» (10,9%); менее трети опрошенных считали религию «не очень важной» (18,4%), либо «совсем не важной» (11,6%) для себя, затруднились ответить 14,6%. Тем не менее в 2025 г. около половины опрошенных также охарактеризовали значение религии как «очень важное» (13,2%) либо довольно важное – 35%, не очень важное – 21,5%, совсем не важное – 15,2%, затруднились с ответом 15,2%.

Субъективная значимость религии для самих респондентов обусловлена потребностями, связанными с решением актуальных личных проблем и активным или пассивным преодолением жизненных трудностей. Опросы показывают устойчивые мнения студентов относительно того, что религия дает лично им: «возможность переносить трудности, надежду на лучшее будущее» (40,3% в 2025 г. и 44,9% в 2017 г.); «силу, уверенность в том, что с Божьей помощью я могу решить любую проблему» (39% в 2025 г. и 44,4% в 2017 г.); возможность «делать правильный выбор, исправлять недостатки моего характера» (28,6% и 29,6%).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Что означает религия лично для Вас?»
(выберите не более 3 ответов), в % от числа опрошенных

Table 6

Distribution of answers to the question: “What does religion mean to you personally?”
(choose no more than 3 answers), % of the number of respondents

Варианты ответов/ Answer options	2017 (n=400)	2025 (n=338)
Придает смысл моей жизни и окружающему миру / Gives meaning to my life and the world around me	19,8	13,3
Даёт мне силу, уверенность в том, что с Божьей помощью я могу решить любую проблему / It gives me strength and confidence that with God's help I can solve any problem	39,0	44,4

Объединяет меня с единоверцами во всем мире / Unites me with my co-religionists all over the world	6,8	4
Объединяет меня с моими соотечественниками / Unites me with my compatriots	9,7	5,8
Объединяет меня с представителями моей национальности / Unites me with representatives of my nationality	10,4	8,8
Возможность переносить трудности, надежду на лучшее будущее / The ability to endure difficulties, hope for a better future	40,3	44,9
Помогает делать правильный выбор, исправлять недостатки моего характера / It helps me make the right choice and correct the flaws in my character	28,6	29,6
Благодать, возможность почувствовать присутствие Бога / Grace, the opportunity to feel the presence of God	15,9	13,5
Другое / Other	2,6	2,8
Религия не играет в моей жизни никакой роли / Religion doesn't play any role in my life. I find it difficult to answer	17,2	14,8
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	14,6	10

Аналогичные мнения высказывали и участники фокус-группы, утверждавшие, что религия играет «огромную роль в жизни студента. Потому что иногда бывает так, что у тебя уже и сил нет, и ничего не хочется, там, не знаю, некому пойти, а к Богу обратишься, он всегда и выслушает, и ничего тебе в ответ [плохого] не скажет» (Таня); «я думаю, что играет важную роль, потому что религия – это какой-то нравственный ориентир, как правильно поступать, мотивация» (Даша).

Субъективная самооценка религиозности студентов проводилась по 10-балльной шкале с помощью вопроса: «Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, оцените, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?» Отвечая на этот вопрос, 10,1% респондентов оценили собственную религиозность на 0 баллов, 3,6% – на 1 балл, 6,2% – 2 балла, 9,4% – 3 балла, 7,8% – 4 балла, 18,6% – 5 баллов, 10,4% – 6 баллов, 15% – 7 баллов, 9,4% – 8 баллов, 5,2% – 9 баллов, 4,2% – 10 баллов. Обозначив показатель степени самооценки общей религиозности как «г», мы задали шкалу для интерпретации полученного

результата:

1. $0 \leq r < 2$ – низкий уровень самооценки степени религиозности;
2. $2 \leq r < 4$ – уровень самооценки степени религиозности ниже среднего;
3. $4 \leq r < 6$ – средний уровень самооценки степени религиозности;
4. $6 \leq r < 8$ – уровень самооценки степени религиозности выше среднего;
5. $8 \leq r \leq 10$ – высокий уровень самооценки степени религиозности.

При расчете среднего арифметического получен r , равный 5, то есть респонденты оценивают уровень собственной религиозности как средний, как и в опросе 2017 г., когда был получен средний балл 4,73, что примерно соответствует усредненным объективным показателям религиозности студентов.

Заключение (Conclusion). Таким образом, на примере конкретного исследования студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета можно охарактеризовать религиозность современной российской студенческой молодежи преимущественно как секулярную, т.е. «размытую», приватизированную и дистанцированную по отношению к институциональным

формам религии, с которыми индивиды идентифицируют себя на основе культурной традиции. Насколько можно судить по результатам опросов в Мордовии, альтернативная духовность эзотерического характера, «шейлаизм» и религиозный рынок не получили развития в среде провинциального студенчества, так как «альтернативные» верования и студенческие обряды распространены и среди конфессиональных студентов. Скорее можно говорить о наметившейся поляризации между увеличившимся неверующим меньшинством и большинством из числа последователей традиционных конфессий, степень приверженности которых религиозным верованиям растёт.

Социологические опросы с промежутком в восемь лет дают основания говорить о стабильности выявленного комплекса характеристики религиозности среди студентов. Несмотря на некоторое снижения ее уровня, отмеченное исследователями и в других регионах, степень религиозности верующих студентов в целом не снижается, оставаясь выше средней по основным измерениям веры и опыта, с одной стороны, и относительно низкой (но не ниже, чем по региону в целом) по ритуалистическому, интеллектуальному и поведенческому измерениям. В частности, стабильно декларируемое студентами признание общественной роли религии как социального регулятора и средства трансляции культурных ценностей не дают оснований для вывода о возможности изменения их поведения в повседневной жизни через авторитет традиционных религий и отношения на микроуровне с их носителями. На примере данной социальной категории хорошо видно, как современные верующие рассматривают религию не в качестве набора готовых предписаний, а как ориентира для индивидуального нравственного выбора и средства решения экзистенциальных проблем индивида.

Список литературы

Безнюк Д. К. Кризис веры или вера кризиса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 2. С. 124-128. DOI: [10.33581/2521-6821-2020-2-124-128](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-124-128). EDN: DHCYVC.

Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.

Богатова О. А. Религиозность студенческой молодежи: социологическое исследование в регионе (Республика Мордовия) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 186-201. EDN: ZOWLBL.

Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: ЕУСПб., 2022. 238 с.

Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 103-115. DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8). EDN: ETHFSU.

Кублицкая Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 21-42. DOI: [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3). EDN: PBFDES.

Лебедев С. Д. Проправославный консенсус в России начала XXI века как феномен религиозной ситуации // Научный результат. Социология и управление. 2015. Т. 1, № 1. С. 14-21. EDN: TWDDIT.

Мотькин В. Н. Региональные межконфессиональные отношения в социологическом измерении // Актуальные аспекты научных исследований: сборник статей II Международной научно-практической конференции, 19 марта 2024 г. Саратов: Издательство Кубик, 2024. С. 630-637. EDN: HMGHNC.

Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 95-105. DOI: [10.7868/S0132162517080116](https://doi.org/10.7868/S0132162517080116). EDN: ZGOXSX.

Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9, Вып. 2. С. 62-73. EDN: KLSRJT.

Смирнов М. Ю. Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134-152.

DOI: [10.35231/18186653_2023_3_134](https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_134).

EDN: URLONB.

Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 967 с.

Ушкин С. Г. Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлениях населения // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 2. С. 162-176. DOI: [10.46539/gmd.v6i2.460](https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.460).

EDN: YUXQRL.

Фолкнер Д., Де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 69-76. EDN: ONGKFL.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 144 с. ISBN: 5-7777-0171-X. EDN: SGUYVP.

Широкалова Г. С., Дулина Н. В., Пронина Е. И. Особенности религиозного сознания нижегородского студенчества // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 46-60. DOI: [10.19181/vis.2024.15.2.4](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.2.4). EDN: ZDBXUY.

Эрвьё-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 254-268. EDN: UIXFLH.

Berger P. L. The Many Altars of Modernity. Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. Boston, Berlin: Walter de Gruyter, 2014. 147 p.

Bruce S., Voas D. Secularization Vindicated // *Religions*. 2023. № 14 (3), 301. Pp. 1-13.

Davie G., Leustean L. N. (eds.) The Oxford Handbook of Religion and Europe. Oxford: Oxford University Press, 2021. 880 p.

Davie G. Vicarious Religion: A Methodological Challenge // *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Ed. By N. T. Ammerman. Oxford and New York: Oxford University Press, 2007. Pp. 21-35.

Glock C. Y., Stark R. American Piety: the Nature of religious Commitment. London, Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1974. 230 p.

Hervieu-Leger D. Religion as a Grammar of Memory: Reflections on a Comparison between Britain and France // *Modernities, Memory and Mutations*. Grace Davie and the Study of Religion. Ed. by A. Day, M. Lövhelm. London and New York: Routledge, 2015. Pp. 13-29.

Stolz J., Künemann J., Purdie M. S., Englberger T., Krüggeler M. (Un)Believing in Modern Society. Religion, Spirituality, and Religious-Secular Competition. Farnham: Routledge, 2016. 296 p.

Stolz J., Lipps O., Voas D., Antonietti J.-P. Can We Explain the Generation Gap in Churchgoing? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2024. Vol. 63. № 4. Pp. 809-829.

The Blackwell Companion to Sociology of Religion. Ed. by Fenn R.K. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 485 p.

Voas D. The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe // *European Sociological Review*. 2009. Vol. 25. Iss. 2. Pp. 155-168.

References

Bezniuk, D. K. (2020), "Crisis of faith or faith in crisis", *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, (2), 124-128, DOI: [10.33581/2521-6821-2020-2-124-128](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-124-128), EDN: DHCYVC. (In Russian)

Berger, P. (2019), *Svyashennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (In Russian)

Bogatova, O. A. (2017), "Religiosity of Student Youth: the Sociological Research in Region (Republic Mordovia)", *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, (3), 186-201, EDN: ZOWLBL. (In Russian)

Inglehart, R. (2022), *Neozhidanny upadok religioznosti v razvityh stranah* [Religion's Sudden Decline], EUSPb, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2022), "Dynamics of the post/de/secularization process among the youth Groups of the Moscow metropolis", *Research Result. Sociology and Management*, 8(3), 103-115, DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8), EDN: ETHFSU. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2023), "The main values of the consolidation of Russian society in the views of religious and non-religious students", *Research Result. Sociology and Management*,

9(2), 21-42, DOI: [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3), EDN: PBFDES. (In Russian)

Lebedev, S. D. (2015), "The pro-orthodox consensus in Russia in the early XXI century as a phenomenon of religious situation", *Research Result. Sociology and Management*, 1(1), 14-21, EDN: TWDDIT. (In Russian)

Motkin, V. N. (2024), "Regional interconfessional relations in the sociological dimension", *Aktualnye aspekty nauchnykh issledovaniy: sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19 marta 2024 g.* [Current aspects of scientific research: Collection of articles II International scientific and practical conference], March 19, 2024, Kubik, Saratov, Russia, 630-637, EDN: HMGHNC. (In Russian)

Prutskova, E. V., Markin, K. V. (2017), "Typology of orthodox Russians: the problem of constructing a generalized religiosity indicator", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), 95-105, [10.7868/S0132162517080116](https://doi.org/10.7868/S0132162517080116), EDN: ZGOXSX. (In Russian)

Smirnov, M. Yu. (2008), "On religious studies, religion and religiosity", *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 9(2), 62-73, EDN: KLSRJT. (In Russian)

Smirnov, M. Yu. (2023), "Permanent secularization or postsecular society? Modern transformations of religion in the perspective of research reflection", *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, (3), 134-152, DOI: [10.35231/18186653_2023_3_134](https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_134), EDN: URLOHB. (In Russian)

Taylor, Ch. (2017), *Sekuljarny vek* [A Secular Age], BBI, Moscow, Russia. (In Russian)

Ushkin, S. G. (2024), "Not only social networks: channels of dissemination of fake news in the views of the population", *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6 (2), 162-176, DOI: [10.46539/gmd.v6i2.460](https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.460), EDN: YUXQRL. (In Russian)

Faulkner, J. E., de Jong G. F. (2011), "Religiosity in 5-D: an empirical analysis", *Sociologicheskie issledovaniya*, (12), 69-76, EDN: ONGKFL. (In Russian)

Habermas, Y. (2002), *Budushhee chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature], Izdatelstvo Ves Mir, Moscow, Russia, ISBN: 5-7777-0171-X, EDN: SGUYVP. (In Russian)

Shirokalova, G. S., Dulina, N. V., Pronina, E. I. (2024), "Features of the religious

consciousness of Nizhny Novgorod students", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 15(2), 46-60, DOI: [10.19181/vis.2024.15.2.4](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.2.4), EDN: ZDBXUY. (In Russian)

Hervieu-Léger D. (2015), "In search of certainties: the paradoxes of religiosity in societies of high modernity", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, (1), 254-268, EDN: UIXFLH. (In Russian)

Berger, P. L. (2014), *The Many Altars of Modernity. Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age*, Walter de Gruyter, Boston, Berlin.

Bruce, S., Voas, D. (2023), "Secularization vindicated", *Religions*, 14(3), 301, 1-13.

Davie, G., Leustean, L. N. (2021), *The Oxford Handbook of Religion and Europe*, Oxford University Press, Oxford.

Davie, G. (2007), Vicarious Religion: A Methodological Challenge, *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*, ed. by N. T. Ammerman. Oxford University Press, Oxford and New York, 21-35.

Glock, C. Y., Stark, R. (1974), *American Piety: the Nature of religious Commitment*, University of California Press, London, Berkeley and Los Angeles.

Hervieu-Leger, D. (2015), "Religion as a grammar of memory: reflections on a comparison between Britain and France", *Modernities, Memory and Mutations. Grace Davie and the Study of Religion*, ed. by A. Day, M. Lövhelm, Routledge, London and New York, 13-29.

Stolz, J., Künemann, J., Purdie, M.S., Englberger, T., Krüggeler, M. (2016), *(Un)Believing in Modern Society. Religion, Spirituality, and Religious-Secular Competition*, Routledge, Farnham.

Stolz, J., Lipps, O., Voas, D., Antonietti, J.-P. (2024), "Can we explain the generation gap in churchgoing?", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 63(4), 809-829.

Fenn, R. K. (ed.) (2003), *The Blackwell Companion to Sociology of Religion*, Blackwell Publishing, Oxford.

Voas, D. (2009), "The rise and fall of fuzzy fidelity in Europe", *European Sociological Review*, 25 (2), 155-168.

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г. Поступила после доработки 01 июня 2025 г. Принята к печати 10 июня 2025 г.

Received 13 April 2025. Revised 01 June 2025. Accepted 10 June 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия.

Olga A. Bogatova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Work,

Ogarev National Research Mordovia State University, Saransk, Russia.

Чуйкова Ольга Геннадьевна, студентка магистратуры по направлению «Социология», кафедра социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия.

Olga G. Chujkova, Master's Degree Student in Sociology, Department of Sociology and Social Work, Ogarev National Research Mordovia State University, Saransk, Russia.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-6

Исследовательская статья

Зимова Н. С.
Мацнева Е. А.

**Особенности конструирования религиозной идентичности
в эпоху цифровизации**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа современных социальных наук (факультет),
Ленинские горы, дом 1, Москва, 119991, Россия
nzimova@mail.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа современных социальных наук (факультет),
Ленинские горы, дом 1, Москва, 119991, Россия
Matsneva.el@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конструирования религиозной идентичности молодыми людьми в эпоху цифровизации. Авторы статьи обращают внимание на проблему изменений в религиозном сознании молодых людей, а также все большее распространение такого феномена, как диффузная религиозная идентичность (эkleктичная, размытая и индивидуализированная форма духовного самоопределения). В качестве фактора, который может оказать влияние на конструирование молодыми людьми именно этого типа религиозной идентичности, авторы рассматривают цифровизацию современного общества. Проведенное авторами социологическое исследование с использованием метода анкетного опроса московской молодежи в возрасте от 18 до 28 лет (N=300) позволило подтвердить гипотезу о том, что высокая степень погруженности в цифровую среду влияет на конструирование у молодого человека диффузной религиозной идентичности. Так, среди респондентов с повышенным уровнем вовлеченности в цифровую среду оказалось на 50,2% больше тех, кто имеет размытую религиозную идентичность, по сравнению с теми, кто не проявляет такой вовлеченности. Для более детального анализа происходящих изменений в процессе конструирования религиозной идентичности современной молодежи было также проведено экспертное интервью, участниками которого стали ученые в области социологии религии и представители различных конфессий. Экспертные интервью позволили выявить две основные позиции по отношению к данному феномену: с одной стороны, отмечается опасность утраты глубины религиозного опыта, с другой – подчеркиваются новые возможности для духовного поиска в цифровую эпоху.

Ключевые слова: религия; религиозная идентичность; диффузная религиозная идентичность; цифровизация; цифровая среда; молодежь; секуляризация; конструирование религиозной идентичности

Информация для цитирования: Зимова Н. С., Мацнева Е. А. Особенности конструирования религиозной идентичности в эпоху цифровизации // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 85-101. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-6.

Natalia S. Zimova
Elizaveta A. Matsneva

Features of the construction of religious identity in the digital age

Lomonosov Moscow State University,
Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty)
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
nzimova@mail.ru

Lomonosov Moscow State University,
Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty)
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
Matsneva.el@gmail.com

Abstract. The article examines the specifics of religious identity formation among young people in the digital age. The authors highlight the shifting nature of religious consciousness among youth, as well as the growing prevalence of diffuse religious identity – an eclectic, fluid, and highly individualized form of spiritual self-identification. Digitalization is analyzed as a key factor influencing the emergence of this type of religious identity. A sociological study conducted by the authors, based on a survey of young Muscovites aged 18 to 28 (N=300), confirmed the hypothesis that deep immersion in the digital environment contributes to the formation of a diffuse religious identity. Specifically, among respondents with high digital engagement, the number of those exhibiting a diffuse religious identity was 50.2% higher than among those with lower digital involvement. For a more detailed analysis of the ongoing transformations in religious identity construction, expert interviews were conducted with scholars in the sociology of religion and representatives of various religious denominations. These interviews revealed two prevailing perspectives on the phenomenon: on one hand, concerns were raised about the potential loss of depth in religious experience, while on the other, new opportunities for spiritual exploration in the digital era were emphasized.

Keywords: religion; religious identity; diffuse religious identity; digitalization; digital environment; youth, secularization, construction of religious identity

Information for citation: Zimova, N. S., Matsneva, E. A. (2025), “Features of the construction of religious identity in the digital age”, *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 85-101, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-6.

Введение (Introduction).

В современном многонациональном обществе, где наблюдается религиозный и культурный плюрализм, молодые люди могут сталкиваться с проблемой формирования своей религиозной идентичности, испытывая затруднения в определении ключевых ценностей, верований и культурных ориентиров. Основными причинами этой проблемы

являются отсутствие универсальных оснований общечеловеческой культуры (так как в современном мире существует множество различных культур и религий, каждая из которых имеет свои уникальные ценности и традиции), а также активные процессы цифровизации (молодые люди имеют доступ к интернету, социальным сетям и другим цифровым платформам, где присутствуют цифровая эволюция

религиозных представлений, вызывающая изменения в традиционных практиках, огромная информационная нагрузка, влияние различных мнений и убеждений).

Изменения в религиозном сознании молодых людей отмечают социологами во множестве стран, и современная Россия не является исключением. Одним из примеров фиксации данной тенденции является исследование, проведенное Е. А. Кублицкой и М. М. Назаровым, которое показывает, что российское общество становится все более секулярным, а доля тех, кто на уровне самоидентификации заявляет о своей вере в Бога, сократилась за последние пять лет на 15% (Кублицкая, Назаров, 2019: 1120-1127). Данные изменения в религиозном сознании российской молодежи отражают общий мировой тренд секуляризации и изменение приоритетов молодого поколения в поиске смысла и целей в жизни.

Исследователи все чаще замечают такой феномен, как диффузная (или размытая) религиозная идентичность. Так, Т. С. Пронина и Д. Пенков проанализировав идентичности прихожан в Тамбовской области, приходят к выводу о том, что в современном мире на место уверенной религиозной идентичности приходит размытая большая религии идентичность, вызванная процессами индивидуализации. Авторы используют понятие «бриколаж», тем самым подчеркивая, что религиозная идентичность становится индивидуальным конструктом из религиозных смыслов, ценностей и ритуалов (Пронина, Пенков, 2019: 188-198).

В другой своей работе Т. С. Пронина снова возвращается к вопросу диффузной религиозной идентичности и дает большее понимание данного феномена. По мнению исследователя, размытая религиозная идентичность характеризуется «нефиксированным членством в конфессиональном сообществе, выборочным совершением ритуалов и

практик, неопределенным осознанием собственной принадлежности и демонстрацией приверженности к религиозным ценностям как к культурным и художественным» (Пронина, 2015: 18, 154-166).

Зарубежные ученые также исследуют диффузность религиозных представлений. В трудах итальянского социолога Роберто Чиприани (Чиприани, 2020: 4-8) этот термин описывает ситуацию, в которой люди могут исповедовать религиозные убеждения или участвовать в религиозных практиках, не принадлежа при этом к определенной религиозной общине или следуя установленным ритуалам лишь ситуативно. Диффузная религиозная идентичность часто характеризуется индивидуальным подходом к религиозности, где личный духовный опыт и интерпретация религиозных идей становятся важнее, чем формальное следование религиозным нормам.

Исследование ВЦИОМ в 2023 году подтверждает и актуализирует проблему проявления размытых религиозных представлений у молодых людей, неуверенности в своей религиозной принадлежности¹.

Исходя из данных Таблицы 1, можно заметить, что именно среди респондентов от 18 до 35 лет чаще всего встречаются ответы «Являюсь верующим, но к какой-либо конкретной конфессии не принадлежу» (8% у лиц от 18 до 24; 10% у лиц от 25 до 34), «Нет, я не верующий человек» (42% у лиц от 18 до 24; 24% у лиц от 25 до 34), «Колеблюсь между верой и неверием» (9% у лиц от 18 до 24; 10% у лиц от 25 до 34).

¹ Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ НОВОСТИ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 13.12.2023).

Таблица 1

Религиозная принадлежность россиян в 2023 году
(распределение по полу и возрасту), %

Table 1

Religious affiliation of Russians in 2023
(distribution by gender and age), %

Являетесь ли Вы верующим человеком, и если да, то последователем какой религии Вы себя считаете? / Are you a religious person, and if so, what religion do you consider yourself a follower of?	18-24 года / 18-24 years old	25-34 года / 25-34 years old	35-44 года / 35-44 years old	45-59 лет / 45-59 years old	60 лет и старше / 60 years and older
Православный / Orthodox	29	47	60	60	67
Мусульманин / Muslim	9	1	6	7	3
Католик / Catholic	<1	<1	<1	<1	<1
Протестант / Protestant	<1	<1	<1	<1	1
Буддист / Buddhist	<1	<1	<1	1	<1
Другого вероисповедания / Other religion	3	5	8	4	3
Являюсь верующим, но к какой-либо конкретной конфессии не принадлежу / I am a religious person, but I do not belong to any particular denomination	8	10	7	4	2
Нет, я не верующий человек / No, I am not a religious person	42	24	13	15	16
Колеблюсь между верой и неверием / I waver between faith and unbelief	9	10	5	6	6
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	0	3	1	3	2

О схожем феномене в своей статье пишет кандидат исторических наук и кандидат богословия Юрий Леонидович Ореханов. Одной из ключевых особенностей конструирования религиозной идентичности молодежью, по мнению исследователя, является «Patchwork-идентификация» (Ореханов, 2014: 101-117). Один из основных тезисов автора – изменения в участии современной молодежи в религиозных общинах не обязательно указывают на отсутствие религиозного интереса среди молодых людей в целом. Напротив, молодежь может проявлять религиозный интерес в других формах, которые могут отличаться от традиционных. Такие формы проявления религиозного интереса могут включать участие в духовных практиках вне институционализированных религиозных структур, поиск сакральности в повседневной жизни, духовное

самообразование через различные источники, такие как литература, интернет и популярная культура, и принятие персонализированных форм религиозной практики, которые соответствуют их индивидуальным потребностям и убеждениям. «Patchwork-идентичность» в контексте религиозной идентичности описывает процесс, при котором индивидуальная религиозная идентичность формируется путем комбинирования и интеграции различных религиозных элементов, практик и убеждений из различных источников. Термин «patchwork» указывает на то, что религиозная идентичность создается путем объединения «заплаток» разнообразных религиозных и духовных влияний.

Подобное размывание религиозных представлений способно стать начальным звеном для возникновения новых религиозных движений и субкультур,

которые составляют оппозицию традиционным религиозным воззрениям мировых религий. Эта оппозиция становится все более сложно-контролируемым процессом для государства, приводя к изменению мышления религиозного населения и стимулируя пересмотр индивидами своих взглядов на религию, государство и общество в целом, а также сталкивая различные вероучения на основании религиозных убеждений (Кублицкая, Франчук, 2018: 227-242).

Таким образом, определив ключевую проблему, связанную с распространением феномена диффузной религиозной идентичности, и выявив одну из возможных причин этому – цифровизацию, как характерную черту современности, нами выдвигается цель проанализировать, какие особенности имеет конструирование религиозной идентичности в наши дни и действительно ли процесс цифровизации способен оказывать на это значительное влияние. Для достижения данной цели авторами настоящей статьи было проведено социологическое исследование с использованием методов анкетного опроса и экспертного интервью.

Методология и методы (Methodology and methods). Научным фундаментом данного исследования в вопросах религиозной идентичности являлись работы С. Н. Астапова (Астапов, 2016: 29-32), О. В. Бондаренко (Бондаренко, Леонова, 2010: 285-290), П. С. Гуревич (Гуревич, 2010: 66), Н. В. Дмитриевой (Дмитриева, 2023: 113), М. П. Мчедлова (Мчедлов, 2008), Т. С. Прониной (Пронина, 2019: 154-166), С. В. Рыжовой (Рыжова, 2019: 141-168), М. Ю. Смирнова (Смирнов, 2008: 68), А. Г. Спиркина (Спиркин, 1972: 206), Р. Чиприани (Чиприани, Рикуччи, 2020: 4-8).

Сущность процесса цифровизации и его последствия рассматривались на основе работ С. Ю. Глазьева (Глазьев, 2018: 17-30), П. Друкера (Друкер, 2020:

118-154), М. Кастельса (Кастельс, 2017: 608), С. В. Лобовой (Лобова, 2017: 104-117), А. В. Пекониدي (Пекониди, 2021: 322-329), А. Д. Пухляк (Пухляк, 2020: 207-210), В. В. Смирнова (Смирнов, 2019: 72-76), К. Шваба (Шваб, 2019: 79-84). Влияние цифровизации на религиозную идентичность рассматривалось в работах М. А. Афанасьевой (Афанасьева, 2023: 114-122), Е. Л. Дмитриевой (Дмитриева, 2023: 129-136), А. В. Пивень, И. И. Яновым (Пивень, Янов, 2022: 175-178), Е. Н. Чесновой (Чеснова, 2022: 26-41), М. В. Федоровой (Федорова, 2020: 66-79).

Проанализировав работы вышеупомянутых авторов, мы делаем вывод о том, что под религиозной идентичностью понимается форма самосознания, которая отражает принадлежность человека к определенной религиозной вере или традиции; отождествление себя с определенными групповыми ценностями и нормами; осмысление собственного места и роли внутри конкретного религиозного сообщества. Изучая же конструирование религиозной идентичности, и исходя в целом из понятия «конструкта» стоит подчеркнуть, что мы исследуем процесс получения и структурирования знания о религиозной вере, обрядах, убеждениях и практиках, в результате которого индивид формирует собственную религиозную личность и определяет свое место в религиозном контексте. Отметим также, что в этом процессе человек создает и структурирует свою религиозную идентичность на основе субъективного восприятия религиозных, социокультурных и личностных факторов, что формирует его отношение к вере, ценностям, обрядам и обществу. Ключевыми характеристиками данного процесса являются динамичность, эмерджентность и изменчивость состояния.

В настоящее время существует множество классификаций уровней

религиозной идентичности, различающихся критерием их выделения. Наиболее известными в научной среде являются классификации, критерием которых выступают конфессиональная принадлежность – А. Н. Крылов (Крылов, 2014: 356); интенсивность веры – Г. Олпорт (Олпорт, 1954: 217); социально-культурная организация человека – А. Н. Крылов (Крылов, 2014: 356), А. Г. Спиркин (Спиркин, 1972: 206); особенности поведения в межличностных контактах – Н. В. Дмитриева, Н. А. Самойлик (Дмитриева, Самойлик, 2013: 113). Как мы уже упоминали ранее, в последнее время все чаще исследователями упоминается такой феномен, как размытая, диффузная религиозная идентичность, в связи с чем нам представляется необходимым выделить классификации, критерием которой будет являться уверенность и четкость собственных религиозных убеждений, соответствие их существующим канонам.

Проанализировав ряд работ, посвященных современному феномену «диффузной религиозной идентичности», мы можем выделить следующие уровни религиозной идентичности по вышеупомянутому критерию:

- уверенная религиозная идентичность;
- диффузная религиозная идентичность;
- отрицательная религиозная идентичность.

Для более глубокого понимания того, как функционирует каждый из этих уровней, необходимо обозначить элементы, из которых они состоят. Стоит отметить, что как в случае и социальной идентичности, элементы религиозной идентичности (которая и является частью вышеуказанной) существуют в рамках трех компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого. Так, к элементам религиозной идентичности нами относятся:

- осознание себя в качестве верующего или неверующего человека;
- осознание своей принадлежности к какой-либо конкретной религии, вероисповеданию;
- знание конфессиональных канонов, догматов, традиций и следование им;
- принятие конфессиональных ценностей и норм;
- знание конфессиональной истории.

В качестве эмпирического объекта нами была выбрана молодежь. Это решение обосновано рядом причин. Во-первых, молодежь активно использует цифровые платформы для общения, обмена информацией и выражения собственных взглядов, что упрощает достижение цели нашего исследования – поиск особенностей конструирования религиозной идентичности именно в эпоху цифровизации. Во-вторых, молодые люди находятся на том жизненном этапе, когда происходит процесс активного формирования собственной идентичности, системы ценностей, убеждений. Таким образом, молодежь, активно пользующаяся цифровыми технологиями, может иметь совершенно иные подходы к восприятию религии и ее практик, чем более старшее поколение. Поэтому изучение этой темы в разрезе молодежи позволит лучше понять динамику изменений в процессе конструирования религиозной идентичности в современном мире. Молодежь – социально-демографическая группа людей в возрасте от 14 до 35 лет. Однако, учитывая возрастную неоднородность данной группы, нами была предпринята попытка разделить ее на подгруппы:

- от 14 до 17 лет (границы подросткового возраста, наиболее часто выделяемые отечественными авторами);
- от 18 до 28 лет (условные границы студенчества, которые включают в себя бакалавриат, магистратуру и аспирантуру и которые исключают из выборки лиц,

получающих высшее образование, младше и старше возрастных границ молодежи);

– от 29 до 35 лет (крайняя периодизация взрослости в молодежной группе).

Данная дифференциация помогла нам в дальнейшем более точно определить эмпирический объект при проведении социологического исследования.

К ключевым особенностям, характерным в той или иной степени для всех возрастных подгрупп молодежи и оказывающим влияние на конструирование религиозной идентичности нами были отнесены:

- промежуточность статуса молодого человека;
- социальная дифференциация в молодежной среде;
- лабильность сознания;
- трансгрессивность;
- экстремальность;
- Patchwork-идентификация.

Конструирование религиозной идентичности, несомненно, является многофакторным процессом. Однако нами была предпринята попытка выделить основные контексты формирования: семья, образование, культура, субкультура, процесс цифровизации. В рамках данного исследования мы остановили свое внимание именно на последнем факторе, определяя цифровизацию как процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы человеческой жизни, который включает в себя использование компьютеров, интернета, мобильных устройств, цифровых средств коммуникации, анализа данных, и других современных технологий. С точки зрения социологического анализа цифровизацию рассматривают как процесс, оказывающий глубокое влияние на социальные отношения, структуры и институты, так как он меняет способы взаимодействия, социальные нормы и культурные практики, а также оказывает влияние на образование, здравоохранение, экономику, политику и многие другие области жизни. Таким образом, цифровизация – процесс,

лежащий в основе глобализирующегося мира и способный влиять практически на все сферы жизни общества, в том числе и на формирование религиозной идентичности.

Процесс цифровизации способен нести за собой ряд последствий. Так, цифровизация влияет на процесс распространения тренда на секуляризацию (рост чувства безопасности; переход от ценностей, направленных на повышение рождаемости, к либеральным ценностям). Также цифровизация несет в себе новую форму прозелетизма, способствует религиозному обращению и трансгрессии, осуществлению новой формы религиозных практик и размытости религиозных представлений на стадии синтетической-конвенциональной веры (на которой находятся молодые люди).

Тем не менее, наибольший интерес для нас заключается в выявлении того, может ли процесс цифровизации влиять на формирование у молодых людей того или иного типа религиозной идентичности. Для того чтобы это проверить, нам необходимо выделить уровни погруженности человека в цифровую среду: повышенный, оптимальный и пониженный. Каждый из уровней состоит из ряда элементов: субъектная составляющая (оценка соответствия реального и виртуального «Я», самоощущение в Интернете), социальная составляющая (отношение к другим людям, общение, принадлежность к сетевой субкультуре) технологически-цифровая составляющая (отношение к Интернету в целом, пространство в Интернете, время в Интернете, информация в Интернете).

В ходе данной работы мы выдвинули гипотезу нашего исследования: высокая степень погруженности в цифровую среду влияет на конструирование у молодого человека диффузной религиозной идентичности.

В качестве эмпирического объекта нами была выбрана молодежь г. Москвы в возрасте от 18 до 28 лет. Выбор

обусловлен тем, что в данном возрастном периоде молодежь зачастую находится в процессе активной социальной идентификации, обладает относительной самостоятельностью (в сравнении с подростковым возрастом), находится в процессе осознания и апробирования собственных навыков и возможностей. Это также период, когда молодые люди формируют новые социальные связи, находятся в поиске новых авторитетов и референтных групп. Сужение выборки до московской молодежи связано с отсутствием необходимых ресурсов для проведения сплошного исследования, охватывающего всю территорию России.

Методом проверки гипотезы был выбран анкетный опрос. В качестве вида выборочного отбора мы воспользовались гнездовым (кластерным) методом отбора, который предусматривает выделение гнезд или кластеров более мелких единиц. Так, для проверки гипотезы нам необходимо было отобрать три кластера (люди с уверенной религиозной идентичностью, диффузной религиозной идентичностью и отрицательной цифровой идентичностью), каждый из которых должен отображать нашу генеральную совокупность.

Для кластера с уверенной религиозной идентичностью отбирались те анкеты, в которых респонденты уверенно заявляли о том, что являлись верующими; знали, к какой конфессии они принадлежат; всегда следовали религиозным учениям и

догматам; часто посещали религиозные организации; знали и читали религиозные тексты; высоко оценивали роль религиозных ценностей в собственной жизни; хорошо знали историю собственной религии.

Для кластера с диффузной религиозной идентичностью отбирались те анкеты, в которых респонденты либо уверенно заявляли о том, что являются верующими, либо сомневались между верой и неверием; либо уверенно заявляли о принадлежности к конкретной конфессии, либо заявляли, что являются верующими без принадлежности к конкретной конфессии; не всегда следовали религиозным учениям и догматам; изредка посещали религиозные организации; не знали/ не читали на регулярной основе религиозные тексты; низко оценивали роль религиозных ценностей в собственной жизни; низко оценивали знания конфессиональной истории.

Для кластера с отрицательной религиозной идентичностью отбирались те анкеты, в которых респонденты заявляли о том, что являются неверующими людьми.

Нами было собрано 423 анкеты, 123 из которых не соответствовали выборочной совокупности (респонденты отметили, что не живут в Москве и/или оказались младше 18/старше 28 лет), а также были не учтены из-за необходимости наличия в кластерах одинакового количества людей. Таким образом, наша выборочная совокупность представлена в Таблице 2.

Таблица 2

Распределение выборочной совокупности по полу и возрасту, чел.

Table 2

Distribution of the sample population by gender and age, people

	Уверенная РИ / Confident RI		Диффузная РИ / Diffuse RI		Отрицательная РИ / Negative RI		Всего / All
	Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужчины / Men	Женщины / Women	
18-21	17	18	18	16	16	17	102
22-24	14	15	15	14	16	15	89
25-28	16	20	17	20	19	17	109
Всего / All	100		100		100		300

* Источник: эмпирическое исследование / Source: empirical research

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В первую очередь проанализировались ответы респондентов относительно проявления отдельных элементов религиозной идентичности, таких как осознание себя в качестве верующего или неверующего человека; осознание своей принадлежности к какой-либо конкретной религии, вероисповеданию; знание конфессиональных канонов, догматов, традиций и следование им; принятие конфессиональных ценностей и норм; знание конфессиональной истории респонденты были отнесены к одному из трех кластеров: с уверенной религиозной идентичностью; с диффузной религиозной идентичностью; с отрицательной религиозной идентичностью.

В результате анализа ряда вопросов, направленных на выявление степени погруженности в цифровую среду, в каждом кластере были выделены соответствующие группы респондентов. Так, нами был построен график, на

котором отражено, сколько респондентов из трех кластеров имеют повышенный уровень погруженности в цифровую среду, оптимальный уровень и пониженный (Рисунок 1).

Анализ представленной диаграммы показывает, что среди респондентов, имеющих повышенный уровень погруженности в цифровую среду, значительно больше тех, кто имеет диффузную религиозную идентичность – 64,3%; 33% респондентов – отрицательную религиозную идентичность и лишь 2,6% респондентов – уверенную религиозную идентичность. Среди респондентов с оптимальным уровнем лишь 17,4% респондентов обладают диффузной религиозной идентичностью, 40,6% – уверенной и 42% – отрицательной. Среди респондентов с пониженным уровнем значительное число тех, кто имеет уверенную религиозную идентичность – 87,2%; значительно меньше респондентов с диффузной – 4,3% и с отрицательной – 8,5%.

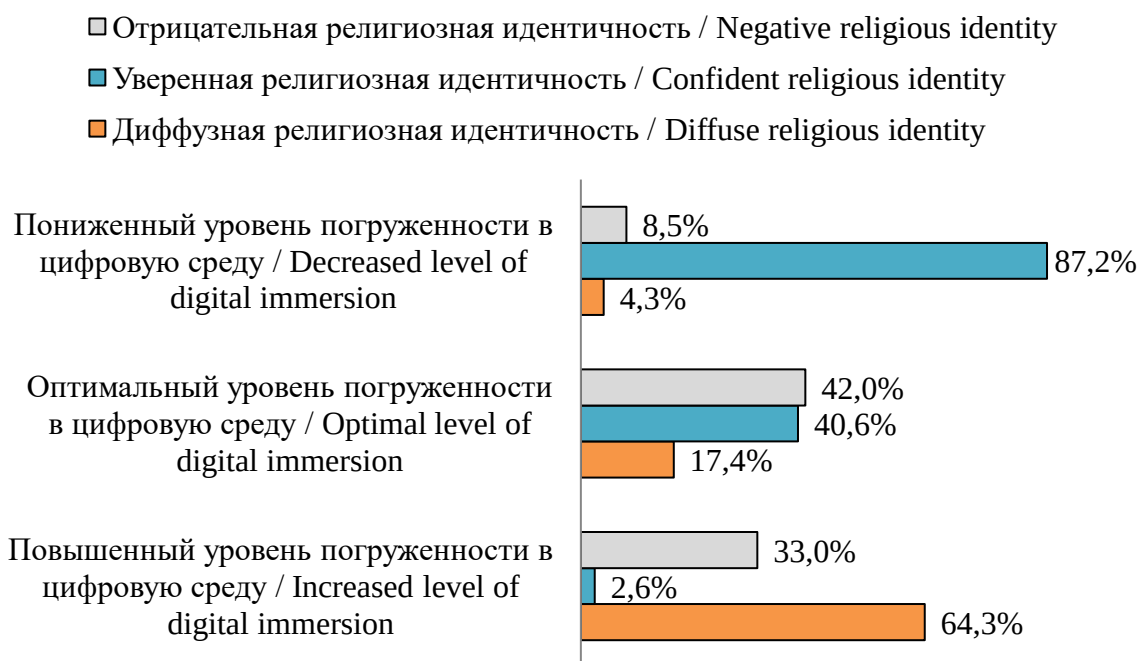

Рисунок 1. Распределение респондентов по уровням цифровой идентичности и религиозной идентичности, %

Figure 1. Distribution of respondents by levels of digital identity and religious identity, %

Отметим, что при самооценке респондентами степени влияния интернета на их религиозные убеждения среди респондентов с диффузной религиозной идентичностью около 30% респондентов ответили, что интернет оказал значительное влияние на их религиозную идентификацию. Что касается респондентов с отрицательной религиозной идентичностью, то среди них более 54% оценили влияние интернета как значительное. И только 17% респондентов с уверенной религиозной идентичности ответили, что на их религиозный выбор оказал влияние интернет.

Для дальнейшей проверки гипотезы нам необходимо было распределить респондентов на тех, у кого есть и нет диффузной религиозной идентичности и тех, у кого есть и нет повышенного уровня погруженности в цифровую среду (Рисунок 2).

Исходя из построенной диаграммы, мы можем сделать вывод о том, что среди респондентов с повышенным уровнем на 50,2% больше респондентов с диффузной религиозной идентичностью, чем среди респондентов с отсутствием повышенного уровня.

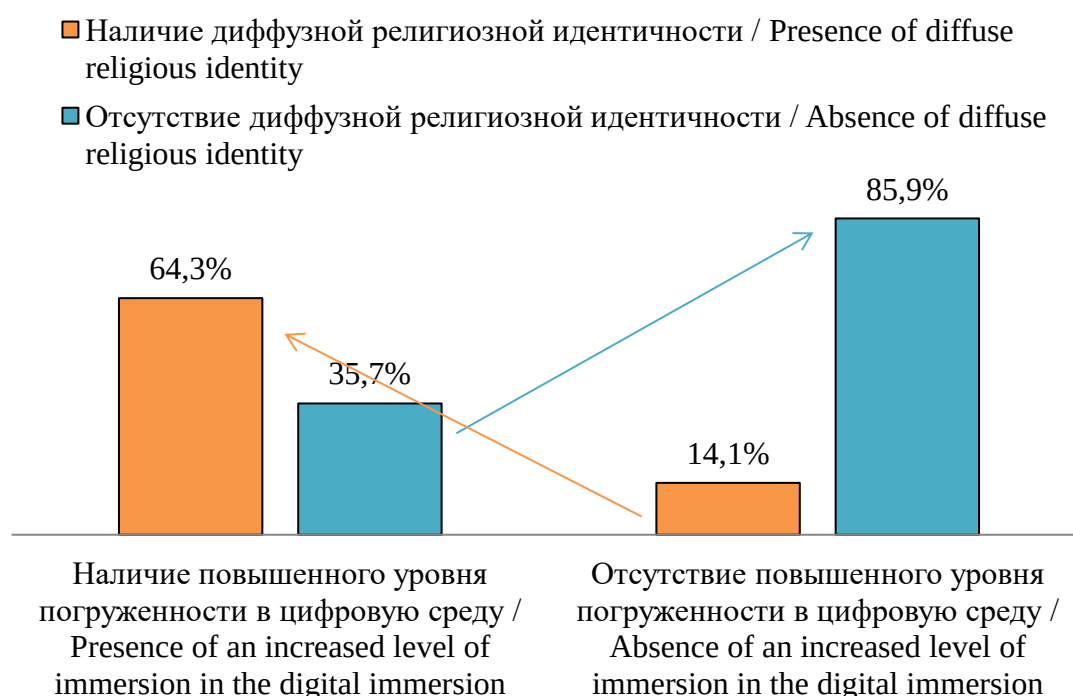

Рисунок 2. Распределение респондентов по отсутствию и наличию повышенного уровня погруженности в цифровую среду и диффузной религиозной идентичности, %

Figure 2. Distribution of respondents by the absence and presence of an increased level of immersion in the digital environment and diffuse religious identity, %

Для оценки значения хи-квадрат необходимо сравнить заданное значение критерия с критическим значением хи-квадрат при данном уровне значимости и числе степеней свободы (число степеней свободы $df = 1$; значение критерия хи-квадрат $\chi^2 = 80,722$; критическое значение хи-квадрат при уровне значимости $p=0.01$ и $df=1$ равно 6.635).

Поскольку значение критерия хи-квадрат (80,722) значительно превышает критическое значение (6,665) при уровне значимости $p=0.01$ и числе степеней свободы 1, мы можем отвергнуть нулевую гипотезу о независимости факторного и результативного признаков. Это означает, что связь между ними статистически значима. Таким образом, наша гипотеза о

том, что высокая степень погруженности в цифровую среду влияет на конструирование у молодого человека диффузной религиозной идентичности, была подтверждена.

Несмотря на проведенный анкетный опрос, подтвердивший наше основное предположение, мы посчитали необходимым глубже погрузиться в вопрос основных тенденций конструирования религиозной идентичности в современной России. Для достижения этой цели было принято решение провести экспертное интервью. Эксперты были условно разделены на две группы – священнослужители (представители со стороны Ислама (Д. Э. Якубовский), Протестантизма (А. В. Данилов), Православия (А. Н. Иванов)), а также ученые, в научные интересы которых входит изучение религиозной идентичности (Е. А. Кублицкая, К. М. Товбин, С. Д. Лебедев, В. Г. Писаревский). Этот выбор был обусловлен необходимостью получения максимально полного и многогранного понимания вопроса. Священнослужители являются носителями традиционных религиозных знаний и практик, а также имеют непосредственный опыт в ведении религиозных общин. Их взгляды и мнения могут дать ценное понимание того, как цифровизация влияет на религиозную идентичность людей, особенно в контексте сохранения традиционных ценностей и адаптации к современным условиям. С другой стороны, ученые предоставляют аналитический взгляд на процесс конструирования религиозной идентичности. Ими могут применяться различные теоретические подходы и методологии для изучения изменений, которые происходят под влиянием цифровых технологий.

В ходе анализа полученных данных мы выявили следующие мнения экспертов:

1. К факторам влияния на конструирование молодыми людьми их религиозной идентичности могут быть

отнесены: ближайшее окружение (семья, друзья, одноклассники и т.д.), культурные условия, государственная политика, личные переживания человека, географическое положение (деление на центр и периферию, на условия проживания человека), усиливающаяся цифровизация;

2. Количество представителей молодежи с диффузной религиозной идентичности будет увеличиваться. Причинами были названы: цифровизация, уход ортодоксальных религий, смена теоцентризма на антропоцентризм, популяризация медитаций, астрологии, неоязычества и т.д.

3. Влияние цифровизации на конструирование молодыми людьми религиозной идентичности неоднозначно. Несмотря на то, что цифровизация способна оказывать негативное влияние, все же последствия этого влияния должны контролироваться самим человеком, носителем религиозной идентичности.

4. Меры по укреплению религиозной идентичности в эпоху цифровизации могут быть следующими: проведение мероприятий по освещению негативного влияния Интернета и поиска возможных способов противодействия; дистанцирование религии от политики и, в целом, от «нерелигиозных вопросов»; усиление распространения среди молодых людей исконных религиозных ценностей; реформирование прозелитической деятельности и привлечение авторитетов для каждой возрастной группы. Также было выявлено два полярных мнения: эксперт-священнослужитель предложил полностью исключить поиск религиозных ответов в сети и отделить в принципе религию от Интернета; эксперт-ученый предложил использование геймификации для укрепления религиозной идентичности. Также было выражено мнение о том, что любые социальные технологии в данном вопросе являются неприемлемыми.

5. Отождествление религиозных онлайн практик реальным практикам возможно только в том случае, если того допускает конкретная конфессия. Однако рядом экспертов было отмечено, что феномен цифровой религии способен также трансформировать религиозную идентичность молодых людей в сторону диффузности.

Таким образом, современные процессы формирования религиозной идентичности молодежи протекают в условиях глубокой трансформации общества, где традиционные институты (церковь, семья, школа и др.) утрачивают монополию на смыслообразование, а цифровая среда становится новым пространством поиска духовных ориентиров.

Религиозная идентичность сегодня конструируется под воздействием сложного переплетения микро- и макросоциальных факторов. Семья и ближайшее окружение продолжают оставаться важнейшим источником первичной религиозной социализации, но их влияние ослабевает в условиях цифровой эпохи, где авторитеты формируются в том числе через социальные сети и онлайн-сообщества. Государственная политика способна как усиливать процесс формирования уверенной религиозной идентичности (например, через включение религиозных норм в образовательные программы), так и ослаблять этот процесс, если религия ассоциируется с непопулярными политическими решениями. Цифровизация же выступает как катализатор изменений, предоставляя доступ к альтернативным религиозным и квазирелигиозным дискурсам.

Одним из наиболее значимых последствий всех вышеперечисленных процессов становится распространение диффузной религиозной идентичности – эклектичной, гибридной, часто основанной на субъективном выборе элементов из разных традиций. Данное обстоятельство

связано с несколькими трендами. Так, в современном мире происходит снижение доверия к ортодоксальным религиям (особенно среди возрастной группы молодежи), что обусловлено как скандалами внутри религиозных институтов, так и общим запросом на автономию в духовных вопросах. Происходит коммерциализация духовности, так как поп-культура и цифровые платформы активно продвигают медитации, астрологию, wellness-практики, что способны замещать традиционные формы религиозности. Можно предположить, что данные тренды будут усиливаться, поскольку они соответствуют общей логике постмодерного общества – фрагментации идентичностей и отказу от жестких идеологических рамок.

Процесс конструирования религиозной идентичности в XXI веке становится все более сложным, подвижным и многофакторным. Традиционные институты уже не могут опираться исключительно на авторитет и привычные формы передачи веры – они вынуждены конкурировать с множеством альтернативных духовных предложений. В этих условиях наиболее устойчивыми окажутся те религиозные сообщества, которые сохраняют ядро традиционных ценностей, но адаптируют формы их передачи под цифровую реальность; смогут противостоять диффузии идентичности не через запреты, а через глубокую просветительскую работу; найдут баланс между сохранением сакрального и использованием современных технологий.

Тем не менее, государству, образовательным институтам и самим религиозным организациям стоит учитывать, что навязывание жестких рамок в эпоху плюрализма может дать обратный эффект – дальнейший уход молодежи в индивидуализированные формы духовности. Поэтому ключевым направлением должно стать не

принудительное укрепление религиозности, а создание условий для осознанного и информированного выбора.

Заключение (Conclusion).

Трансформация религиозной идентичности молодых людей не стоит под вопросом, а является фактом, который несет в себе множество последствий. Эти изменения затрагивают не только индивидуальное мировоззрение, но и социальные, культурные, а в некоторых случаях и политические аспекты жизни общества. Молодежь, как наиболее динамичная и восприимчивая к новым идеям группа, становится ключевым актором в формировании будущих религиозных и духовных ландшафтов.

Особую роль в этом процессе играет цифровизация, которая, как было доказано в данном исследовании, способствует формированию так называемой «диффузной» религиозной идентичности, которая характеризуется гибкостью, эклектичностью и отсутствием четких границ. Молодежь все чаще комбинирует элементы различных религиозных традиций, создавая индивидуальные духовные пути, которые могут не вписываться в рамки традиционных конфессий.

Полученные в ходе данного исследования результаты и выводы могут найти применение в различных сферах общественной жизни и стать основой для дальнейших изысканий в этой актуальной междисциплинарной области. Так, результаты работы могут быть использованы религиозными организациями и духовными лидерами. В эпоху, когда традиционные формы религиозного просвещения теряют эффективность, полученные данные позволяют разрабатывать новые форматы катехизаторской и миссионерской деятельности. Речь идет о создании специализированных мобильных приложений, интерактивных образовательных платформ, курсов по основам вероучения – тех инструментов,

которые отвечают цифровым привычкам молодого поколения. Не менее важно выстраивание грамотной коммуникационной стратегии в социальных сетях и мессенджерах, позволяющей доносить сакральные смыслы без потери их глубины в условиях цифровой среды.

Перспективы дальнейшего развития темы представляются чрезвычайно широкими и многоаспектными. Одними из направлений могли бы стать сравнительные исследования особенностей конструирования религиозной идентичности в разных странах и культурных контекстах. Такой подход позволил бы выявить, как государственная политика (например, принцип светскости во Франции в сравнении с поддержкой традиционных конфессий в России) влияет на динамику религиозности молодежи, а также проанализировать различные цифровые стратегии, используемые религиозными организациями в разных частях мира. Возможным направлением будущих исследований мог бы стать гендерный и возрастной анализ особенностей конструирования религиозной идентичности. Это предполагает изучение специфики религиозного самоопределения у юношей и девушек, а также анализ изменений религиозных взглядов при переходе от подросткового возраста к периоду зрелости. Не менее перспективным представляется изучение успешных кейсов адаптации традиционных религиозных институтов к цифровой реальности – анализ эффективных цифровых проектов (религиозных подкастов, блогов, онлайн-курсов), а также исследование реакции молодых людей в рамках их религиозного самоопределения.

Таким образом, настоящее исследование открывает широкие перспективы для междисциплинарного научного диалога, объединяя теологию, социологию религии, диджитал-исследования, психологию и педагогику.

Его практическая значимость выходит за рамки академического сообщества, представляя ценность для специалистов в области образования, духовного просвещения и социальной политики. Дальнейшая разработка темы требует комплексного подхода, сочетающего качественные методы (глубинные интервью, фокус-группы) с количественным анализом больших данных из социальных сетей и экспериментальными исследованиями цифровых форматов передачи религиозного знания.

Список литературы

- Астапов С. Н. Конструирование религиозной идентичности // Манускрипт. 2016. № 10. С. 29-32. EDN: WLWNYR.
- Афанасьева М. А. Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 114-122. DOI: [10.37482/2687-1505-V276](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V276). EDN: MSKSBC.
- Бондаренко О. В., Леонова М. С. Религиозная идентичность: экспликация понятия // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 285-290. EDN: RMSWSR.
- Глазьев С. Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // Экономика и математические методы. 2018. № 3. С. 17-30. DOI: [10.31857/S042473880000655-9](https://doi.org/10.31857/S042473880000655-9). EDN: YLVTID.
- Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 66. EDN: NQXEKN.
- Дмитриева Е. Л. Религия в России в эпоху цифровизации (на примере православия и ислама) // Россия и мусульманский мир. 2023. № 2. С. 129-136. DOI: [10.31249/rimm/2023.02.10](https://doi.org/10.31249/rimm/2023.02.10). EDN: CZICTB.
- Дмитриева Н. В., Самойлик Н. А. Кризис идентичности: феноменология переживания // МНКО. 2013. № 6. С. 113.
- Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. М.: МИФ. 2020. 154 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2017. 608 с.
- Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Икар. 2014. 356 с. EDN: XVMYCH.
- Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской академии наук. 2019. № 11. С. 1120-1127. DOI: [10.31857/S0869-587389111120-1127](https://doi.org/10.31857/S0869-587389111120-1127). EDN: RNDVMC.
- Кублицкая Е. А., Франчук Д. В. Нетрадиционные религии и эзотерические учения в жизни московской молодёжи (социологический опыт) // Секуляризация в контексте измерения религиозных трансформаций современного общества. 2018. №4. С. 227-242. EDN: YVJJHN.
- Лобова С. В. Сопряжение совместной экономики и медиаобразования // Медиаобразование. 2017. №. 3. С. 104-117. EDN: ZENBJH.
- Мчедлов М. П. Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Электронная библиотека, 2008. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obs_hie.pdf (дата обращения: 26.01.2024).
- Оллпорт Г. В. Природа предубеждения. Нью-Йорк, 1954. 217 с.
- Ореханов Ю. Л. Секуляризация и постмодерн: религиозные процессы в молодежной среде в современной России и Европе и их социально-богословская рефлексия // Вестник ПСТГУ. 2014. № 56. С. 101-117. DOI: [10.15382/sturI201456.101-118](https://doi.org/10.15382/sturI201456.101-118). EDN: TJQXJD.
- Пеконида А. В. Цифровая зависимость у детей и подростков. Современные стратегии диагностики и лечения // Русский медицинский журнал. Медицинское обозрение. 2021. Т. 5, № 5. С. 322-329. DOI: [10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329](https://doi.org/10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329). EDN: RKTLCs.
- Пивень А. В., Янов И. И. Религия в эпоху цифровизации // Социально-правовые преобразования в современной России. 2022. С. 175-178. EDN: KQSTPT.
- Пронина Т. С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен //

Вестник РХГА. 2015. № 2. С. 154-166. EDN: VQFWMD.

Пронина Т. С., Пенков Д. Бриколаж религиозных идентичностей (исследование в Тамбовской области) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2019. № 1. С. 188-198. EDN: MQXKY.

Пухляк А. Д. Цифровая зависимость: проблема нашего времени или неоправданные опасения? // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 207-210. EDN: RTVVPM.

Рыжова С. В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд. Ин-та социологии РАН, 2006. С. 141-168. EDN: SYPUT

Смирнов В. В. Феномен цифровой зависимости в условиях информационного общества (социально-психологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2019. № 4. С. 72-76. DOI: [10.25586/RNU.HET.19.04.P.72](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.19.04.P.72). EDN: ZBOEJN.

Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2008. № 2. С. 68. EDN: KLSRJT.

Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Издательство политической литературы. 1972. 303 с.

Федорова М. В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. №. 6. С. 66-79. DOI: [10.25136/2409-7144.2020.6.33085](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085). EDN: STWURD.

Хасханова М. Т., Верещагина М. В. Анализ классификаций и видов религиозной идентичности с позиции социально-психологического подхода // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 13-17. DOI: [10.24158/spp.2017.12.20](https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.20). EDN: YLFQVE.

Чеснова Е. Н. Специфика цифровизации ислама и IT-халяль // Исламоведение. 2022. Т. 13, № 3. С. 26-41. DOI: [10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41](https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41). EDN: HNJHFN.

Чиприани Р., Рикуччи Р. Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties // Научный

результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 3. С. 4-8. EDN: ZWKKIP.

Шваб К. Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 79-84. EDN: QOGCGT.

References

Astapov, S. N. (2016), "Constructing a religious identity", *Manuskript*, (10), 29-32, EDN: WLWNYR. (In Russian)

Afanasieva, M. A. (2023), "Digitalization of religious consciousness: problems and prospects", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 23(4), 114-122, DOI: [10.37482/2687-1505-V276](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V276), EDN: MSKSBC. (In Russian)

Bondarenko, O. V., Leonova, M. S. (2010), "Religious identity: explication of the concept", *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, (6), 285-290, EDN: RMSWSR. (In Russian)

Glaziev S. Ju. (2018), "Discovery of the pattern of technological change in the Central Research Institute of the USSR Academy of Sciences", *Ekonomika i matematicheskie metody*, (3), 17-30, DOI: [10.31857/S042473880000655-9](https://doi.org/10.31857/S042473880000655-9), EDN: YLVTID. (In Russian)

Gurevich, P. S. (2010), "Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii", *Voprosy sotsialnoy teorii*, (4), 66, EDN: NQXEKN. (In Russian)

Dmitrieva, E. L. (2013), "Religion in Russia in the era of digitalization (using the example of Orthodoxy and Islam)", *Rossiya i musulmanskaya mir*, (2), 129-136, DOI: [10.31249/rimm/2023.02.10](https://doi.org/10.31249/rimm/2023.02.10), EDN: CZICTB. (In Russian)

Dmitrieva, N. V., Samoylik, N. A. (2013), "Identity Crisis: the Phenomenology of Experience", *MNKO*, (6), 113. (In Russian)

Druker, P. (2020), *Menedzhment. Vyzovy XXI veka* [Management. Challenges of the 21st century], MIF, Moscow, Russia, 118-154. (In Russian)

Kastels, M. (2017), *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kultura* [The information Age. Economy, society and culture], GU VShJe, Moscow, Russia, 608. (In Russian)

Krylov, A. N. (2014), *Religioznaya identichnost. Individualnoe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrialnom prostranstve*

[Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space], Ikar, Moscow, Russia, 356, EDN: XVMYCH. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Nazarov, M. M. (2019), "The dynamics of religiosity in modern Russia (according to research in the metropolitan region)", *Vestnik Rossyskoy akademii nauk*, (11), 1120-1127, DOI: [10.31857/S0869-587389111120-1127](https://doi.org/10.31857/S0869-587389111120-1127), EDN: RNDVMC. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Franchuk, D. V. (2018), "Non-traditional religions and esoteric teachings in the life of Moscow youth (sociological experience)", *Sekulyarizatsiya v kontekste izmereniya religioznykh transformatsiy sovremennogo obshchestva*, (4), 227-242, EDN: YVJJHN. (In Russian)

Lobova, S. V. (2017), "Coupling of the joint economy and media education", *Mediaobrazovanie*, (3), 104-117, EDN: ZENBJH. (In Russian)

Mchedlov, M. P. (2008), "General issues of religious identity. The problem statement, the conditions for its objective analysis", *Elektronnaya biblioteka*, [Online], available at: URL:

https://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obs_hie.pdf (Accessed 26 January 2024). (In Russian)

Ollport, G. V. (1954), *Priroda predubezhdeniya* [The nature of prejudice], New York, 217. (In Russian)

Orekhanov, Ju. L. (2014), "Secularization and Postmodernity: Religious Processes among Young People in Modern Russia and Europe and their socio-theological reflection", *Vestnik PSTGU*, (56), 101-117, DOI: [10.15382/sturI201456.101-118](https://doi.org/10.15382/sturI201456.101-118), EDN: TJQXJD. (In Russian)

Pekonidi, A. V. (2021), "Digital addiction in children and adolescents. Modern diagnostic and treatment strategies", *Russky meditsinsky zhurnal. Meditsinskoe obozrenie*, 5(5), 322-329, DOI: [10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329](https://doi.org/10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329), EDN: RKTLCs. (In Russian)

Piven, A. V., Yanov, I. I. (2022), "Religion in the age of digitalization", *Sotsialno-pravovye preobrazovaniya v sovremennoy Rossii*, (2), 175-178, EDN: KQSTPT. (In Russian)

Pronina, T. S. (2015), "Religious identity as a psychosocial phenomenon", *Vestnik RHGA*, (2), 154-166, EDN: VQFWMD. (In Russian)

Pronina, T. S., Penkov, D. (2019), "The bricolage of religious identities (a study in the Tambov region)", *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, (1), 188-198, EDN: MQXKY. (In Russian)

Puhlyak, A. D. (2020), "Digital addiction: a problem of our time or unjustified fears? ", *Sotsialnaya realnost virtualnogo prostranstva: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The social reality of virtual space: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference], Irkutsk, Russia, 207-210, EDN: RTVVPM. (In Russian)

Ryzhova, S. V. (2006), "On the relationship between Orthodox identity and civic consciousness" in *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii*, [Civil, ethnic, and religious identities in modern Russia], Izd. In-ta sotsiologii RAN, Moscow, Russia, 141-168, EDN: SYPUT. (In Russian)

Smirnov, V. V. (2019), "The phenomenon of digital addiction in the information society (socio-psychological aspect)", *Vysshee obrazovanie segodnya*, (4), 72-76, DOI: [10.25586/RNU.HET.19.04.P.72](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.19.04.P.72), EDN: ZBOEJN. (In Russian)

Smirnov, M. Ju. (2008), "About religious studies, religion and religiosity", *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, (2), 68, EDN: KLSRJT. (In Russian)

Spirkin, A. G. (1972), *Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and self-awareness], Izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia. (In Russian)

Fedorova, M. V. (2020), "Religious identity in the modern digital world", *Sotsiodinamika*, (6), 66-79, DOI: [10.25136/2409-7144.2020.6.33085](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085), EDN: STWURD. (In Russian)

Hashanova, M. T., Vereshhagina, M. V. (2017), "Analysis of classifications and types of religious identity from the perspective of a socio-psychological approach", *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, (12), 13-17, DOI: [10.24158/spp.2017.12.20](https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.20), EDN: YLFQVE. (In Russian)

Chesnova, E. N. (2022), "The specifics of Islam's digitalization and Halal IT", *Islamovedenie*, 13(3), 26-41, DOI: [10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41](https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41), EDN: HNJHFF. (In Russian)

Chipriani, R., Rikuchchi, R. (2020), "Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties", *Research*

Result. Sociology and Management, (3), 4-8, EDN: ZWKKIP. (In Russian)

Shvab, K. (2019), "Globalization 4.0. A new architecture for the Fourth Industrial Revolution", *Evrzyskaya integraciya: Ekonomika, pravo, politika*, (1), 79-84, EDN: QOGCGT. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г. Поступила после доработки 01 июня 2025 г. Принята к печати 10 июня 2025 г.

Received 13 April 2025. Revised 01 June 2025. Accepted 10 June 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Зимова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Natalia S. Zimova, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Social Construction, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Мацнева Елизавета Андреевна, магистр направления «Социология», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Elizaveta A. Matsneva, MA in Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

УДК: 316.61

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-7

Исследовательская статья

Карпова В. М.
Ляликова С. В.
Антонов А. И.

**Факторы субъективного благополучия супругов:
социологический анализ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской –
обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН),
лаборатория исследования здоровья населения и системы здравоохранения,
Нахимовский проспект, дом 32, Москва, 117218, Россия
wmkarpova@yandex.ru

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской –
обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН),
лаборатория исследования здоровья населения и системы здравоохранения,
Нахимовский проспект, дом 32, Москва, 117218, Россия
lyalikova.sociology@yandex.ru

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, дом 1, Москва, 119991, Россия
antonov_ai_@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов, влияющих на субъективное благополучие индивидов в постиндустриальном обществе, характеризующемся высокой степенью нагрузки в различных сферах его жизнедеятельности. Обострение проблем психического здоровья, вызванное пандемией COVID-19, актуализировало необходимость разработки эффективных методов мониторинга эмоционального и психического благополучия населения для предотвращения негативных последствий. Эмпирической базой исследования послужили данные Выборочного исследования состояния здоровья населения, проведенного Росстатом в 2023 году. В рамках опроса применялась адаптированная методика оценки субъективного благополучия ВОЗ (WHO-5). Анализ данных выполнялся с использованием описательной статистики и многомерного регрессионного анализа, что позволило выявить ключевые факторы, влияющие на психическое благополучие респондентов: возраст, пол, занятость, образование, наличие детей, инвалидность и место проживания. Установлено, что женщины и пожилые люди подвержены более высокому риску ухудшения психического состояния, включая развитие депрессии. В то же время наличие постоянной занятости, высшее образование, проживание в сельской местности и отсутствие инвалидности положительно влияют на психическое благополучие респондентов. Особенностью данной работы является то, что изучение субъективного благополучия мужчин и женщин реализуется не только на индивидуальном, но и на семейном уровне, были выявлены гендерные

различия в детерминантах благополучия: занятость и образование мужа оказывают значительное влияние на психическое благополучие жены, тогда как аналогичные характеристики супруги практически не затрагивают состояние мужа. Кроме того, зарегистрированный брак оказывает положительное влияние на субъективное благополучие именно жен. Авторы подчеркивают значимость системного подхода при разработке мер психологической поддержки семей, а также призывают уделить особое внимание социально уязвимым группам с целью профилактики риска развития депрессивных состояний и минимизации их последствий.

Ключевые слова: субъективное благополучие; психическое здоровье; WHO-5; факторы психического благополучия; семья

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00942 «Эмоциональное здоровье жителей России (состояние и динамика за 26 лет)».

Информация для цитирования: Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Факторы субъективного благополучия супругов: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 102-119. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-7.

Research article

Vera M. Karpova
Sofia V. Lyalikova
Anatoly I. Antonov

Factors of subjective well-being of spouses:
sociological analysis

Institute of Socio-Economic Problems of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Laboratory for the Study of Population Health and the Health System,
32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russia
wmkarpova@yandex.ru

Institute of Socio-Economic Problems of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Laboratory for the Study of Population Health and the Health System,
32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russia
lyalikova.sociology@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Abstract. This article is dedicated to the study of factors influencing individuals' subjective well-being in post-industrial society, characterized by high levels of stress across various aspects of life. The exacerbation of mental health issues, caused by the COVID-19 pandemic, highlighted the need to develop effective methods for monitoring emotional and mental well-being to prevent negative outcomes. The empirical basis of the research is data from the Health Status Survey, conducted by Rosstat in 2023. An adapted version of the WHO-5 subjective well-being scale was used in the survey. Data analysis was performed using descriptive statistics and multivariate regression analysis, which helped identify key factors affecting

respondents' mental well-being: age, gender, employment, education, children, disability, and place of residence. It was found that women and older individuals are at a higher risk of mental health deterioration, including depression. At the same time, stable employment, higher education, living in rural areas, and the absence of disability positively affect respondents' mental well-being. A distinctive feature of this work is that the study of subjective well-being among men and women is conducted not only at the individual level but also at the family level. Gender differences in the determinants of well-being were identified: the employment and education of the husband have a significant impact on the mental well-being of the wife, while similar characteristics of the wife do not notably affect the husband's well-being. Moreover, a registered marriage has a positive impact on the subjective well-being of wives. The authors emphasize the importance of a systematic approach in developing psychological support measures for families and call for particular attention to be paid to socially vulnerable groups to prevent the risk of depression and minimize its consequences.

Keywords: subjective well-being; mental health; WHO-5; factors of mental well-being, family

Acknowledgment: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project №23-28-00942 "Emotional health Russian residents (state and dynamics over 26 years)".

Information for citation: Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Antonov, A. I. (2025), "Factors of subjective well-being of spouses: sociological analysis", *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 102-119, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-7.

Введение (Introduction). На данный момент в научном дискурсе отсутствует общепризнанная трактовка понятия «субъективное благополучие». Однако изучение благополучия как феномена остается актуальной темой многочисленных исследований в таких областях, как психология, социология и медицина (Baldwin, Sinclair, Simons, 2021). Субъективное благополучие часто отождествляют с «психологическим благополучием», «эмоциональным самочувствием» и «эмоциональным благополучием». В большинстве подходов при анализе структуры субъективного благополучия выделяют трехкомпонентную модель, включающую: эмоциональный компонент (устойчивый и спокойный эмоциональный фон с преобладанием позитивных эмоций), социальный (способность устанавливать и поддерживать доверительные отношения с окружающими) и смысловой (осознание целей жизни, стремление к их достижению, личностный рост и

саморазвитие) (Скорынин, 2020). Традиционно субъективное благополучие анализируют с точки зрения разделения сложных психологических явлений на три составляющие: когнитивную, эмоциональную и поведенческую (Григорова, 2019). Теоретические основы осмысления феномена психологического благополучия были заложены американским психологом Н. Брэдберном и получили развитие в работах Э. Динера. Согласно Динеру, субъективное благополучие включает три компонента: удовлетворенность жизнью, комплекс положительных эмоций (pleasant affect) и комплекс отрицательных эмоций (unpleasant affect) (Орлова, 2015).

В отечественных исследованиях психологическое благополучие рассматривается как один из компонентов психического здоровья. При этом подчеркивается его нравственная направленность, а также способность человека решать возникающие жизненные проблемы с учетом не только личного

благополучия, но и благополучия окружающих (Дубровина, 2020). Схожая позиция отражена в определении психического здоровья, предложенном международным коллективом исследователей, в работе подчеркивается, что психическое здоровье – это «динамическое состояние внутреннего равновесия, позволяющее человеку использовать свои способности в гармонии с общечеловеческими ценностями» (Galderisi, Heinz, Kastrup, Beezhold, Sartorius, 2015: 232).

Таким образом, субъективное благополучие с психологической точки зрения представляет собой сложную многоуровневую структуру, изучение которой может осуществляться путем операционализации отдельных компонентов. С другой стороны, во многих социологических и медицинских исследованиях существует потребность в оценке общего уровня психического благополучия респондентов без детального анализа его составляющих. Именно для таких задач была разработана методика WHO-5 – краткая (5 вопросов) обобщающая шкала, позволяющая измерять психическое благополучие путем субъективных оценок отдельных его компонентов. При анализе данных, полученных при помощи этой методики, субъективное и психическое благополучие могут быть использованы как синонимы. Изначально разработка данной шкалы преследовала две цели. Во-первых, необходимо было создать инструмент для оценки динамики общего состояния пациентов независимо от конкретного заболевания, в рамках которого проводилось лечение. Во-вторых, требовалась методика, позволяющая проводить измерения среди всего населения, что позволило бы отслеживать динамику субъективного благополучия пациентов и соотносить его значения со средними показателями, рассчитанными для населения в целом (Ware, 1995).

Методология и методы (Methodology and Methods). Изучение субъективного благополучия, представленное в данной работе, основывается на использовании методики WHO-5 и представляет собой общий анализ, осуществленный без выделения отдельных компонентов и интерпретации субъективного благополучия. Впервые данная методика была представлена на конгрессе ВОЗ в 1998 году, как часть проекта по оценке благополучия пациентов первичной медико-санитарной помощи. В настоящее время шкала WHO-5 переведена на более чем 30 языков и используется для оценки субъективного благополучия в исследованиях по всему миру (Topp, Østergaard, Søndergaard, Bech, 2015). Исторически шкала WHO-5 является сокращенной версией более ранних шкал WHO-10 и WHO-28, которые были разработаны на основе опросников, посвященных оценке наличия депрессии, дистресса, тревожности, а также вопросов об общем психологическом благополучии индивидов (Bech, 1993).

Несмотря на активное изучение субъективного благополучия и его факторов в рамках социологических исследований (Авдеев, Аллардт, Беляева и др., 2021), на данный момент анализ, осуществленный на уровне семьи, где в качестве факторов рассматриваются не только индивидуальные характеристики респондентов, но и характеристики семьи как целого, не проводился. Семья, безусловно, является одним из значимых факторов субъективного благополучия, однако изучение ее влияния исключительно сквозь призму наличия у респондентов семьи и детей представляется недостаточным. Подход, предложенный в данной работе, позволяет проанализировать не только влияние наличия семьи и ее характеристик на субъективное благополучие супругов, но и дает представление о взаимном влиянии супругов друг на друга. То есть проводится анализ благополучия супругов

в семье с учетом общности их семейного «Мы», а не как суммы двух независимых «Я».

Эмпирическую основу составили материалы Выборочного исследования состояния здоровья населения (СЗН), проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстат) в 2023 году. В рамках данного исследования собиралась информация о состоянии здоровья всех членов домохозяйств. Общий охват исследования составил 60 тысяч домохозяйств, а его результаты представительны по России в целом. В исследовании СЗН-2023 была использована адаптированная (переведенная на русский язык) методика оценки психического благополучия населения, разработанная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 1990-х годах – WHO-5¹. Данная методика включает пять утверждений, каждое из которых оценивается респондентом по шестибальной шкале (от 0 до 5 баллов), где более высокие баллы указывают на лучшее психическое благополучие. Для анализа полученных ответов применялся стандартный подход, рекомендованный ВОЗ: оценки по всем шкалам суммировались и умножались на 4, что позволяло получить итоговый показатель психического благополучия в диапазоне от 0 до 100.

Помимо фактического уровня психического благополучия анализировались пограничные значения, свидетельствующие о возможных рисках развития депрессивных состояний. Так, респонденты, набравшие менее 50 баллов по шкале WHO-5, считаются подверженными риску развития или наличия депрессии (Seb-Akahomen, Okogbenin, Obagaye, Erohubie, Aweh, 2021) и, согласно рекомендациям ВОЗ,

нуждаются в дополнительной диагностике их психического здоровья. Респонденты, набравшие менее 28 баллов, могут иметь высокую вероятность наличия депрессивного расстройства личности (Löwe, Spitzer, Gräfe, Kroenke, Quenter, Zipfel, Buchholz, Witte, Herzog, 2004).

Многочисленные исследования подтвердили, что шкала психического благополучия WHO-5 является эффективным инструментом скрининга, позволяющим оперативно оценивать психоэмоциональное состояние населения как в целом, так и в отдельных социальных группах, определяя также категории населения, нуждающиеся в тщательной оценке психического здоровья, в том числе с привлечением специалистов (Bech, 2004). Следует подчеркнуть, что данный инструмент применяется как для оценки уровня психического благополучия в стране (Ahrendt, Mascherini, Nivakoski, Sandor, 2021), так и для анализа отдельных категорий населения, включая лиц, страдающих различными заболеваниями (см. об этом: Hajos, Pouwer, Skovlund, et al., 2013; Ismail, Lange, Gillig, Zinken, Schwabe, Stiesch, Eisenburger, 2017).

Анализ результатов исследования проводился в двух основных направлениях. Во-первых, рассматривались индивидуальные ответы респондентов, осуществлялось сравнение уровня их психического благополучия и риска развития или наличия клинической депрессии как в целом, так и в разрезе социально-демографических групп. Дополнительно был проведен регрессионный анализ, позволивший выявить социально-демографические факторы, влияющие на психическое благополучие на индивидуальном уровне. Вторым направлением исследования стало рассмотрение субъективного благополучия внутри семьи и выявление общесемейных факторов, оказывающих на него влияние. Для этого из общей совокупности респондентов были выделены нуклеарные семьи (супруги и их дети, если таковые

¹ The World Health Organization-Five Well-Being Index (WHO-5). 2 October 2024. Geneva: World Health Organization. 02.10.2024. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/WHO-UCN-MSD-MHE-2024.01> (10.09.2024).

имеются), для которых регрессионный анализ факторов субъективного благополучия проводился как с учетом личных характеристик респондентов, так и характеристик супруга. Подобный подход позволил изучить влияние семейных факторов на субъективное благополучие не как простую сумму двух независимых индивидуальных состояний, а как систему

взаимосвязанных элементов, отражающих семейное МЫ.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В таблице 1 представлены основные характеристики двух выборочных совокупностей респондентов, для которых проводился анализ факторов психического (субъективного) благополучия.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов, в %

Table 1

Socio-demographic characteristics of respondents, %

Переменная / Variable		Общая выборка / Total sample			Семейная подвыборка / Family subsample	
		Всего / Total	Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужья / Husbands	Жены / Wives
Пол / Sex	Мужской	41,1	100,0	-	100,0	-
	Женский	58,9	-	100,0	-	100,0
Уровень образования / Education level	Среднее и ниже	68,4	71,8	66,0	70,4	61,8
	Высшее	31,6	28,2	34,0	29,6	38,2
Занятость / Employment	Не работаю	42,6	35,5	47,5	31,5	39,2
	Работаю	57,4	64,5	52,5	68,5	60,8
Наличие инвалидности / Having a disability	Да	8,7	8,8	8,6	8,1	5,3
Семейное положение / Marital status	Зарегистрированный брак	51,4	61,9	44,0	91,2	
	Незарегистрированный брак	5,0	6,0	4,3	8,8	
	Вдовец/вдова	16,9	6,7	24,2	-	
	Разведен (а) / Разошелся (лась)	15,2	11,4	17,9		
	Никогда не состоял(а) в браке	11,5	14,0	9,6		
Наличие и число детей / Number of children	Нет детей	58,2	57,1	59,0	55,7	
	1 ребенок	27,9	27,5	28,1	26,0	
	2 детей	10,7	11,7	10,0	13,9	
	3+ детей	3,2	3,7	2,9	4,4	
Среднедушевой доход / Average per capita income	До 30 т.р.	23,7	17,3	28,2	9,5	
	30 - 60 т.р.	42,4	44,0	41,2	49,1	
	60+ т.р.	33,9	38,7	30,6	41,4	
Тип населенного пункта / Type of locality	Город	68,3	67,4	68,9	68,0	
	Село	31,7	32,6	31,1	32,0	

Первая подвыборка включает 98190 респондентов в возрасте 18 лет и старше и является репрезентативной для населения России. Для проведения анализа на уровне семьи было отобрано 25051 нуклеарных семей, состоящих из супружеской пары и детей (при наличии). Из исследования исключены супружеские пары, проживающие в расширенных семьях или сложных домохозяйствах, с целью устранения возможного влияния других взрослых членов домохозяйства на субъективное благополучие супругов. Доля таких семей невелика (не более 2% от общего числа домохозяйств). Также за рамками исследования остались одинокие родители, воспитывающие детей в неполных семьях, так как основной целью анализа на семейном уровне являлось изучение взаимного влияния супругов на субъективное благополучие друг друга.

В связи с возрастным ограничением респондентов (старше 18 лет) женщин в общей выборке больше, чем мужчин (58,9%), средний возраст респондентов – 51,8 лет, большая часть участников исследования имеет образование не выше среднего (68,4%), проживает в городах (68,3%). Постоянную занятость имеют 57,4%. Половина опрошенных состоит в зарегистрированном браке (51,4%), у 58,2% нет детей, проживающих в одном домохозяйстве с родителями. Сравнение характеристик выборки с актуальной ситуацией в стране демонстрирует типичные отличия в возрасте и семейном положении респондентов: женщины в среднем старше мужчин, и среди них значительно больше вдов. Этот дисбаланс объясняется существенным превышением ожидаемой продолжительности жизни женщин по сравнению с мужчинами, что приводит к их численному преобладанию в старших возрастных когортах.

В семейной подвыборке (домохозяйства, состоящие из родителей и их детей (при наличии)) 91,2% образованы супружеской парой, состоящей в зарегистрированном браке. Сравнение

распределений по уровню образования, занятости и среднему возрасту с характеристиками общей выборки показывает, что среди семейных респондентов больше тех, кто работает, уровень образования несколько выше, а средний возраст ниже. Причем если в общей выборке женщины в среднем старше мужчин (53,0 лет к 49,8 лет), то в семейной подвыборке наоборот (49,5 лет к 51,9 лет). Это связано, прежде всего, с исключением из анализа домохозяйств, состоящих из одиноких вдов.

Для всех респондентов была проведена оценка уровня психического благополучия по шкале WHO-5. Используемая шкала показала очень высокий уровень внутренней согласованности – коэффициент альфа Кронбаха составил 0,935. Применение процедуры поочередного исключения каждого из пяти вопросов, используемых для расчета индекса, показало, что последнее утверждение «Каждый день со мной происходят вещи, представляющие для меня интерес» приводит к росту согласованности шкалы (альфа Кронбаха увеличивается до 0,948). Однако при столь высоких показателях внутренней согласованности теряется смысл использования пяти вопросов вместо одного, так как их взаимная корреляция говорит о чрезмерной близости измерений. Поэтому для дальнейших расчетов использовалась полная шкала WHO-5, что также позволило осуществлять сравнения с данными других исследований.

Общий уровень психического благополучия в выборке оказался достаточно высоким: 65,6 баллов из 100 максимально возможных, причем показатели мужчин статистически значимо ($p < 0,001$) выше, чем у женщин (см. Таблица 2). Использование полученных оценок по шкале WHO-5 в качестве скринингового инструмента для выявления риска депрессии, показало, что у 76,9% респондентов такой риск отсутствует, причем среди мужчин этот показатель

статистически значимо выше, чем среди женщин ($\chi^2=435,21$, $p<0,001$). Сравнение ответов респондентов из разных групп по уровню риска депрессии на прямой вопрос о том, испытывают ли они тревогу и депрессию, показывает, что в группе с высоким риском депрессии 21,4% испытывают сильную, а 60,1% умеренную тревогу или депрессию. В группе

респондентов без риска депрессии (свыше 50 баллов по шкале WHO-5) наоборот, 75,2% не испытывают тревоги и депрессии, а 24,0% сталкиваются с этими чувствами в умеренном масштабе. То есть наблюдается прямая взаимосвязь данной методики с самооощущением респондентов, что еще раз подтверждает ее валидность.

Таблица 2

Уровень психического благополучия и риска развития депрессии в зависимости от пола для населения 18 лет и старше

Table 2

Level of mental well-being and risk of developing depression depending on gender for the population aged 18 years and older

Вероятность депрессии / The likelihood of depression	Индивидуальный уровень / Individual level			Семейный уровень / Family level	
	Всего / Total	Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужья / Husbands	Жены / Wives
Средний уровень ПБ по шкале (0-100 баллов) / The average level of psychological well-being on the scale (0-100 points)	65,6	67,7	64,1	67,2	67,2
Нет риска депрессии (51+ баллов) / No risk of depression (51+ points)	76,9%	80,2%	74,5%	80,9%	81,0%
Есть риск депрессии (29-50 баллов) / There is a risk of depression (29-50 points)	18,8%	16,3%	20,6%	15,9%	16,6%
Существенный риск депрессии (28 баллов и менее) / Significant risk of depression (28 points or less)	4,3%	3,5%	4,9%	3,2%	2,4%

Сравнение полученных результатов с результатами, полученными в других странах, показывает довольно высокий уровень субъективного благополучия российского населения. Несмотря на то, что чаще всего методика WHO-5 применяется для оценки психического благополучия в специализированных исследованиях, существует ряд замеров на общенациональном уровне. Согласно данным европейского исследования

качества жизни за 2016 год¹, средний уровень субъективного благополучия среди всего населения ЕС составил 64 балла (среди женщин этот показатель оказался ниже, чем среди мужчин – 62

¹ European Quality of Life Survey (2016), [Online], available at: <https://www.eurofound.europa.eu/en/data-catalogue/european-quality-life-survey-4th-round-2016/who-5-mental-well-being-scale-eqlsr4> (Accessed 4 November 2024).

балла против 66). Другие более ранние исследования, проведенные в Европейских странах, дают несколько более высокие результаты: в Дании в 2003 году было зафиксировано значение индекса 68,7 (Bech, 2003), в Ирландии в 2009 году – 67,84 в пересчете по эквивалентной 100-балльной шкале (Delaney, 2009). Последние исследования, проведенные в Европе в 2022 году, демонстрируют существенное снижение уровня субъективного благополучия населения, что связывается прежде всего с последствиями пандемии COVID-19, а также с ростом неуверенности из-за ситуации на Украине².

Возраст является одним из ключевых факторов, негативно влияющих на уровень

психического благополучия (см. Рисунок). Молодые респонденты демонстрируют самые высокие показатели психического благополучия (средний балл по шкале WHO-5 составил 80,3 из 100, доля лиц с риском развития депрессии не превышает 4,5%). В каждой последующей возрастной когорте снижается средний балл, полученный по шкале психического благополучия, и увеличивается доля респондентов с риском депрессии, достигая максимума в группе лиц старше 70 лет. Здесь более чем у половины респондентов (57,0%) существует риск развития депрессии (значение индекса благополучия не более 50 баллов), а для 15,2% этот риск очень высокий (менее 29 баллов по шкале WHO-5).

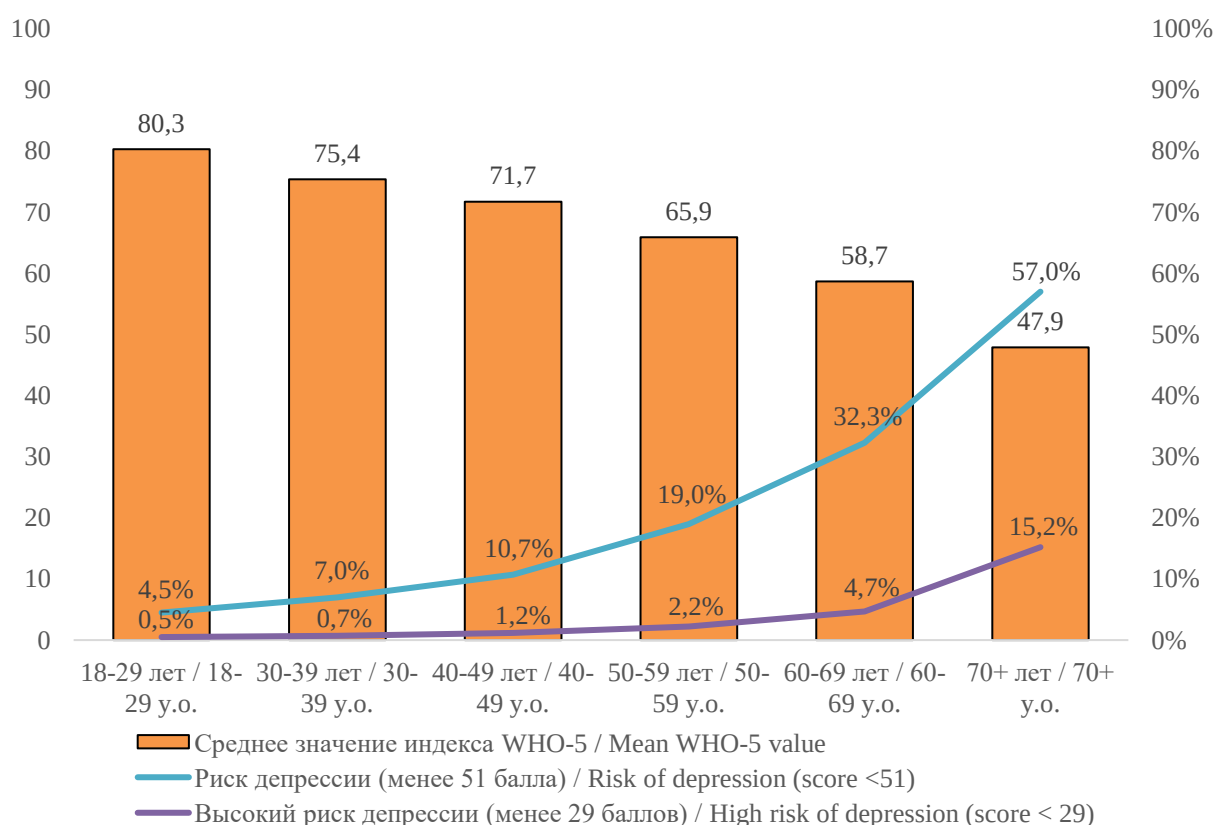

Рисунок. Зависимость психического благополучия от возраста
Figure. Dependence of mental well-being on age

² Fifth round of the Living, working and COVID-19 e-survey: Living in a new era of uncertainty (2022), Eurofound, Publications Office of the European Union, Luxembourg.

К другим значимым факторам психического благополучия относятся образование, доход, наличие занятости, место проживания и семейное положение. Респонденты с высшим образованием, с более высоким уровнем дохода, занятые и проживающие в сельской местности имеют более высокие средние оценки по шкале психического благополучия и меньший риск развития депрессии. Также была зафиксирована взаимосвязь с семейным положением, однако она носит

более сложный характер – меняется в зависимости от возраста (см. Таблица 3). В самой молодой возрастной когорте (18-29 лет) наиболее высокие значения показателя достигаются среди не состоящих в браке (81,8), уровень их психического благополучия на статистически значимом уровне выше в сравнении с лицами, состоящими в зарегистрированном или незарегистрированном браке, а также разведенными.

Таблица 3

Взаимосвязь психического благополучия и семейного положения
в разных возрастных группах

Table 3

The relationship between mental well-being and marital status
in different age groups

Возраст / Age	Состоит в зарегистрирова нном браке / Married in a registered marriage	Состоит в незарегистриров анном браке / Married in an unregistered marriage	Вдовец/ вдова / Widower/ Widow	Разведен (а) / Разошелся (лась) / Divorced /Separated	Никогда не состоял(а) в браке / Never been married
	A	B	C	D	E
18-29 лет	78,8	78,7	75,3	77,5	81,8 ABD
30-44 лет	75,1 BD	73,6	72,9	72,9	74,6 D
45-59 лет	68,5 BCDE	66,8 CE	65,0	66,6 CE	64,8
60+ лет	56,4 C	56,2 C	49,8	56,9 CE	54,6 C

Примечание: в ячейках отмечены статистически значимые ($p < 0,05$) отличия по результатам t-теста с поправкой Бонферрони на множественные сравнения. Приводятся те буквенные обозначения столбцов, в которых среднее значение статистически значимо меньше, чем в рассматриваемой ячейке.

В возрасте 30-44 лет наиболее высокий уровень психического благополучия характеризует состоящих в зарегистрированном браке (75,1), стоит подчеркнуть, что он значимо выше, чем

среди сожительствующих и разведенных респондентов. Следует упомянуть, что в возрастных группах до 44 лет доля вдов и вдовцов незначительна, поэтому отличия не отмечены как статистически значимые,

хотя минимальный уровень психического благополучия достигается у респондентов именно с выделенным семейным положением.

Для респондентов в возрасте 45-59 лет наиболее благополучным также является наличие зарегистрированного брака (68,5), причем этот уровень статистически значимо выше по сравнению со всеми остальными группами по семейному положению. Также можно отметить, что минимальные значения, статистически значимо меньшие, чем во всех остальных группах достигаются среди вдовых и никогда не состоявших в браке.

В наиболее старшей возрастной когорте на фоне всех остальных показателей выделяется (статистически значимо) самый низкий уровень психического благополучия среди вдовствующих респондентов (49,8), что может быть вызвано травмирующими переживаниями смерти супруга, негативное влияние которых оказывается даже сильнее, чем отсутствие опыта супружеской жизни или развод. Статистически значимых различий между наличием зарегистрированного брака, незарегистрированного брака или развода не наблюдается.

Регрессионные модели.

Закономерности, выявленные на основе анализа двумерных распределений, зачастую зависели от возраста респондентов, поэтому для более подробного рассмотрения взаимосвязи психического благополучия с различными социально-демографическими характеристиками были построены регрессионные модели как на индивидуальном уровне, так и на уровне семьи, где анализировались связи для каждого из супругов в отдельности (см.табл.4).

Индивидуальный уровень. Если говорить о личном уровне психического благополучия, то необходимо напомнить, что наиболее значимым фактором его снижения является возраст – с каждым

годом в среднем при прочих равных психическое благополучие снижается на 0,49 балла по 100-балльной шкале. К положительным факторам психического благополучия можно отнести высшее образование (рост на 2,21 балла) и увеличение уровня дохода (разница между группами с доходом до 30 т.р. и свыше 60 т.р. составляет 1,77 балла). Семейное положение оказывает положительное влияние на уровень психического благополучия, если брак официально зарегистрирован, однозначно в интерпретации (в отличие от сожительства, при котором мужчина и женщина могут характеризовать свое семейное положение по-разному) и не связано с переживанием потери. Так уровень психического благополучия выше среди тех, кто никогда не состоял в браке или состоит в зарегистрированном союзе, по сравнению со всеми остальными брачными статусами (в среднем на 0,6 – 1,2 пунктов из максимально возможных 100). Значимое влияние также оказывает отсутствие постоянной занятости, которое может приводить к снижению уровня психического благополучия на 3,26 балла. Наличие детей, проживающих вместе с родителями, имеет нелинейное влияние на уровень психического благополучия: более высокие значения показателя достигаются в домохозяйствах, где детей нет, а также в тех, где трое и более детей. Наличие 1-2 детей при этом характеризуется более низким уровнем психического благополучия. Низкий уровень среднедушевого дохода (менее 30 тысяч рублей), отсутствие высшего образования и проживание в городе приводит к снижению уровня психического благополучия, показатели которого оказываются также ниже среди женщин (на 1,46 пункта). Однако наибольшее влияние среди всех выделенных факторов имеет характеристика физического состояния, а именно наличие инвалидности, которое приводит к

снижению психического благополучия сразу на 11,55 баллов.

Сравнение полученных результатов с оценками факторов удовлетворенности жизнью показывает стабильность и значимость влияния пола, возраста, материального положения, наличия инвалидности (Назарова, 2023). Многие исследования подтверждают важность постоянной занятости для эмоционального и психического благополучия (Rosenthal, Carroll-Scott, Earnshaw, Santilli, Ickovics, 2012), отмечая, что состояния тревожности и более высокий уровень стресса свойственны в первую очередь безработным (Уваров, 2007).

Результаты сравнения психического благополучия в зависимости от типа населенного пункта отличаются от результатов, полученных при исследовании уровня удовлетворенности жизнью (Назарова, 2023). Однако более глубокий анализ показывает противоречивость результатов изучения взаимосвязи уровня удовлетворенности жизнью среди представителей городского и сельского населения (Антипина, Хомутов, 2024). Таким образом, наблюдаемые отличия могут быть

вызваны, как различием оцениваемых параметров (уровень удовлетворенности жизнью коррелирует с психическим благополучием, но не является тождественным показателем), так и в нестабильности получаемых результатов, даже при семантически более близких показателях или при проведении замеров в разные периоды времени (Назарова, 2023:12). Исследования, которые демонстрируют взаимосвязь уровня психического благополучия с типом населенного пункта, показывают, что она может варьироваться в зависимости от набора других социально-демографических характеристик, включаемых в регрессионную модель (Atherton, Willroth, Graham, Luo, Mroczek, Lewis-Thames, 2024).

Предыдущие исследования показали, что влияние социально-демографических факторов на уровень счастья у мужчин и женщин может быть различным (Zweig, 2015), поэтому в данном исследовании для определения специфики и степени влияния различных факторов на уровень психического благополучия для мужчин и женщин были построены отдельные модели для каждого пола (см. Таблица 4).

Таблица 4

Регрессионные модели уровня психического благополучия (WHO5)
индивидуальный и семейный уровень анализа

Table 4

Regression models of the mental well-being level (WHO5) individual and family level of analysis

Переменная / Variable		Индивидуальный уровень / Individual level			Семейный уровень / Family level	
		Всего / Total	Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужья / Husbands	Жены / Wives
Пол / Sex	Мужской	1,46***	-	-	-	-
Семейное положение / Marital status	Никогда не состоял(а) в браке	0,19	0,78†	-0,19	-	-
	Разведен (а) / Разошелся (лась)	-0,64**	-0,69†	-0,5†	-	-
	Вдовец/вдова	-1,26***	-2,01***	-1,15***	-	-
	Незарегистриро ванный брак	-1,20***	-0,77†	-1,59***	-0,59	-1,11*

Доход / Revenue	До 30 т. р.	-1,77***	-1,43***	-2,00***	-1,80***	-2,17***
	30-60 т. р.	-0,30†	-0,13	-0,38†	-0,39	-0,63†
Наличие детей / The presence of children	Нет детей	-0,35	-0,81	0,13	-0,43	0,02
	1 ребенок	-1,65***	-1,83**	-1,40*	-1,89**	-1,44*
	2 детей	-1,14*	-1,24†	-1,01†	-1,14	-0,97
Тип населенного пункта / Type of locality	Город	-1,47***	-1,96***	-1,13***	-1,82***	-1,76***
Занятость / Busyness	Не работает	-3,26***	-3,88***	-2,77***	-3,88***	-3,01***
	Не работает супруг	-	-	-	-0,18	-1,15**
Образование / Education	Среднее образование	-2,21***	-2,48***	-2,10***	-2,15***	-1,09***
	Среднее образование у супруга	-	-	-	-0,24	-1,56***
Инвалидност ь / Disability	Наличие инвалидности (есть)	11,55***	13,25***	10,29***	12,04***	9,77***
	Наличие инвалидности у супруга (есть)	-	-	-	0,28	1,62**
Возраст (лет) / Age (years)		-0,49***	-0,48***	-0,51***	-0,47***	-0,44***
Константа / The constant		85,60***	85,45***	86,68***	85,41***	82,89***

Примечания: † $p < 0,05$; * $p < 0,01$; ** $p < 0,001$; *** $p < 0,0001$. В ячейках указаны значения коэффициентов регрессионных моделей. Референтные значения: Пол – женский, Семейное положение – зарегистрированный брак, доход – 60+ т. р., Наличие детей – 3+ детей, Тип населенного пункта – сельская местность, Занятость – работает, Образование – высшее образование, Инвалидность – нет инвалидности.

Сравнение коэффициентов регрессионных моделей проводилось при помощи z-теста. Результаты сравнения показали, что в целом для обоих полов одни и те же факторы сохраняют свою значимость, выявленную еще на общем уровне. Однако степень влияния некоторых из них отличается. Для мужчин семейный статус «никогда не состоял в браке» приводит к незначительному росту уровня психического благополучия по сравнению с состоянием в зарегистрированном браке, в то время как

для женщин разницы между этими двумя статусами не отмечается. В свою очередь для женщин негативное влияние статуса вдовы сильнее, чем вдовца для мужчин. Для мужчин по сравнению с женщинами, более существенно негативное влияние отсутствия работы, проживания в городе и наличия инвалидности, в то время как для женщин более ощутимо сказывается возраст (отличие в 0,03 пункта хоть и небольшое по величине, но статистически значимое).

Семейный анализ. В рамках регрессионного анализа, проведенного на уровне семьи, факторами субъективного благополучия супругов выступали не только индивидуальные, но и общесемейные характеристики, а также использовались некоторые характеристики супруга. Так, семейное положение, уровень среднедушевого дохода, тип населенного пункта, наличие и число детей были общей характеристикой семьи и принимали одинаковые значения для супругов. На индивидуальном уровне учитывались занятость, уровень образования, возраст и наличие инвалидности.

Аналогичные характеристики супруга (за исключением возраста) также были включены в модель.

Результаты анализа показали, что набор и степень влияния социально-демографических факторов на субъективное благополучие супругов различно. Общими негативными факторами для обоих супругов являются: низкий уровень дохода, наличие единственного ребенка (по сравнению с многодетностью), проживание в городе, отсутствие занятости, более низкий уровень образования, наличие инвалидности и увеличение возраста. Исследование показало, что сохраняются закономерности, выявленные при индивидуальном анализе, однако особый интерес представляют именно отличия в закономерностях, выявленных для супругов. Для женщин, состоящих в незарегистрированном браке, уровень субъективного благополучия оказывается на 1,11 балла ниже по сравнению с официально зарегистрированным союзом, в то время как для мужчин данный фактор не является статистически значимым. Низкий уровень семейного дохода оказывает более сильное влияние на жен, нежели на мужей, а индивидуальный уровень занятости, уровень образования и наличия инвалидности влияют в меньшей степени. Знаковым отличием в факторах субъективного благополучия супругов

является влияние не личных характеристик респондентов, а характеристик супруга. Так, для женщин отсутствие занятости мужа, его более низкий образовательный статус и наличие инвалидности оказываются значимыми факторами субъективного благополучия, снижая его уровень на 1,15 балла в случае отсутствия занятости, на 1,56 балла – при среднем уровне образования, и на 1,62 балла – при наличии инвалидности у мужа. В то время как для мужей ни одна из данных характеристик супруги не имеет статистически значимого влияния на уровень субъективного благополучия. Другими словами, женщины в семьях в большей степени эмоционально вовлечены в семейную жизнь, и их субъективное благополучие зависит и от состояния супруга, в то время как для мужчин характерна эмоциональная независимость от семейных характеристик, но при этом влияние личных характеристик существенно выше.

Закключение (Conclusions). Подводя итог проведенному анализу, можно отметить, что методика оценки психического благополучия WHO-5 демонстрирует высокий уровень согласованности шкал, хорошо соотносится с данными более сложных методик измерения психического здоровья и, как показано во множестве исследований (в том числе в сфере психиатрии), является эффективным скрининговым инструментом для выявления риска и наличия депрессии.

В целом уровень субъективного благополучия населения России довольно высокий и сопоставим со среднеевропейскими показателями. Одним из наиболее важных факторов изменения субъективного благополучия является возраст (коэффициент корреляции Пирсона $-0,533$): с ростом возраста уровень психического благополучия снижается. Взаимосвязь с другими характеристиками также прослеживается, что показано в рамках построения

регрессионных моделей. Факторами риска ухудшения психического благополучия являются отсутствие занятости, более низкий уровень образования, проживание в городе, низкий уровень дохода и наличие инвалидности. Женщины демонстрируют более низкие баллы по шкале психического благополучия, чем мужчины, что может быть вызвано большей подверженностью стрессу, причем в первую очередь повседневному (Савенышева, Головей, Петраш, Стрижицкая, 2019).

Анализ факторов субъективного благополучия супругов в семье показывает сохранение большинства закономерностей, выявленных на индивидуальном уровне. Однако для жен отмечается наличие взаимосвязи с характеристиками супруга (его занятостью, уровнем образования, наличием инвалидности), в то время как для мужчин характерно более сильное влияние индивидуальных характеристик, при отсутствии зависимости от характеристик супруги. Это свидетельствует о большей эмоциональной и психологической вовлеченности женщины в семейную систему, что с одной стороны способствует сплочению семьи, а с другой – ставит женщину в более уязвимое положение.

В данной работе при анализе субъективного благополучия супругов их семья рассматривается как единое целое, что позволяет оценивать влияние не только индивидуальных характеристик, но и взаимное влияние супругов друг на друга в их единстве и взаимодействии в рамках семейного МЫ. Перспективным направлением дальнейших исследований является включение в анализ характеристик благополучия детей и их связи с особенностями семьи и взаимодействием с родителями. Такой подход позволит более полно исследовать субъективное благополучие членов семьи как части единой семейной системы.

Список литературы

Авдеев Е. А., Аллардт Э., Беляева Л. А. и др. Социологические подходы к изучению социального благополучия / под ред. М. Ф. Черныша, Ю. Б. Епихиной. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021). ISBN: 978-5-89697-377-5. EDN: LHJSQX.

Антипина О. Н., Хомутов А. А. Как удовлетворенность жизнью зависит от типа населенного пункта? // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 2. С. 103-115. DOI: [10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115). EDN: DSNLEU.

Григорова Ю. Б. Структура эмоционального благополучия // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 1 (26). С. 331-334. DOI: [10.26140/anip-2019-0801-0082](https://doi.org/10.26140/anip-2019-0801-0082). EDN: ZAAJBR

Дубровина И. В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития // Вестник практической психологии образования. 2020. № 17 (3). С. 9-21. EDN: YHWSRS.

Назарова И. Б. Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью: анализ российских данных за 1994-2021 годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 3-16. DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2433](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2433). EDN: YQRIAB.

Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. 28-36. EDN: ULXSTX.

Савенышева С. С., Головей Л. А., Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю. Самоактуализация, психологическое благополучие и повседневный стресс в период взрослости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (1). С. 130-140. DOI: [10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140). EDN: VTIVCJ.

Скорынин А. А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 2. С. 87-93.

DOI: [10.24411/2712-827X-2020-10210](https://doi.org/10.24411/2712-827X-2020-10210).

EDN: NEUYQO.

Уваров Д. Ю. Социально-гигиеническая характеристика психического здоровья безработных (на примере Хабаровского края). Автореф. дис. ... канд. мед. наук, ГОУ ВПО ДВГМУ Росздрава. Хабаровск. Российская Федерация. 2007. EDN: NPSQIT

Ahrendt D., Mascherini M., Nivakoski S. and Sandor E. Living, working and covid-19 (Update April 2021): mental health and trust decline across EU as pandemic enters another year // Eurofound. Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2021. DOI: [10.2806/76802](https://doi.org/10.2806/76802).

Atherton O. E., Willroth E. C., Graham E. K., Luo J., Mroczek D. K. and Lewis-Thames M. W. Rural-urban differences in personality traits and well-being in adulthood // Journal of personality. 2024. Vol. 92, № 1. Pp. 73-87. DOI: [10.1111/jopy.12818](https://doi.org/10.1111/jopy.12818).

Baldwin D., Sinclair J. and Simons G. (2021), What is mental wellbeing? // BJPsych Open. 2021. № 7 (S1). Pp. 236-236. DOI: [10.1192/bjo.2021.631](https://doi.org/10.1192/bjo.2021.631).

Bech P. Rating Scales for Psychopathology. Health Status and Quality of Life. A Compendium on Documentation in Accordance with the DSM-III-R and WHO Systems, Berlin, Springer, 1993.

Bech P. Measuring the dimensions of psychological general well-being by the WHO-5 // QoL Newslett. 2004. № 32. Pp. 15-16.

Bech P., Olsen L., Kjoller M. and Rasmussen N. Measuring well-being rather than the absence of distress symptoms: A comparison of the SF-36 mental health subscale and the WHO-Five well-being scale // International Journal of Methods in Psychiatric Research, 2003. Vol. 12, № 2. Pp. 85-91.

Delaney L., Doyle O., McKenzie K. and Wall P. The distribution of wellbeing in Ireland // Irish Journal of Psychological Medicine. 2009. Vol. 26, № 3. Pp. 119-126.

Galderisi S., Heinz A., Kastrup M., Beezhold J., Sartorius N. Toward a new definition of mental health // World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA). 2015. Vol. 14, № 2. Pp. 231-233. DOI: [10.1002/wps.20231](https://doi.org/10.1002/wps.20231).

Hajos T. R., Pouwer F., Skovlund S. E., et al. Psychometric and screening properties of the WHO-5 well-being index in adult outpatients with

type 1 or type 2 diabetes mellitus // Diabet Med. 2013. № 30. Pp. 63-69.

Ismail F., Lange K., Gillig M., Zinken K., Schwabe L., Stiesch M. and Eisenburger M. WHO-5 well-being index as screening instrument for psychological comorbidity in patients with temporomandibular disorder // CRANIO. 2017. Vol. 36, № 3. Pp. 189-194. DOI: [10.1080/08869634.2017.1317900](https://doi.org/10.1080/08869634.2017.1317900).

Löwe B., Spitzer R. L., Gräfe K., Kroenke K., Quenter A., Zipfel S., Buchholz C., Witte S. and Herzog W. Comparative validity of three screening questionnaires for DSM-IV depressive disorders and physicians' diagnoses // J Affect Disord. 2004. Vol. 78, № 2. Pp. 131-140. DOI: [10.1016/s0165-0327\(02\)00237-9](https://doi.org/10.1016/s0165-0327(02)00237-9).

Rosenthal L., Carroll-Scott A., Earnshaw V.A., Santilli A. and Ickovics J.R. The importance of full-time work for urban adults' mental and physical health // Soc. Sci. Med. 2012. Vol. 75, № 9. Pp. 1692-1696.

Seb-Akahomen O. J., Okogbenin E. O., Obagaye O. M., Erohubie P. O., & Aweh B. E. The Reliability and Validity of the 5-Item Who Well-Being Index (WHO-5) amongst Doctors and Nurses in Nigeria // West African journal of medicine. 2022. Vol. 39, № 7. Pp. 708-713.

Topp C.W., Østergaard S.D., Søndergaard S. and Bech P. The WHO-5 Well-Being Index: A Systematic Review of the Literature // Psychother Psychosom. 2015. Vol. 84, № 3. Pp. 167-176. DOI: [10.1159/000376585](https://doi.org/10.1159/000376585).

Ware J. E. The status of health assessment // Annu Rev Public Health. 1995. № 16. Pp. 327-354. DOI: [10.1146/annurev.pu.16.050195.001551](https://doi.org/10.1146/annurev.pu.16.050195.001551).

Zweig J. S. Are Women Happier than Men? Evidence from the Gallup World Poll // Journal of Happiness Studies. 2015. № 16. Pp. 515-541.

References

Avdeev, E. A., Allardt, E., Belyaeva, L. A. et al. (2021), *Sotsiologicheskie podkhody k izucheniyu sotsialnogo blagopoluchiya* [Sociological approaches to the study of social well-being], ed. by M.F. Chernysh, Yu.B. Epikhina, FNISC RAS, Moscow, DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021), ISBN: 978-5-89697-377-5, EDN: LHJSQX. (In Russian)

Antipina, O. N., Khomutov, A. A. (2024), "How does life satisfaction depend on the type of

settlement?", *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, (2), 103-115, DOI: [10.52342/2587-7666VTE.2024.2.103.115](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE.2024.2.103.115), EDN: DSNLEU. (In Russian)

Grigorova, Yu. B. (2019), "The Structure of Emotional Well-being", *ANI: pedagogika i psikhologiya*, 1(26), 331-334, DOI: [10.26140/anip-2019-0801-0082](https://doi.org/10.26140/anip-2019-0801-0082), EDN: ZAAJBR. (In Russian)

Dubrovina, I. V. (2020), "The Phenomenon of "Psychological Well-Being" in the Context of the Social Situation of Development", *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 17 (3), 9-21, EDN: YHWSRSю. (In Russian)

Nazarova, I. B. (2023), "Determinants of Subjective Dissatisfaction with Life: Analysis of Russian Data for 1994-2021", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (6), 3-16, DOI: [10.14515/monitoring.2023.6.2433](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2433), EDN: YQRIABю. (In Russian)

Orlova, D.G. (2015), "Psychological and Subjective Well-being: Definition, Structure, Research (Review of Modern Sources)", *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, (1), 28-36, EDN: ULXSTX. (In Russian)

Savenysheva, S. S., Golovey, L. A., Petrash, M. D., Strizhitskaya, O. Yu. (2019), "Self-actualization, Psychological Well-being, and Everyday Stress in Adulthood", *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 21(1), 130-140, DOI: [10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140), EDN: VTIVCJ. (In Russian)

Skorynin, A. A. (2020), "On the Structure of Psychological Well-Being of an Individual", *Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psihologiya*, (2), 87-93, DOI: [10.24411/2712-827X-2020-10210](https://doi.org/10.24411/2712-827X-2020-10210), EDN: NEUYQO. (In Russian)

Uvarov, D. Yu. (2007), *Sotsialno-gigienicheskaya kharakteristika psikhicheskogo zdorovya bezrabortnyh (na primere Khabarovskogo kraya)* [Socio-hygienic characteristics of the mental health of the unemployed (using the Khabarovsk Territory as an example)], Abstract of Cand. Sci. (Medicine), Khabarovsk, Russian Federation, EDN: NPSQIT. (In Russian)

Ahrendt, D., Mascherini, M., Nivakoski, S. and Sandor, E. (2021), "Living, working and covid-19 (Update April 2021): mental health and trust decline across EU as pandemic enters

another year", *Eurofound*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, DOI: [10.2806/76802](https://doi.org/10.2806/76802).

Atherton, O. E., Willroth, E. C., Graham, E. K., Luo, J., Mroczek, D. K. and Lewis-Thames, M. W. (2024), "Rural-urban differences in personality traits and well-being in adulthood", *Journal of personality*, 92 (1), 73-87, DOI: [10.1111/jopy.12818](https://doi.org/10.1111/jopy.12818).

Baldwin, D., Sinclair, J. and Simons, G. (2021), "What is mental wellbeing?", *BJPsych Open*, (7(S1)), 236-236, DOI: [10.1192/bjo.2021.631](https://doi.org/10.1192/bjo.2021.631).

Bech, P. (1993), *Rating Scales for Psychopathology. Health Status and Quality of Life. A Compendium on Documentation in Accordance with the DSM-III-R and WHO Systems*, Berlin, Springer.

Bech, P. (2004), "Measuring the dimensions of psychological general well-being by the WHO-5", *QoL Newslett*, (32), 15-16.

Bech, P., Olsen, L., Kjoller, M. and Rasmussen, N. (2003), "Measuring well-being rather than the absence of distress symptoms: A comparison of the SF-36 mental health subscale and the WHO-Five well-being scale", *International Journal of Methods in Psychiatric Research*, 12 (2), 85-91.

Delaney, L., Doyle, O., Mckenzie, K. and Wall, P. (2009), "The distribution of wellbeing in Ireland", *Irish Journal of Psychological Medicine*, 26 (3), 119-126.

Galderisi, S., Heinz, A., Kastrup, M., Beezhold, J., Sartorius, N. (2015), "Toward a new definition of mental health", *World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 14 (2), 231-233, DOI: [10.1002/wps.20231](https://doi.org/10.1002/wps.20231).

Hajos, T. R., Pouwer, F., Skovlund, S. E., et al. (2013), "Psychometric and screening properties of the WHO-5 well-being index in adult outpatients with type 1 or type 2 diabetes mellitus", *Diabet Med*, (30), 63-69.

Ismail, F., Lange, K., Gillig, M., Zinken, K., Schwabe, L., Stiesch, M. and Eisenburger, M. (2017), "WHO-5 well-being index as screening instrument for psychological comorbidity in patients with temporomandibular disorder", *CRANIO*, 36 (3), 189-194, DOI: [10.1080/08869634.2017.1317900](https://doi.org/10.1080/08869634.2017.1317900).

Löwe, B., Spitzer, R. L., Gräfe, K., Kroenke, K., Quenter, A., Zipfel, S., Buchholz, C., Witte, S. and Herzog, W. (2004),

“Comparative validity of three screening questionnaires for DSM-IV depressive disorders and physicians’ diagnoses”, *J Affect Disord*, 78 (2), 131-140, DOI: [10.1016/s0165-0327\(02\)00237-9](https://doi.org/10.1016/s0165-0327(02)00237-9).

Rosenthal, L., Carroll-Scott, A., Earnshaw, V. A., Santilli, A. and Ickovics, J. R. (2012), “The importance of full-time work for urban adults’ mental and physical health”, *Soc. Sci. Med*, 75 (9), 1692-1696.

Seb-Akahomen, O. J., Okogbenin, E. O., Obagaye, O. M., Erohubie, P. O., & Aweh, B. E. (2022), “The Reliability and Validity of the 5-Item Who Well-Being Index (WHO-5) amongst Doctors and Nurses in Nigeria”, *West African journal of medicine*, 39 (7), 708-713.

Topp, C. W., Østergaard, S. D., Søndergaard, S. and Bech, P. (2015), “The WHO-5 Well-Being Index: A Systematic Review of the Literature”, *Psychother Psychosom*, 84 (3), 167-176, DOI: [10.1159/000376585](https://doi.org/10.1159/000376585).

Ware, J. E. (1995), “The status of health assessment”, *Annu Rev Public Health*, (16), 327-354.

DOI: [10.1146/annurev.pu.16.050195.001551](https://doi.org/10.1146/annurev.pu.16.050195.001551).

Zweig, J. S. (2015), “Are Women Happier than Men? Evidence from the Gallup World Poll”, *Journal of Happiness Studies*, (16), 515-541.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2025 г. Поступила после доработки 30 апреля 2025 г. Принята к печати 01 июня 2025 г.

Received 17 March 2025. Revised 30 April 2025. Accepted 01 June 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Карпова Вера Михайловна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-

экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской – обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), лаборатория исследования здоровья населения и системы здравоохранения, Москва, Россия.

Vera M. Karpova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Problems of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Laboratory for the Study of Population Health and the Health System, Moscow, Russia.

Ляликова Софья Викторовна, научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской – обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), лаборатория исследования здоровья населения и системы здравоохранения, Москва, Россия.

Sofia V. Lyalikova, Research Associate, Institute of Socio-Economic Problems of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Laboratory for the Study of Population Health and the Health System, Moscow, Russia.

Антонов Анатолий Иванович, заслуженный профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Anatoly I. Antonov, Distinguished Professor, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК: 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-8

Исследовательская статья

Кисиленко А. В.

Качественные характеристики добровольческого движения
Белгородской области

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия
kisilenko@bsuedu.ru

Аннотация. Изучение региональной специфики реализации добровольческой деятельности представляется актуальным в силу нескольких причин. Во-первых, проведенный в статье анализ позволил определить и рассмотреть качественные характеристики добровольческого движения Белгородской области, отражающие его мотивационный профиль, характер вовлеченности, степень реализации ожиданий населения от добровольческого труда. Во-вторых, исследование показало некоторые тенденции, учет и понимание которых важно для инфраструктурных субъектов в целях расширения добровольческих практик на территории. В качестве основы для анализа приводятся результаты массового опроса добровольцев-активистов 22 муниципальных образований Белгородской области старше 14 лет в количестве 700 человек, а также 121 организатора добровольческой деятельности населения в регионе. Полученные эмпирические данные демонстрируют преимущественно прагматический характер изначальной мотивации добровольцев, практики активности которых, отличаются большой эпизодичностью, при этом по мере накопления опыта позволяют усилить морально-альтруистические основания деятельности добровольцев и оправдать сложившиеся ожидания. В регионе доминирует формальный характер проявления добровольческой деятельности, преимущественным каналом реализации которой выступает государственный сектор (учреждения молодежной политики и образования), что обуславливает важность обеспечения социального партнерства с гражданскими некоммерческими структурами, самоорганизационный потенциал которых в настоящее время реализуется не в полной мере.

Ключевые слова: добровольцы; организаторы добровольческой деятельности; мотивация; характер вовлеченности; удовлетворенность; регион

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31697 «Риски волонтерской деятельности: рефлексивные сценарии регионального сообщества».

Информация для цитирования: Кисиленко А. В. Качественные характеристики добровольческого движения Белгородской области // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 120-135. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-8.

Anastasiya V. Kisilenko

Qualitative characteristics of the volunteer movement of the Belgorod region

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
kisilenko@bsuedu.ru

Abstract. The study of the regional specifics of the implementation of volunteer activities is relevant for several reasons. Firstly, the analysis carried out in the article made it possible to identify and consider the qualitative characteristics of the volunteer movement in the Belgorod region, reflecting its motivational profile, the nature of engagement, and the degree to which the population's expectations of volunteerism are realized. Secondly, the study showed some trends, which are important for infrastructural entities to take into account and understand in order to expand volunteer practices in the territory. The analysis is based on the results of a mass survey of 700 volunteer activists from 22 municipalities of the Belgorod Region over the age of 14, as well as 121 organizers of volunteer activities in the region. The empirical data obtained demonstrate the predominantly pragmatic nature of the initial motivation of volunteers, whose activities are highly sporadic, but as they gain experience, this allows them to strengthen the moral and altruistic foundations of their activities and justify their expectations. The region is dominated by formal volunteerism, primarily through the public sector (youth policy and educational institutions). This makes it important to establish a social partnership with civil non-profit organisations, whose self-organisational potential is currently underutilised.

Keywords: volunteers; organizers of volunteer activities; motivation; type of involvement; satisfaction; region

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31697 "Risks of volunteering: reflexive scenarios of regional community".

Information for citation: Kisilenko, A. V. (2025), "Qualitative characteristics of the volunteer movement of the Belgorod region", *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 120-135, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-8.

Введение

(Introduction).

Добровольческое (волонтерское) движение в России на протяжении последних лет вновь стремительно набирает популярность среди различных групп населения. Во многом это обусловлено изданием Указа Президента Российской Федерации от 6 декабря 2017 г. № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)», после которого государственная поддержка

добровольческих практик стала ощущаться в стране более предметно. Добровольчество по определению представляет собой деятельность, которая носит просоциальный характер, то есть предполагает ориентацию на интересы и благо окружающих и выступает «как важный фактор социальной солидарности, условие социального доверия» (Кисляков, Шмелева, Говин, 2019: 127). Труд добровольцев содержательно весьма

разнообразен и может проявляться в помощи незащищенным группам населения, ветеранам, организаторам крупных проектов, бездомным животным, озеленении территорий, реставрации культурных объектов, участии в спортивных мероприятиях и пр. Репертуар подобных волонтерских практик во многом зависит от территориальной специфики и организационно-методических решений, принятых для системного развития и популяризации данного движения в конкретном административном образовании.

Методология и методы (Methodology and Methods). Проблемы и перспективы реализации региональных добровольческих инициатив в европейской части России являются предметом изучения А. В. Ермиловой, И. А. Исаковой, В. И. Игнатьевой. В своих исследованиях авторы уделяют внимание сравнительному анализу двух регионов – Нижегородской и Ивановской областей, определяя направления развития добровольческого движения и предлагая рекомендации по повышению уровня эффективности привлечения молодежи в эту сферу в мегаполисе и областном центре (Ермилова, Исакова, Игнатьева, 2018).

Особенности институционализации молодежного добровольчества в Ростовской области представляет в своих работах В. В. Овсий, акцентируя внимание на факторах, препятствующих производству и воспроизводству добровольческих практик и обусловленных низким уровнем жизни значительной части молодого поколения и высоким уровнем недоверия к организованным формам добровольчества, свидетельствующим о его несформированности как социальной нормы (Овсий, 2021).

Основные детерминанты вовлеченности пetersburgцев в

добровольчество, опираясь на метод бинарной логистической регрессии, выявляет И. Е. Корнеева. Автор характеризует частоту добровольческой работы, определяет темпоральные ресурсы волонтеров, оценивает организованный и неорганизованный форматы реализации добровольчества (Корнеева, 2013).

Проблемы в организации добровольческой деятельности и оценку ее социально-психологических особенностей в регионах Центрального федерального округа РФ описывают в научной статье Т. И. Филиппова, Е. И. Хачикян, И. И. Пацакула, И. В. Иванова. Полученные в рамках проведения в 2020 г. социологического интернет-опроса 3000 добровольцев оценочно-аналитические сведения позволяют определить уровень и форму добровольческого участия, личные мотивы реализации практик добровольчества, а также оценку эффективности подобного типа просоциальной деятельности (Филиппова, Хачикян, Пацакула, Иванова, 2021).

На территории городских округов и муниципальных районов Воронежской области системно проводятся эмпирические исследования формирования и развития добровольческой сферы. В 2024 году социологическая служба АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов» по заказу ГБУ Воронежской области «Областной молодежный центр» опрашивала в рамках квотной выборки 3087 молодых жителей в возрасте от 14 до 35 лет для оценки масштабов, мотивации и форм их включенности в добровольческие проекты и мероприятия¹.

Специалисты регионального научного центра МКУ «Институт развития

¹ Аналитический доклад по результатам социологического исследования «Изучение форм и масштабов участия граждан и организаций в добровольческой (волонтерской) деятельности на территории Воронежской области». Воронеж, 2024.

стратегических инициатив» в рамках исследования, направленного на выявление отношения молодых ярославцев к добровольчеству, определяют местный потенциал роста добровольческих инициатив, мотивацию участия молодых граждан и наиболее нужные, полезные с позиции самооценки опрошиваемых волонтерские движения².

Белгородская область не является исключением и также представляет один из регионов страны, где поддерживается и расширяется инфраструктура добровольческого движения. В каждом муниципальном образовании региона на базе учреждений молодежной политики действуют муниципальные ресурсные площадки развития добровольчества. Добровольческие отряды и движения функционируют в образовательных учреждениях области, региональных отделениях всероссийских общественных организаций и движений³.

Анализ добровольческого сообщества в исследуемом регионе, определение его качественных характеристик актуализирует задачу проведения выборочных социологических исследований в 22 муниципальных образованиях Белгородской области. В 2021-2022 гг. в рамках трех социологических опросов изучались добровольцы-активисты региона старше 14 лет (N=700), организаторы добровольческой деятельности в учреждениях молодежной политики, образования, общественных организациях, на предприятиях (N=121), эксперты, занимающиеся проблематикой добровольчества либо в силу научных интересов, либо в связи с

профессиональной деятельностью (N=20). Исследовательская работа с добровольцами и организаторами волонтерства осуществлялась в рамках очного индивидуального анкетирования, с экспертами в ходе формализованных, протоколируемых интервью. В рамках статьи будут анализироваться отдельные анкетные результаты.

Среди представителей добровольческого движения 62,0% составили учащаяся и студенческая молодежь, 20,7% – работающее население, 15,7% – лица, совмещающие работу с обучением. 1,5% представляют иные категории граждан (см. Таблица 1). В выборку наряду с волонтерами, проживающими в областном центре, входили активисты районных центров и поселков городского типа, сельской местности.

Большинство опрошенных данной группы принадлежат к возрастным категориям до 17 лет и 18-24 лет (см. Таблица 2). Таким образом, молодежь выступает зачастую основным объектом рекрутинговых мероприятий. В распределении добровольцев по полу доминируют женщины (72,1% женщин, 27,9% мужчин).

Для опроса организаторов добровольческой деятельности выборочная совокупность также формировалась по принципу равного представительства муниципальных образований региона. В выборку входили представители как государственных, так и общественных учреждений. Распределение организаторов по полу включало 18,2% мужчин и 81,8% женщин. Большинство опрошенных проживают в районных центрах, поселках городского типа Белгородской области (см. Таблица 3).

² Волонтерская деятельность в восприятии современной молодежи. Ярославль, МКУ «ИРСИ», 2018.

³ Министерство по делам молодежи Белгородской области [официальная страница]. URL: <https://molodchiny.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

Таблица 1

Распределение добровольцев по характеру занятости

Table 1

Distribution of volunteers by type of employment

Значения / Values	Абс. / Abs.	%
а) учусь / I'm a student	434	62,0
б) работаю / I'm a worker	145	20,7
в) учусь и работаю / I'm a working student	110	15,7
г) на пенсии / Retired	5	0,7
д) на пенсии и работаю / Retired and working	1	0,1
е) домохозяйка / Housewife	3	0,4
ж) безработный / Unemployed	2	0,3
Итого ответивших / Total responses:	700	100,0

Таблица 2

Распределение добровольцев по возрасту

Table 2

Distribution of volunteers by age

Значения / Values	Абс. / Abs.	%
а) 14-17	355	50,7
б) 18-24	207	29,6
в) 25-35	99	14,1
г) 36-45	30	4,3
д) 46-59	6	0,9
е) 60 и >	3	0,4
Итого ответивших / Total responses:	700	100,0

Таблица 3

Распределение организаторов добровольческой деятельности по месту жительства

Table 3

Distribution of volunteer activity organizers by place of residence

Значения / Values	Абс. / Abs.	%
а) в областном центре / in the regional center	23	19,0
б) в районном центре, поселке городского типа / in the district center, urban-type settlement	76	62,8
в) в сельской местности / in rural areas	22	18,2
Итого ответивших / Total responses:	121	100,0

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Целью исследования выступала социальная диагностика практик добровольчества и

рисков их реализации в условиях региона. Исследование качественных характеристик добровольческого движения в

Белгородской области в числе основных задач предполагало:

1) выявление мотивации участия жителей области в деятельности «помогающих» структур;

2) определение частоты и характера вовлеченности регионального сообщества в добровольческие практики;

3) оценку степени реализации ожиданий населения от добровольческого труда.

Гипотеза исследования заключалась в предположении, что среди проблем, препятствующих расширению региональных практик добровольчества, на первый план выходит краткосрочный ограниченный профиль проявления добровольческой активности населения преимущественно в рамках помощи государственным институтам и проектам. От активизации гражданского добровольчества, усиления коллаборации между третьим сектором и государством в проявлении просоциальных инициатив и совместном решении актуальных задач, во многом, зависит эффективность организационных мер, принимаемых в регионе для дальнейшей интенсификации добровольческого движения и изменения формата и масштабов его реализации.

Мотивация волонтерского участия. Мотивация является одним из самых распространенных маркеров анализа практик добровольческого участия. Первоначальная мотивация в значительной степени определяет отношение людей к выполнению взятых обязанностей, влияет на иные установки, связанные с осуществляемой деятельностью. Мотивационный профиль добровольца важен как с точки зрения понимания его поведения, так и формирования долгосрочных связей с организацией,

культивирования лояльности и преданности.

Данное исследование позволяет диагностировать, на первый взгляд, относительно высокую степень значимости «ценностных» мотивов добровольцев. Согласно широко известной функциональной теории добровольческой мотивации данные мотивы воплощают общественные ожидания и гуманитарные ценности (Clary et al., 1998, Clary & Snyder, 1999). О том, что в качестве основного побудительного фактора прихода в сферу добровольчества было стремление выразить важные гуманистические убеждения (помощь, забота о других, равнодушие) заявили больше половины респондентов. Но данный мотив не является главным, о возможности учиться, развивать и применять новые навыки упоминали 60,6% респондентов, указывая на образовательный потенциал добровольческой работы. Третий по значимости мотив выбора добровольческих практик связан с удовлетворением социальных потребностей – 50,7% участников опроса просто хотели «найти единомышленников, друзей, общаться с интересными людьми». На четвертое место добровольцы ставят «получение опыта, полезного для работы или карьеры» (35,6%). На пятой позиции в мотивах находится «желание бороться с определенной проблемой», его отметили 23,7% респондентов; перспективы личного развития и повышения самооценки мотивировали 22,7%, возможность организовать содержательный досуг – 19,7%, путешествовать – 19,6%. На общественное одобрение и престижность добровольчества указали 16,7% (см. Таблица 4).

Таблица 4

Основные мотивы выбора добровольческой деятельности жителями
Белгородской области

Table 4

The main motives for choosing volunteer activities by residents of the Belgorod region

Значения / Values	Абс. / Abs.	%
а) стремление выразить важные убеждения, такие как альтруизм, помощь, неравнодушие, общественная польза и пр. / the desire to express important beliefs, such as altruism, help, caring, public benefit, etc.	379	54,1
б) возможность учиться, расширять свои знания, развивать и применять новые навыки / the opportunity to learn, expand your knowledge, develop and apply new skills	424	60,6
в) возможность найти единомышленников, друзей, общаться с интересными людьми / the opportunity to find like-minded people, friends, and communicate with interesting people	355	50,7
г) общественное одобрение и признание такой деятельности, уважение к тем, кто ей занимается со стороны окружающих / public approval and recognition of such activities, respect for those who engage in them from others	117	16,7
д) желание соответствовать «духу времени», приобщиться к модному движению / the desire to conform to the "spirit of the times", to join the fashion movement	63	9,0
е) перспективы личного развития и повышения самооценки / prospects for personal development and self-esteem improvement	159	22,7
ж) желание бороться с определенной проблемой, преодолевать вызовы / the desire to deal with a certain problem, to overcome challenges	166	23,7
з) возможность получить доступ к необходимой информации / the ability to access the necessary information	69	9,9
и) стремление справиться с внутренними тревогами, избежать чувства вины / the desire to cope with internal anxieties, to avoid feelings of guilt	61	8,7
к) возможность получить опыт, полезный для работы или карьеры / an opportunity to gain experience useful for work or career	249	35,6
л) представился случай занять свободное время, организовать содержательный досуг / I had a chance to take my free time and organize meaningful leisure time	138	19,7
м) возможность путешествовать, получать новые впечатления / the opportunity to travel, get new experiences	137	19,6
н) нужна была волонтерская книжка, подтверждение волонтерского участия / I needed a volunteer book, proof of volunteer participation	44	6,3
о) другое / other	6	0,9

Таким образом, в мотивации добровольцев выявляются внешний и внутренний мотивационные контуры. Внешним является направленность на функциональную значимость деятельности добровольцев по отношению к обществу, то есть ее социальная польза, ориентация

на других. Внутренний контур – собственный интерес, личностная индивидуалистическая ценность добровольческой работы, которая дает возможность для расширения образовательного, коммуникативного,

профессионального опыта ее участников и пр.

Значимость внутреннего контура мотивации, к сожалению, опережает значимость внешнего. Региональные добровольцы придают существенно большее значение рациональным составляющим подобной деятельности, нежели морально-альтруистическим. Несмотря на то, что каждый второй респондент в качестве мотивационных оснований собственных добровольческих действий подчеркивал заботу о благе других, группа исключительных альтруистов среди респондентов оказалась самой малочисленной и составила всего 7,3% против 35,6%, руководствующихся факторами сугубо эгоистической направленности. Во всех остальных случаях (57,1%) указанные группы мотивов соседствовали друг с другом, определяя смешанный характер побуждений.

В рамках проведенного исследования нас интересовали диспозиции не только самих добровольцев, но организаторов (руководителей) их деятельности. Как справедливо отмечает профессор А. В. Старшинова «проблема лидерства в волонтерском движении является одной из наиболее актуальных в контексте обозначившейся общественной потребности в эффективных способах и оптимальных методах управления добровольческим движением» (Старшинова, 2019: 159).

Мотивационный профиль лидеров добровольческого движения мало чем отличается от самих добровольцев. Выбор в пользу добровольческой деятельности у большинства организаторов также детерминирован социальными (48,8%), обучающими (47,9%) и ценностными (44,6%) мотивами. Если говорить о соотношении альтруистических и эгоистических факторов, то среди них, к сожалению, первые также уступают место вторым. Исключительных альтруистов среди организаторов добровольчества

11,6%, что на 4,3% больше, чем среди добровольцев. 54,5% являются носителями смешанной мотивации и 33,9% – эгоистической.

Частота вовлеченности в практики добровольчества. Когда речь идет о характере и частоте вовлеченности в добровольческие практики, опрос демонстрирует, что большинство индивидов участвуют в мероприятиях периодически и крайне редко (больше половины опрошенных отмечают это – 53,6%). Преобладающий тип эпизодических практик волонтерского участия, актуализирует задачу дополнительного изучения в регионе факторов, которые способны влиять на оценку удовлетворенности подобных добровольцев. Подобные массовые исследования уже проводятся в нашей стране (Краснопольская и др., 2022). Так, доля вовлекающихся в добровольческую деятельность не чаще 1-2 раз в месяц равна 35,1%. Раз в 2-3 месяца работают 13,0%, раз в полгода – 3,0%, раз в год – 1,4% и 1,1% реже чем раз в год. «Профессиональных» волонтеров, работающих каждый или почти каждый день – 12,6%, еженедельно – 33,7%. По данным опроса, добровольческие структуры не могут «похвастаться» и хоть сколько-нибудь стабильным кадровым составом. Из опрошенных нами добровольцев 33,3% занимались этой деятельностью менее года, 41,1% – от года до 3 лет, 16,4% – от 3-х до 5 лет, от 5 до 10 лет – 8,1%, свыше 10 лет – только 1,0% жителей региона. Профессиональный опыт организаторов выглядит чуть более обнадеживающим, но и среди этой категории картина довольно нестабильная: 24,8% респондентов работают с волонтерами не больше года, 36,4% – от 1 года до 3 лет, 22,3% – от 3 до 5 лет; 13,2% – от 5 до 10 лет и лишь 3,3% – свыше 10 лет.

Таким образом, результаты опроса фиксируют в качественном составе регионального добровольческого

движения наличие значительной доли индивидов (1/3), мотивация которых заняться добровольчеством и его организацией не была связана исключительно с состраданием, с чувством личной ответственности за других, с улучшением общественного благополучия. И. Ю. Киселев отмечает, что участие волонтеров в общественно значимой деятельности основывается скорее на приоритизации индивидуальных интересов (Киселев, 2013: 59). Возможно, доля респондентов, ориентированных на реализацию собственных запросов и личные выгоды в виде расширения социальных контактов, карьерных успехов, улучшения опыта или показателей собственной самооценки еще выше – просто не все могли быть достаточно откровенны, выбирая «социально желательные» ответы. Напротив, доля участников волонтерской деятельности как из числа активистов, так и организаторов, непосредственно мотивированных идеей «общественной пользы», составляет меньшинство респондентов (от 1/14 до 1/9), несмотря на то, что, казалось бы, данный мотив должен быть доминирующим. Безусловно, мотивация представителей добровольческого сообщества в отношении реализуемой ими деятельности может трансформироваться со временем. И доминирование таких

первичных мотивов необязательно означает их преобладание и в дальнейшей работе. Но сама тенденция оценивается нами скорее как негативное явление и требует определенных управленческих усилий, направленных на смещение акцентов в мотивационных профилях добровольцев и организаторов их деятельности, трансформацию смешанной мотивации в альтруистическую, как более соответствующую идеологии и ценностному содержанию добровольчества.

Реализация ожиданий от добровольческой деятельности. Довольно тесно связана с мотивацией добровольцев оценка степени реализации их ожиданий от подобного труда. Человек, столкнувшийся с добровольческой деятельностью, отличающейся от первоначальных представлений о ней, впоследствии может разочароваться в ней. Крушение ожиданий, чревато, усилением неудовлетворенности, нарастанием проблем в реальной практике добровольческой работы или же вовсе ее прекращением. Исследование выявило довольно высокий уровень оправданности ожиданий от добровольческой деятельности. 76,3% респондентов отметили, что их ожидания оправдались в полной мере, 19,7% волонтеров говорили о частичной оправданности (см. Таблица 5).

Таблица 5

Степень реализации ожиданий жителей Белгородской области
от добровольческой работы

Table 5

The degree of fulfillment of expectations of residents of the Belgorod region
from volunteer work

Значения / Values	Абс. / Abs.	%
а) в полной мере / fully	534	76,3
б) частично / partially	138	19,7
в) не оправдались вообще / not justified at all	4	0,6
г) затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	24	3,4
Итого ответивших / Total responses:	700	100,0

Собственно, так, наверное, и должно быть. Большинство респондентов были движимы смешанными мотивами, и без труда могли достичь как личных, так и социально значимых целей. По нашему мнению, дело здесь не в том, что все ожидания действительно оправдались. Видимо, с учетом преобладающих побуждений, те, кто, например, ждал общения с интересными людьми, вполне могли удовлетвориться тем, что их работа полезна для общества, и дает иные основания для моральной удовлетворенности. На место «возможности получить новый опыт («узнать», «научиться»))» могло прийти общественное одобрение, признание, уважение окружающих и т.д.

Данным о степени реализации первоначальных ожиданий от добровольческой деятельности приблизительно соответствует и распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены содержанием Вашей волонтерской работы?». 72,4% она полностью устраивает, 20,1% – скорее удовлетворены, чем нет, 6,6% – оценивают свою удовлетворенность на среднем уровне и лишь 0,1% – «полностью не удовлетворены». Таким образом, мы видим, что преобладающим кластером в составе волонтеров являются те, кого добровольческая работа удовлетворяет полностью.

Значительный интерес в контексте исследования представляют факторы, определяющие отношение к добровольческой деятельности (см. Таблицу 6). В настоящее время отношение к добровольческому труду большинства волонтеров (73,1%), по их самооценке, определяется желанием помочь другим в решении их проблем. У организаторов добровольческой деятельности этот показатель еще выше и составляет 81,8%. На достижение определенных результатов ориентированы 41,7% добровольцев и 33,9% организаторов. Таким образом, по крайней мере, по оценке самих респондентов, со

временем социальная значимость добровольческой деятельности, осознается ими даже более предметно, нежели до их прихода в подобные структуры (напомним, на общественную пользу первоначально были ориентированы 54,1% добровольцев и 44,6% организаторов, хотя процент исключительных альтруистов был в разы ниже – 7,3% и 11,6% соответственно).

О том, что отношение к добровольческой деятельности определяется стремлением реализовать свои интересы и потребности, заявляет около четверти волонтеров (23,9%). А вот среди организаторов их доля намного меньше 12,4%. 1/3 добровольцев подчеркивают роль команды единомышленников, людей, с которыми приходится работать, среди организаторов этот показатель вырастает до 50,4%. Чувством долга руководствуются 16,6% добровольцев и 20,7% организаторов, привычкой – 4,1% и 5,8% соответственно. Желание построить профессиональную карьеру в добровольческой сфере отличает 8,1% активистов и 11,6% организаторов. 9,4% среди добровольцев ориентированы на позицию руководства. То есть со временем кажется, происходит определенная трансформация иерархии приоритетов участников добровольческой деятельности в пользу «ценностных» установок, и мотивы «помочь другим», «принести пользу обществу» начинают в определенной степени абсолютизировать их отношение к работе, усиливая социальную и гражданскую ответственность. Указанные стимулы сочетаются со стремлением участников добровольческой деятельности установить некие критерии результативности собственного труда. И хотя, среди добровольцев, по-прежнему, довольно значимой остается прагматическая мотивация, чего не скажешь об организаторах, довольствующихся, главным образом, социальной полезностью своей работы, положительные изменения ценностной основы участия населения в добровольческом движении по мере накопления опыта очевидны.

Таблица 6
Факторы, определяющие актуальное отношение региональных добровольцев и организаторов добровольческой деятельности к своей работе

Table 6
Factors determining the relevant attitude of regional volunteers and organizers of volunteer activities to their work

Значения / Values	Волонтеры / volunteers		Организаторы / organizers of volunteer activities	
	Абс. / Abs.	%	Абс. / Abs.	%
а) желание добиться определенных результатов / the desire to achieve certain results	292	41,7	41	33,9
б) желание помочь другим в решении их проблем / the desire to help others in solving their problems	512	73,1	99	81,8
в) стремление реализовать личные интересы и потребности / striving to realize personal interests and needs	167	23,9	15	12,4
г) чувство долга / a sense of duty	116	16,6	25	20,7
д) желание занять руководящую позицию (стать тим-лидером, руководителем волонтерской программы, функциональным менеджером, объектовым менеджером и пр.) / the desire to take a leadership position (to become a team leader, head of a volunteer program, functional manager, object manager, etc.)	66	9,4	-	-
е) желание построить профессиональную карьеру в данной сфере / the desire to build a professional career in this field	57	8,1	14	11,6
ж) привычка / habit	29	4,1	7	5,8
з) команда единомышленников, те люди, с которыми я работаю / a team of like-minded people, the people I work with	244	34,9	61	50,4
и) другое / other	1	0,1	4	3,3

Как результат – 74,9% волонтеров твердо указывают на наличие намерения продолжить заниматься добровольческой деятельностью. 3,3% выражают отсутствие такого желания, а 21,9% либо еще не решили, либо затрудняются с ответом.

Несмотря на это одной социальной миссии, которая начинает со временем осознаваться добровольцами все более предметно, может оказаться недостаточно, чтобы удержать их, тем более в условиях доминирования несистемного характера

добровольческого участия, о котором мы упоминали ранее. Как показывают данные международных исследований, «почти половина опрошенных в США волонтеров прекращают заниматься волонтерством не из-за утраты мотивации, а из-за плохой организации в НКО» (Мерсиянова, 2019). Поэтому блок вопросов в инструментарии был связан именно с оценкой организационных условий деятельности региональных добровольцев.

Характер участия в практиках добровольчества. Данные опроса волонтеров и организаторов добровольчества свидетельствуют о преимущественно формальном (организованном) характере участия населения региона в добровольческом труде (см. Таблицу 7). Доля неформальных волонтеров составляет в общей сложности 5,3% и включает тех, кто действовал в компании друзей и знакомых. Соответственно 9/10 всех участников

добровольческого движения в регионе осуществляют свою деятельность формально. Самыми востребованными каналами проявления активности выступают: государственные (муниципальные) организации (39,0%), образовательные учреждения (21,6%), НКО (13,7%) и организации по месту жительства (12,9%). Интернет-площадки добровольческого труда востребованы у 1,3% населения.

Таблица 7

Характер участия жителей Белгородской области в добровольческой деятельности

Table 7

The nature of the Belgorod region residents' participation in volunteer activities

Значения / Values	Абс. / Abs.	%
а) по месту учебы / at the place of study	151	21,6
б) через государственную, муниципальную организацию или с ее помощью / through a state or municipal organization or with its help	273	39,0
в) через некоммерческую (общественную) организацию или с ее помощью / through a non-profit (public) organization or with its help	96	13,7
г) через коммерческую организацию / through a commercial organization	11	1,6
д) в одиночку, самостоятельно / alone, independently	0	0,0
е) в компании друзей, знакомых / in the company of friends, acquaintances	37	5,3
ж) через инициативную незарегистрированную группу, движение / through an initiative unregistered group, movement	15	2,1
з) через интернет / via the Internet	9	1,3
и) через организацию по месту жительства / through an organization at the place of residence	90	12,9
к) другое / other	18	2,6
Итого ответивших / Total responses:	700	100,0

За последние 12 месяцев 60,9% респондентов работали добровольцами в учреждениях молодежной политики (органах по делам молодежи, Центрах молодежных инициатив). Совокупно каждый пятый из участников опроса вовлекался в волонтерские мероприятия в рамках системы образования (12,1% в школах, 8,9% – ссузах/вузах). Важность образовательного института в формировании просоциального поведения подчеркивают исследователи, чей научный

интерес связан с изучением подобных практик (Тарасова, Певная, Телепаева, 2022: 157). 5% населения использовали ресурс некоммерческих общественных организациях, 4,7% – учреждений культуры (см. Таблицу 8). Для 73,5% волонтеров эти структуры являлись основным местом приложения их добровольческого труда. 16,5% реализовали спонтанный формат добровольческого участия.

Таким образом, на первый план в регионе выходят государственные и муниципальные организации, а не общественные, и вопрос о перспективах развития данного канала привлечения добровольцев остается очень актуальным. Численный перевес в пользу государственных волонтеров во многом объясняет преобладание в первоначальной мотивации участников регионального добровольческого сообщества прагматической составляющей. Как

подчеркивает в своих исследованиях профессор О. Н. Яницкий, государственные волонтеры в большей степени «заинтересованы в одобрении своих кураторов, их интересует карьера, продвижение по социальной лестнице» (Яницкий, 2014: 84). Напротив, волонтеры из числа представителей НКО и благотворительных организаций «ставят интересы отдельных групп и людей выше своих собственных» (Яницкий, 2014: 77).

Таблица 8

Организации, в которых чаще всего приходилось работать добровольцем
в течение последних 12 месяцев

Table 8

Organizations where you have most often volunteered in the last 12 months

Значения / Values	Абс. / Abs.	%
а) школа / school	85	12,1
б) ссуз/вуз / secondary school/university	62	8,9
в) учреждение молодежной политики (орган по делам молодежи, Центр молодежных инициатив и пр.) / youth policy institution (youth affairs body, Youth Initiatives Center, etc.)	426	60,9
г) учреждение социальной защиты / social protection institution	3	0,4
д) медицинское учреждение (больница, хоспис и пр.) / medical institution (hospital, hospice, etc.)	2	0,3
е) правоохранительная, правозащитная служба / law enforcement, human rights service	3	0,4
ж) служба спасения, пожарная служба и т.п. / rescue service, fire service, etc.	7	1,0
з) учреждение культуры (музей, библиотека, Дворец или Дом культуры) / cultural institution (museum, library, Palace or House culture)	33	4,7
и) общественная, другая некоммерческая организация, кроме фонда / a public, other non-profit organization other than the foundation	35	5,0
к) религиозная (приходская) община, церковная организация / religious (parish) community, church organization	3	0,4
л) политическая партия / political party	3	0,4
м) профсоюзная организация / trade union organization	2	0,3
н) благотворительный фонд / charitable foundation	11	1,6
о) коммерческая организация / commercial organization	1	0,1
п) землячество, национальная община / fraternity, national community	2	0,3
р) ни в какой / not in any	0	0,0
п) другое / other	22	3,1

Проводя различия между государственными и гражданскими волонтерами, автор также подчеркивает, что первые выступают как «организованная массовка»; исполнители чужой воли или приказа; их главный принцип действия – не самоорганизация, а выполнение инструкций...» (Яницкий, 2014: 78). И одновременно отмечает тенденцию «огосударствления» института волонтерства в современной России, где «государство, видя нарастающую силу добровольчества, стремится подчинить её себе, заорганизовать, сделать частью государственной машины» (Яницкий, 2014: 87). Эта идея уже высказывалась исследователями, в частности Е. А. Исаева, анализируя законопроект «О добровольчестве (волонтерстве)», вынесенный на рассмотрение Государственной Думы РФ в 2013 г., подчеркивала его нацеленность «на создание именно государственной системы добровольчества» (Исаева, 2013: 150). Таким образом, на уровне анализируемого региона эта государственно-центричная тенденция проявляется сегодня весьма отчетливо.

Заключение (Conclusions).

Результаты проведенного исследования позволяют отметить несколько тенденций в реализации добровольческих практик населения региона. Эти тенденции не новы, их часто отмечают многие исследователи, чей научный интерес представляет самоорганизация и формы ее проявления в России.

Среди них первая связана с доминированием преимущественно прагматического типа первоначальной мотивации участия, который по мере накопления опыта добровольческой работы способен больше трансформироваться в бескорыстное самоотверженное желание помогать, заботиться о других, «делать добро». Альтруистические начала добровольчества соответствуют идеалистическим представлениям о данном явлении.

Главный принцип при данном положении вещей – не забывать развивать стратегии гражданского воспитания и образования, формировать нравственные потребности помогать, «спасать других», поскольку добровольчество предполагает изначально такой формат взаимоотношений добровольца с окружающими людьми, при котором большую ценность должны все-таки представлять последние, а не личные индивидуалистические устремления, желание приобрести что-то для себя, пусть даже нематериального характера. Альтруизация личностей – залог развития и проявления гражданской ответственности на любой территории.

Вторая тенденция связана с проявлением добровольческих практик эпизодического характера в регионе. Классический, регулярный профиль формирования добровольческой активности обладает, безусловно, большим потенциалом как для самих участников, так и для помогающих структур, нежели эпизодический, но требует от действующих субъектов кардинальной перестройки организационного процесса, смены парадигмы взаимодействия с населением области, чтобы оно было готово проявлять устойчивость и помогать организациям на постоянной основе.

Третья – это государственно-центричная тенденция практик добровольчества. Объективно на любой территории должны сосуществовать практики и государственного, и гражданского волонтерства. Главное для региона это как раз вопрос сосуществования, а не доминирования государственного типа. Здесь важно понимать необходимость делегирования некоммерческому гражданскому сектору социально-управленческих функций. Самоорганизационный потенциал, которым обладает третий сектор, способен успешно развиваться и усиливаться, если будут развиваться соответствующие правовые и экономические условия их системной поддержки и партнерства.

Список литературы

Ермилова А. В., Исакова И. А., Игнатьева В. И. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 88-97. EDN: UXAPYH.

Исаева Е. А. Огосударствление института добровольчества в России: анализ законопроекта «О добровольчестве (волонтерстве)» // Власть. 2013. № 10. С. 148-150. EDN: RKWQPT.

Киселев И. Ю. Волонтерство как социальный капитал // Вестник социально-политических наук. 2013. № 12. С. 53-61. EDN: ROBQKV.

Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Говин О. Современное волонтерство в воспитании просоциального поведения личности // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 6. С. 122-145. DOI: [10.17853/1994-5639/2019-6-122-145](https://doi.org/10.17853/1994-5639/2019-6-122-145). EDN: GJYYMC.

Краснопольская И. И., Гусева П. Д., Мейс Л., Кнаан Р. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 384-408. DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2113](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113). EDN: RCYDOR.

Корнеева И. Е. Добровольческая деятельность жителей Санкт-Петербурга: детерминанты вовлеченности // Негосударственные некоммерческие организации в Санкт-Петербурге 2013: информационно-аналитические материалы о деятельности негосударственных некоммерческих организаций. Санкт-Петербург: ЦРНО, 2013. С. 67-75.

Мерсиянова И. В. На смену классическому волонтерству приходит эпизодическое. Что это такое и плохо ли это? URL: <https://office-nko.ru/2019/09/25/na-smenu-klassicheskomu-volonterstvu-prihodit-epizodicheskoe-cto-eto-takoe-i-ploho-li-eto/> (дата обращения: 08.12.2024).

Овсий В. В. Молодежное волонтерство в современной России: особенности формирования и перспективные направления развития: монография. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2021. 159 с. DOI: [10.18522/2227-8656.2021.2.8](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.2.8). EDN: LPQHOS.

Старшинова А. В. Противоречия мотивации учащейся молодежи к деятельности в волонтерских организациях // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 10. С. 143-166. DOI: [10.17853/1994-5639-2019-10-143-166](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-143-166). EDN: BYLXZC.

Тарасова А. Н., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи или факторы неучастия молодых волонтеров в социальных проектах // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 155-171. DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11). EDN: SRBTJE.

Филиппова Т. И., Хачикян Е. И., Пацакула И. И., Иванова И. В. Волонтерство в регионах России: социально-психологические особенности, проблемы реализации и пути их решения // Вестник университета. 2021. № 2. С. 166-174. DOI: [10.26425/1816-4277-2021-2-166-174](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-2-166-174). EDN: EIDPPQ.

Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5). С. 71-89. EDN: SHRAZH.

Clary E. G., Snyder M., Ridge R. D., Copeland J., Stukas A. A., Haugen J., & Miene P. Understanding and assessing the motivations of volunteers // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. № 74. Pp. 1516-1530.

Clary E. G. & Snyder M. The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations // Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8, № 5. Pp. 156-159.

References

Ermilova, A. V., Isakova, I. A., Ignatieva, V. I. (2018), "Regional problem field of volunteering", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*, 2 (50), 88-97, EDN: UXAPYH. (In Russian)

Isaeva, E. A. (2013), "Attempts to Bring the Russian Volunteering Institute under control of State: Analysis of the Draft of a Bill «On Volunteering»", *Vlast'*, (10), 148-150, EDN: RKWQPT. (In Russian)

Kiselev, I. Yu. (2013), "Volunteering as Social Capital", *Vestnik Sotsialno-politicheskikh nauk*, 12, 53-61, EDN: ROBQKV. (in Russian)

Kislyakov, P. A., Shmeleva, E. A. and Gowin, O. (2019), "Contemporary volunteering in

the formation of prosocial behaviour of a person”, *Obrazovanie i nauka*, 6 (21), 122-145, DOI: [10.17853/1994-56392019-6-122-145](https://doi.org/10.17853/1994-56392019-6-122-145), EDN: GJYYMC. (In Russian)

Krasnopolskaya, I. I., Guseva, P. D., Meis, L. and Knaan, R. (2022), “Satisfaction Factors for Episodic Volunteers”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (2), 384-408, DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2113](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113), EDN: RCYDOR. (In Russian)

Korneeva, I. E. (2013), “Volunteer activities of St. Petersburg residents: determinants of engagement”, in *Negosudarstvennye nekommercheskie organizatsii v Sankt-Peterburge 2013: informatsionno-analiticheskie materialy o deyatelnosti negosudarstvennykh nekommercheskikh organizatsiy* [Non-governmental non-profit organizations in St. Petersburg 2013: information and analytical materials on the activities of non-governmental non-profit organizations], St. Petersburg, Russia, 67-75. (In Russian)

Mersiyanova, I. V. (2019), *Na smenu klassicheskomu volonterstvu prikhodit epizodicheskoe. Chto eto takoe i plokho li eto?* [Classic volunteering is being replaced by episodic volunteering. What is it and is it bad?], [Online], available at: <https://office-nko.ru/2019/09/25/na-smenu-klassicheskomu-volonterstvu-prihodit-epizodicheskoe-chto-eto-takoe-i-ploho-li-eto/> (Accessed 08 December 2024). (In Russian)

Ovsii, V. V. (2021), *Molodezhnoe volonterstvo v sovremennoy Rossii: osobennosti formirovaniya i perspektivnye napravleniya razvitiya* [Youth volunteerism in modern Russia: features of formation and promising areas of development], Foundation for Science and Education, Rostov-on-Don, Russia, DOI: [10.18522/2227-8656.2021.2.8](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.2.8), EDN: LPQHSD. (In Russian)

Starshinova, A. V. (2019), “Contradictions of students’ motivation for participation in the activities of voluntary organisations”, *Obrazovanie i nauka*, 21 (10), 143-166, DOI: [10.17853/1994-5639-2019-10-143-166](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-143-166), EDN: BYLXZC. (In Russian)

Tarasova, A. N., Pevnaya, M. V. and Telepaeva, D. V. (2022), “Self-regulation of youth

volunteer activities or factors of non-participation of young volunteers in social projects”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 155-171, DOI: [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11), EDN: SRBTJE. (In Russian)

Filippova, T. I., Khachikyan, E. I., Patsakula, I. I. and Ivanona, I. V. (2021), “Volunteering in Russian regions: socio-psychological features, problems of realization and its solution”, *Vestnik universiteta*, (2), 166-174, DOI: [10.26425/1816-4277-2021-2-166-174](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-2-166-174), EDN: EIDPPQ. (In Russian)

Yanitsky, O. N. (2014), “Volunteers: civil and government”, *Sotsiologicheskaya nauka i Sotsialnaya praktika*, 1 (5), 71-89, EDN: SHRAZH. (In Russian)

Clary, E. G., Snyder, M., Ridge, R. D., Copeland, J., Stukas, A. A., Haugen, J., & Miene, P. (1998), “Understanding and assessing the motivations of volunteers”, *Journal of Personality and Social Psychology*, (74), 1516-1530.

Clary, E. G. & Snyder, M. (1999), “The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations”, *Current Directions in Psychological Science*, 8(5), 156-159.

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г. Поступила после доработки 01 июня 2025 г. Принята к печати 10 июня 2025 г. Received 13 April 2025. Revised 01 June 2025. Accepted 10 June 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Кисиленко Анастасия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Anastasiya V. Kisilenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-9

Исследовательская статья

Фролова Е. В.
Рогач О. В.

**Цифровая грамотность и цифровое неравенство:
новые вызовы и факторы формирования**

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский проспект, дом 49, Москва, 125993, Россия;
efrolova06@mail.ru
rogach16@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются проблемы формирования цифровой грамотности и цифрового неравенства в молодежной среде, рассматривается потенциал высшей школы в преодолении дисфункций цифрового образования. Целью исследования стал анализ цифровой грамотности молодежи, детализированных оценок цифровых навыков, исследование роли современных вузов в развитии цифровых компетенций студентов, устранении цифрового неравенства. Ключевыми методами исследования стали анкетный опрос ($N=633$) и сфокусированное групповое интервью студентов ($n_1=7$ и $n_2=9$). Результаты исследования показали низкую самокритичность молодежи в ходе оценки своей цифровой грамотности. Установлено, что когнитивные искажения, примитивизация представлений о цифровой грамотности, нерелевантность идентификации собственных дефицитов в цифровом обучении и направлений их восполнения лимитирует развитие цифровых компетенций молодежи. Материалы фокус-групп показали, что студенты, обосновывая свой высокий уровень цифровой грамотности, апеллируют к фрагментарным практикам работы в сети, алгоритмизированным процедурам поиска информации, типичным формам молодежной коммуникации в чатах. В наиболее уязвимой позиции оказались студенты-гуманитарии, риски их цифровой депривации связаны с недостаточным уровнем развития цифровых навыков, а также с ограниченным пониманием перспектив и возможностей использования цифровых технологий в профессиональной и повседневной жизни. Научная новизна статьи связана с обоснованием теоретических выводов и приращением эмпирических данных, характеризующих дисфункции образования в условиях цифровизации, новые факторы формирования цифрового неравенства, цифровой эксклюзии студентов, обучающихся по гуманитарным и социально-экономическим направлениям подготовки. Практическая значимость полученных результатов связана с возможностью их использования для модернизации вузовского образования, снижения цифрового неравенства в обществе, повышения цифровой компетентности молодежи.

Ключевые слова: высшее образование; цифровая грамотность; цифровое неравенство; цифровая эксклюзия; цифровые компетенции

Информация для цитирования: Фролова Е. В., Рогач О. В. Цифровая грамотность и цифровое неравенство: новые вызовы и факторы формирования // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 136-147. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-9.

Research article

Elena V. Frolova
Olga V. Rogach

**Digital literacy and digital inequality: new challenges
and formation factors**

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russia;
efrolova06@mail.ru
rogach16@mail.ru

Abstract. The article reveals the problems of developing digital literacy and digital inequality among young people, and considers the potential of higher education in overcoming the dysfunctions of digital education. The aim of the study was to analyze the digital literacy of young people, detailed assessments of digital skills, and study the role of modern universities in developing students' digital competencies and eliminating digital inequality. The key research methods were a questionnaire survey (N=633) and a focused group interview of students (n₁=7 and n₂=9). The results of the study showed low self-criticism of young people when assessing their digital literacy and the prevalence of inflated marks. It was found that cognitive distortions, primitivization of ideas about digital literacy, irrelevance of identifying their own deficiencies in digital learning and directions for replenishing them limit the development of digital competencies of young people. Focus group materials showed that students, justifying their high level of digital literacy, appeal to fragmentary practices of working on the network, algorithmic procedures for searching for information, and typical forms of youth communication in chats. The most vulnerable position was found among students majoring in the humanities, the risks of their digital deprivation are associated with an insufficient level of development of digital skills, as well as with a limited understanding of the prospects and possibilities of using digital technologies in professional and everyday life. The scientific novelty of the article is associated with the substantiation of theoretical conclusions and the increase in empirical data characterizing the dysfunctions of pedagogical practices in the field of ICT, new factors in the formation of digital inequality, digital exclusion of students studying in the humanities and socio-economic areas of training. The practical significance of the obtained results is related to the possibility of their use for modernizing university education, reducing digital inequality in society, and increasing the digital competence of young people.

Keywords: higher education; digital literacy; digital inequality; digital exclusion; digital competencies

Information for citation: Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2025), "Digital literacy and digital inequality: new challenges and formation factors", *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 136-147, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-9.

Введение (Introduction). Несмотря на значительное внимание, как органов власти, так и средств массовой информации к вопросам цифровой грамотности молодежи, результаты

исследований констатируют наличие проблем цифрового неравенства, недостаточность знаний и навыков учащихся в данной области (Ефанов и др., 2020; Чижов, 2024). Неравный доступ к

информационно-коммуникационным ресурсам, углубление процессов поляризации населения по показателю владения цифровыми компетенциями, представляются наиболее значимыми проблемами современности (Márquez-Ramos, 2021). Данные деструкции детерминируют нарастание рисков социальной напряженности, снижение качества жизни и темпов развития человеческого капитала (Троян и др., 2023: 122). Ученые выделяют несколько стадий формирования цифрового неравенства: первый этап характеризуется ограниченным доступом к материально-техническим ресурсам, образовательным программам, второй – существенным отставанием в цифровой компетентности, навыках цифровых взаимодействий, третий – дискриминацией на рынке труда, суженными возможностями реализации социально-профессионального потенциала личности (Глухов, Стаховская, 2021).

Методология и методы (Methodology and Methods). Опираясь на анализ научной литературы, можно предположить, что запуск процессов формирования цифрового неравенства детерминирован, в первую очередь, наличием материально-технических и образовательных дефицитов, присутствующих в семье и/или системе образования. При этом, как нам представляется, система образования играет доминирующую роль в возможностях наращивания цифровых знаний и навыков молодежи. Образовательная среда обладает, прежде всего, педагогическим потенциалом, позволяющим не только приобретать необходимые навыки, но и формировать этико-нормативный фундамент использования цифровых технологий. Динамичная трансформация цифрового ландшафта общественной жизни, проникновение информационно-коммуникационных технологий в сферу государственных и муниципальных услуг, финансов, быта, досуга предъявляет новые

требования к образованию в области информатики (Хисматулина и др., 2022; Rogach и др., 2023), развитию цифровой грамотности молодежи. Цифровая грамотность представляет собой совокупность компетенций, позволяющих эффективно и безопасно использовать цифровые сервисы в повседневной и профессиональной деятельности. В более широком контексте цифровая грамотность включает в себя навыки поиска, анализа, обработки и создания информации с помощью цифровых технологий, а также способности к осуществлению коммуникаций в цифровой среде, опираясь на этические принципы и нормы безопасности (Токтарова, Ребко, 2021:168).

В контексте анализа проблем развития цифровой грамотности молодежи, ученые справедливо обращают внимание на роль преподавателя высшей школы (Frolova et al., 2022), его компетентность и готовность к использованию цифровых технологий в учебной аудитории (Belmonte et al., 2019; Татаринцев, Музыка, 2020). Многозадачность преподавателя, необходимость интеграции учебного, методического и научного функционала его работы (Князева и др., 2024: 67) зачастую оставляет цифровые практики на периферии педагогической деятельности. Кроме того, образовательная среда вузов не всегда соответствует инновационным требованиям, растет необходимость технологической модернизации учебных кампусов (Newell и др., 2019). Таким образом, проблема исследования заключается в противоречии между потребностями информационного общества в формировании цифровых компетенций молодежи и недостаточном уровне их развития, ограниченных возможностях современных вузов в наращивании цифровой грамотности студентов. Несмотря на значительный научный задел, обширное количество публикаций, посвященных проблемам и перспективам формирования цифровой

грамотности молодежи, особый интерес представляют собой вопросы, касающиеся субъективных оценок цифровых компетенций молодежи. В данной статье будут рассмотрены материалы количественного и качественного исследования, раскрывающие, в первую очередь, отношение студентов к перспективам развития своей цифровой грамотности, оценке границ и «слепых зон» в восприятии возможностей использования цифровых ресурсов; условий, созданных в вузах, для формирования цифровых компетенций студентов.

Цель статьи заключается в анализе уровня цифровой грамотности молодежи, исследовании роли современных вузов в развитии цифровых компетенций студентов, преодолении цифрового неравенства. Для достижения поставленной цели авторы преимущественно использовали социологические методы исследования, в частности анкетный опрос студентов российских вузов, а также фокус-группы. Анкетный опрос проводился с помощью онлайн-инструментов «Google Формы», количество опрошенных респондентов составило 633 студента, обучающихся в российских вузах. Также было проведено 2 фокус-группы с целью детализации ответов респондентов в части оценок уровня их цифровой грамотности,

восприятия цифрового неравенства, раскрытия специфики обучения в вузе, касающейся получения цифровых знаний и навыков. Участниками фокус-групп стали студенты столичных вузов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Цифровая грамотность и цифровое неравенство в оценках студентов. Как свидетельствуют результаты исследования, студенты достаточно высоко оценили уровень своей цифровой грамотности. Только 3,5% выбрали варианты ответа, свидетельствующие о дефиците цифровых знаний и навыков (оценки «1» и «2» балла). Интересно, что большая часть опрошенных респондентов (50,1%) в ходе самооценки поставили себе 4 балла. Пятая часть студентов (21,8%) считают, что уровень их цифровой грамотности достиг максимальной оценки (5 баллов из пяти). Данные результаты свидетельствуют, с одной стороны, о достаточно амбициозном восприятии собственных возможностей молодежью (оценки, на наш взгляд, представляются несколько завышенными, учитывая динамично развивающуюся сферу IT-технологий), а, с другой стороны, указывают на сужение границ в понимании необходимости совершенствования цифровых компетенций.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень своей цифровой грамотности, где 5 – очень высокая, 1 – очень низкая» (в %)

Table 1

Distribution of answers to the question: «How would you rate your level of digital literacy, where 5 is very high, 1 is very low», (in %)

Балл / Score	1	2	3	4	5
Доля студентов / Percentage of students	1,3	2,2	24,6	50,1	21,8

Детализация ответов респондентов в ходе фокус-групп показывает латентные риски когнитивных искажений в понимании границ цифровой грамотности.

Ж., 1 курс: «Считаю у меня высокий уровень цифровой грамотности... Я пользуюсь приложениями, мы общаемся в мессенджерах. Что еще? Да, использую

искусственный интеллект. Пользуюсь чатом GPT...»

Ж., 2 курс: «Наверное, высокий уровень. Сейчас у молодежи у всех высокий, мы ведь росли в обнимку с планшетом... Что конкретно использую? Как все, разные приложения. Если какой-то вопрос – быстро нахожу информацию в интернете...».

Можно предположить, что завышенные оценки уровня своих компетенций, примитивизация характеристик цифровой грамотности в молодежном сознании устанавливает субъективные барьеры для развития новых знаний и навыков, необходимых для реализации успешных жизненных траекторий в информационном обществе.

Российские ученые, опираясь на материалы эмпирических исследований, делают аналогичный вывод о низкой самокритичности учащихся в ходе оценки своих цифровых компетенций, в наибольшей степени данный тренд характерен для молодых людей с минимальным набором цифровых знаний и навыков. Такие респонденты дифференцируют уровень цифровой грамотности личности, апеллируя только к двум полюсам: максимальному, который, по их мнению, присущ IT-специалистам, людям, увлекающимся программированием и базовому, включающему минимальный набор пользования доступными цифровыми инструментами (Филькина, Камнева, 2023). Соответственно, проблема заключается в сужении границ развития цифровой компетентности, искаженной шкале оценок, нерелевантной идентификации собственных дефицитов в цифровом обучении и направлении их восполнения.

Отметим, что наряду с высокими оценками уровня своей цифровой грамотности, студенты в целом высказывают весьма оптимистичные мнения касательно преимуществ цифровизации образования. В качестве перспективных сценариев 85,5%

опрошенных рассматривают расширение коммуникационного пространства, обмена опытом в условиях цифровизации. Еще 79,9% связывают с цифровизацией образования надежды на снижение уровня социального неравенства за счет открытия полноценного доступа к образованию. Таким образом, новое поколение молодых людей имеет высокий уровень активности в цифровом пространстве, обладает расширенными информационными потребностями, что диктует необходимость формирования высокотехнологичной образовательной среды учебных заведений. Результаты фокус-групп, подтверждают полученные выводы. Детализация ответов респондентов иллюстрирует их фиксацию на преимуществах цифровых технологий, оптимистичном восприятии процессов виртуализации общественной жизни.

Кроме того, студенты склонны акцентировать внимание на межпоколенческом разрыве, характерном для сферы цифровых технологий.

Ж., 1 курс: «Для меня набрать сообщение – это дело одной секунды, для родителей – нет. Они предпочитают звонить. Я этого не люблю...»

М., 2 курс: «Старшее поколение не может так быстро, как молодежь, ориентироваться в цифровом мире...»

Однако, как уже отмечалось выше, при ответе на уточняющие вопросы модератора, студенты в большинстве своем весьма расплывчато характеризуют свои цифровые навыки, зачастую сводя их к поверхностным практикам работы в сети и алгоритмизированным процедурам поиска информации. Типичные формы молодежной коммуникации в чатах респонденты относят к проявлениям цифровой компетентности.

Цифровое неравенство в ответах участников фокус-групп детерминировано исключительно фактором возраста. Студенты убеждены, что по мере перехода в старший возрастной сегмент, теряется интерес к информационно-коммуникационным технологиям, и,

соответственно, мотивация к развитию цифровых навыков. Справедливо было бы отметить, что данная точка зрения, с одной стороны, имеет отчасти объективные основания, однако, с другой стороны, отражает сложившиеся в обществе стереотипы, касающиеся цифровой депривации людей старшего возраста. Весьма распространенным является мнение о том, что цифровые технологии являются «недостижимыми и неосвоенными» для старшего поколения (Столярова, 2022).

При ответе на уточняющие вопросы о других факторах формирования цифрового неравенства, участники фокус-групп в большинстве своем затруднились с ответом. Неравномерность доступа к цифровым ресурсам, по мнению респондентов, имеет существенно менее выраженное влияние на формирование цифрового неравенства в сравнении с фактором возраста. Можно предположить, что в данном случае следует учитывать влияние социального статуса участников фокус-групп на высказываемые ими

суждения. Студенты, включенные в образовательное пространство столичных вузов, имеют достаточно широкие возможности приобщения к информационно-коммуникационным технологиям. Соответственно, проблемы ограниченного доступа к сети Интернет, сужение возможностей образования в отдаленных регионах или малонаселенных пунктах остаются на периферии внимания столичных студентов.

Детализированная оценка цифровых навыков студентов. В сравнении с оценками уровня цифровой грамотности, студенты более критично отнеслись к самодиагностике своих цифровых навыков в вопросах, детализирующих практики их использования в повседневной жизни. Так, если только 3,5% студентов считают уровень своей цифровой грамотности минимальным («1» и «2» балла), то при оценке навыка использования облачных технологий доля респондентов, считающих себя в данном вопросе некомпетентными, составила уже 26,2%.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили свои цифровые навыки, где 5 – очень высокая, 1 – очень низкая оценка» (в %).

Table 2

Distribution of answers to the question: «How would you rate your digital skills, where 5 is a very high, 1 is a very low rating» (in %).

Балл / Score	1	2	3	4	5
Цифровое потребление / Digital consumption					
использую облачные технологии / use cloud technologies	12,3	13,9	24,4	22,9	26,5
использую весь функционал социальных сетей / use all the functionality of social networks	5,4	11,8	22,9	28,3	31,6
Цифровые компетенции / Digital competencies					
использую цифровые устройства в учебе и личной жизни / use digital devices in my studies and personal life	3,0	7,4	14,5	19,9	55,2
провожу финансовые операции / conduct financial transactions	7,7	11,8	20,7	21,6	38,2
делаю онлайн-покупки / do online shopping	4,4	7,1	16,6	20,1	51,8

Результаты фокус-групп иллюстрируют более критичную ситуацию. Для многих участников понимание облачных технологий ограничивается только возможностями хранения данных, резервных копий на

удаленных серверах. Студенты технических специальностей имеют более широкие навыки работы с удаленными серверами для обработки графики и больших данных, создания приложений.

Полученные результаты свидетельствуют, что не только формирование цифровых навыков, но и получение базовых знаний о возможностях использования цифровых ресурсов в современном мире является прерогативой подготовки студентов в технических вузах. В виду указанных обстоятельств можно предположить, что формирование контуров цифрового неравенства в среднесрочной и долгосрочной перспективе будут определяться, в том числе, спецификой полученного образования. Разрыв в компетенциях между студентами, обучающимися на разных профилях иллюстрируется материалами фокус-групп:

Ж., 3 курс: *«Я обучаюсь по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». У нас была в учебном плане информатика. Но мы занимались Word и XL... Это делопроизводство какое-то...»*

Ж., 4 курс: *«Создать цифровой контент – это сложно. Нас такому не учили в вузе...Это надо идти на дополнительные курсы...»*

Наиболее высоко респонденты оценили свои навыки использования цифровых устройств в учебе и личной жизни (75,1% составила сумма ответов тех, кто выбрал «4» и «5» баллов). Аналогично оптимистичные оценки характерны для такого навыка, как онлайн-покупки (71,9%). Можно предположить, что ценности общества потребления в определенной степени задали репертуар усвоения цифровых компетенций, необходимых для удовлетворения базовых социальных потребностей молодежи.

Несмотря на то, что студенты в большинстве своем перенесли основную массу коммуникационных взаимодействий в виртуальное пространство, навык

использования функционала социальных сетей оценивается несколько ниже. Так, 17,2% респондентов поставили себе минимальные оценки («1» и «2» балла). Выстраивание баланса в практиках формирования цифровой грамотности студентов, по мнению российских ученых, требует реализации образовательной модели, которая, прежде всего, учитывала бы специфику мотивационного и коммуникационного профиля современной молодежи, «поколения приложений и социальных сетей», в частности, требуют учета таких характеристик «цифровых аборигенов», как деформация идентичности, нарциссизм и самореклама, индивидуализм, искаженное восприятие времени (Федорова, 2020: 31).

Роль высшего образования в формировании цифровой грамотности и преодоления цифрового неравенства. Представляется, что в современном обществе цифровые технологии не могут оставаться приоритетом только в обучении IT-специалистов. Можно предположить, что углубление цифрового разрыва, детерминированного спецификой учебных профилей, будет инициировать риски социальной эксклюзии выпускников-гуманитариев, лимитировать не только уровень их конкурентоспособности на рынке труда, но и снижать социальную успешность в решении бытовых, финансовых и иных вопросов. На наш взгляд, необходимо в учебных планах студентов гуманитарных и социально-экономических направлений подготовки расширить блок, посвященный информационно-коммуникационным технологиям. Включение информатики в качестве обязательной общенаучной дисциплины практически во все учебные планы, не обеспечивает качественного приращения цифровых компетенций молодежи. Российские ученые справедливо обращают внимание на накопленные противоречия и дисбалансы между содержанием курса информатики в вузе и актуальными потребностями

цифрового общества, потребностями самих обучаемых, заинтересованных в эффективном использовании цифровых технологий, как в профессиональной, так и повседневной практике (Фокина и др., 2020). Кроме того, имеются объективные сложности организации обучения информатике, обусловленные дифференциацией «входных» знаний студентов в области ИКТ, что требует от педагога применения разноуровневого индивидуализированного подхода в практике преподавания (Кречетников, 2024).

В ходе проведенного нами эмпирического исследования было установлено, что одной из проблем формирования цифровой грамотности молодежи выступает накопление когнитивных искажений, слепых пятен в понимании перспектив использования цифровых технологий. Выявленные проблемы обращают внимание на то, что современная система образования в ходе обучения студентов по базовым дисциплинам в области информатики, прежде всего, должна обеспечивать преодоление когнитивных деформаций, связанных с упрощенным пониманием ресурсных возможностей цифровой среды в современном мире. Представляется, что, кроме того, существенные риски связаны с завышенными, ложными самооценками студентов уровня своей цифровой грамотности. Амортизация негативных последствий нерелевантного самооценивания может достигаться за счет повышения эффективности контроля знаний и навыков студентов, своевременного выявления цифровых дефицитов.

Когнитивные искажения в области построения границ цифровой компетентности молодежи, закрепление минимизированных образовательных запросов к наращиванию цифровых знаний и навыков, ограничивают развитие цифровой грамотности молодежи в гораздо большей степени, нежели доступ к

информационным ресурсам и сервисам. Так, наличие объективных факторов формирования цифрового неравенства (доходы, территория проживания), лимитированный доступ к информационно-коммуникационным ресурсам, являясь актуализированными общественными проблемами, сегодня имеют высокий потенциал преодоления. Изучение федеральных и региональных нормативно-правовых документов, регламентирующих процесс внедрения цифровых технологий в России, подтверждает фокусировку усилий органов власти на данной проблеме, наличие значительных достижений в сфере модернизации цифровой общественной инфраструктуры, повышения доступности цифровых ресурсов (Вартанова, Гладкова, 2021: 19). При этом субъективные ограничения развития цифровой грамотности молодежи, связанные с когнитивными искажениями в оценке возможностей использования цифровых ресурсов, являются латентными факторами цифрового неравенства, что затрудняет их преодоление. Можно предположить, что именно система высшего образования обладает наибольшим потенциалом форсированного преодоления субъективных ограничений в виду наличия педагогических ресурсов, базовых дисциплин по информатике практически во всех учебных планах бакалавриата, использования технологий оценки компетенций учащихся. Российские ученые справедливо делают вывод, что в современных условиях знаниевая модель обучения в области информатики должна опираться на раскрытие детализированных перспектив использования цифровых технологий. Прежде всего, должны быть сделаны акценты на возможности использования цифровой среды для решения личных и профессиональных задач, в том числе, с использованием «методов автоматического сбора, хранения и анализа данных» (Калмыкова, 2024: 46).

Заключение (Conclusions).

Результаты исследования свидетельствуют о низкой самокритичности молодежи в ходе оценки своей цифровой грамотности. Технологический оптимизм молодежи, амбициозное восприятие своих компетенций контрастирует с недостаточным уровнем профессионального владения цифровыми сервисами. В ходе фокус-групп было выявлено, что зачастую студенты склонны искаженно понимать цифровую компетентность, сужая данный конструкт до алгоритмизированных процедур работы в сети, практик цифрового общения.

Результаты исследования показали интересный феномен, касающийся восприятия цифрового неравенства в глазах молодежи. Студенты уверены в наличии межпоколенческих разрывов в цифровом пространстве, которые проявляются в отставании старшего поколения от молодежи по уровню цифровой грамотности. Цифровое неравенство, обусловленное ограниченным доступом к цифровым ресурсам, по мнению студентов, не имеет столь существенной роли в сравнении с фактором возраста. При этом анализ материалов исследования показал наличие иных детерминант формирования цифрового неравенства. Так, для студентов-гуманитариев характерны риски цифровой депривации, которые выражаются не только в ограниченном доступе к цифровым сервисам и инструментам, но и сужении горизонтов видения перспектив и возможностей использования цифровых технологий в профессиональной и повседневной жизни. Результаты исследований позволяют сделать вывод о необходимости модернизации подходов к преподаванию информатики в вузах, обеспечивающих эффективность формирования цифровых компетенций студентов гуманитарных и социально-экономических профилей. Помимо условий, способствующих наращиванию практических навыков

работы с цифровыми сервисами, особое внимание следует уделить знаниевой компоненте, педагогическим практикам, позволяющим преодолеть когнитивные искажения, «слепые зоны» в оценках собственных цифровых компетенций студентов, упрощенное понимание ресурсных возможностей цифровой среды в современном мире. Данный аспект представляется особенно актуальным в вопросах профессиональной подготовки студентов, учитывая приоритеты государственной образовательной политики, фокусировку деятельности органов власти на внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу.

Дальнейшими направлениями исследований в рамках данной темы могут стать следующие: анализ цифровых дефицитов молодежи в решении личных и профессиональных задач, изучение факторов мотивации, актуализированных потребностей в развитии цифровых компетенций; определение перспектив и направлений цифровой трансформации высшего образования в целях снижения цифрового неравенства, предотвращения цифровой эксклюзии выпускников на рынке труда.

Список литературы

- Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 3-29. DOI: [10.30547/vestnik.journ.1.2021.329](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329). EDN: LEKEML.
- Глухов А. П., Стаховская Ю. М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 148-155. DOI: [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863). EDN: CHOFHR.
- Ефанов А. А., Буданова М. А., Юдина Е. Н. Уровень цифровой грамотности школьника и педагога: компаративистский анализ // Вестник Российского университета дружбы

народов. Серия: Социология. 2020. № 20 (2). С. 382-393. DOI: [10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393). EDN: FRIAYR.

Калмыкова С. В. Развитие информационно-аналитических компетенций в профессиональной подготовке магистрантов на правления «Государственное и муниципальное управление» // Информатика и образование. 2024. № 39 (3). С. 44-52. DOI: [10.32517/0234045320243934452](https://doi.org/10.32517/0234045320243934452). EDN: XWOQYJ.

Кречетников К. Г. Методика разноуровневого индивидуализированного обучения информатике в вузе. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. № 16 (2). С. 115-122. DOI: [10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/115-122](https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/115-122). EDN: QTATLG.

Построение цифрового профиля преподавателя высшей школы / Князева Н. В., Михайлова И. П., Усманова Н. В., Шиндина Т. А. // Информатика и образование. 2024. № 39 (4). С. 62-76. DOI: [10.32517/0234-0453-2024-39-4-62-76](https://doi.org/10.32517/0234-0453-2024-39-4-62-76). EDN: EPLRPB.

Столярова Н. Б. Аспекты развития цифровых навыков у людей старшего поколения // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76 (4). С. 312-315. EDN: QWQTQY.

Татаринов К. А., Музыка С. М. Развитие цифровых компетенций у преподавателей и студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 9 (4(33)). С. 171-174. DOI: [10.26140/bgj3-2020-0904-0043](https://doi.org/10.26140/bgj3-2020-0904-0043). EDN: IPVJQZ.

Токтарова В. И., Ребко О. В. Цифровая грамотность: понятие, компоненты и оценка // Вестник Марийского государственного университета. 2021. № 15 (2). С. 165-177. DOI: [10.30914/2072-6783-2021-15-2-165-177](https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-2-165-177). EDN: FEHCPN.

Троян И. А., Кравченко Л. А., Гиндес Е. Г. Цифровое неравенство и направления его преодоления в контексте развития человеческого капитала // Народонаселение. 2023. № 26 (2). С. 114-126. DOI: [10.19181/population.2023.26.2.10](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.10). EDN: XNKKPA.

Федорова Е. Е. «Цифровые аборигены» в новом коммуникативном пространстве // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 3. С. 30-35. DOI: [10.18522/2070-1403-2020-80-3-30-35](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-80-3-30-35). EDN: MUGMCW.

Филькина А. В., Камнева О. С. Профили цифровой грамотности школьников // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 204-214. DOI: [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863). EDN: XGVSRR.

Фокина Е. Н., Гусева В. Е., Фокина Е. А. Проектирование курса информатики в вузе с позиций профессионального стандарта «33.008 Руководитель предприятия питания» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 1(64). С. 129-135. DOI: [10.26105/SSPU.2020.64.1.006](https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.64.1.006). EDN: VUHKGV.

Хисматулина Н. В., Пугачева С. А., Малкова Т. В. Характерные особенности «цифровых аборигенов» как целевой аудитории в современном образовательном пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76 (2). С. 216-218. EDN: IANHIE.

Чижов А. А. Уровни цифрового неравенства: особенности проявления в Уральском федеральном округе // Вопросы управления. 2024. № 18 (4). С. 80-93. DOI: [10.22394/2304-3369-2024-4-80-93](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-80-93). EDN: WLVOMM.

Belmonte J. L., Sanchez S. P., Espejo M. J. D. Projection of the flipped learning methodology in the teaching staff of cross-border contexts // Journal of new approaches in educational research. 2019. № 8(2). Pp. 184-200. DOI: [10.7821/naer.2019.7.431](https://doi.org/10.7821/naer.2019.7.431).

Digitalization of higher education: new trends and the factors that are associated students' grades / Frolova E. V., Rogach O. V., Kuleshov S. M., Shikhgafizov P. S. // European Journal of Contemporary Education. 2022. № 11 (1). Pp. 59-69. DOI: [10.13187/ejced.2022.59](https://doi.org/10.13187/ejced.2022.59).

Márquez-Ramos L. Does digitalization in higher education help to bridge the gap between academia and industry? An application to COVID-19 // Industry and Higher Education. 2021. № 35 (6). P. 630-637. DOI: [10.1177/0950422221989190](https://doi.org/10.1177/0950422221989190).

Newell G., Manaf Z., Marzuki J. Institutional investor attitudes to technology-enhanced university vertical campuses in the digital era // Journal of General Management. 2019. № 3(44). Pp. 146-159. DOI: [10.1177/0306307018825189](https://doi.org/10.1177/0306307018825189).

Rogach O. V., Frolova E. V., Kuznetsov Yu. V. Control student knowledge in the context of

digitalization of education: new problems and risks // European Journal of Contemporary Education. 2024. № 13(1). Pp. 222-233. DOI: [10.13187/ejced.2024.1.222](https://doi.org/10.13187/ejced.2024.1.222).

References

Vartanova, E. L. and Gladkova, A. A. (2021), "Digital divide, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and political decisions", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, (1), 3-29, DOI: [10.30547/vestnik.journ.1.2021.329](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329), EDN: LEKEML. (In Russian)

Glukhov, A. P. and Stakhovskaya, Yu. M. (2021), "The digital divide in the focus of intergenerational communication", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (59), 148-155, DOI: [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863), EDN: CHOFHR. (In Russian)

Yefanov, A. A., Budanova, M. A., and Yudina, E. N. (2020), "Digital literacy of schoolchildren and teachers: A comparative analysis", *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, (20), 382-393, DOI: [10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393), EDN: FRIAYR. (In Russian)

Kalmykova, S. V. (2024), "The development of information and analytical competencies in the professional training of master's students in the «State and municipal management» direction", *Informatika i obrazovanie*, (39), 44-52, DOI: [10.32517/0234045320243934452](https://doi.org/10.32517/0234045320243934452), EDN: XWOQYJ. (In Russian)

Krechetnikov, K. G. (2024), "The methodology of multi-level individualized computer science education at the university. The Territory of New Opportunities", *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta*, (16), 115-122, DOI: [10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/115-122](https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-2/115-122), EDN: QTATLG. (In Russian)

Knyazeva, N. V., Mikhailova, I. P., Usmanova, N. V. and Shindina, T. A. (2024), "Development of a digital profile of a university teacher", *Informatika i obrazovanie*, (39), 62-76, DOI: [10.32517/0234-0453-2024-39-4-62-76](https://doi.org/10.32517/0234-0453-2024-39-4-62-76), EDN: EPLRPB. (In Russian)

Stolyarova, N. B. (2022), "Aspects of the development of digital skills in older people", *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, (76), 312-315, EDN: QWQTQY. (In Russian)

Tatarinov, K. A. and Music, S. M. (2020), "Development of digital competencies in teachers and students", *Baltiyskiy gumanitarny zhurnal*, (9), 171-174, DOI: [10.26140/bgz3-2020-0904-0043](https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0904-0043), EDN: IPVJQZ. (In Russian)

Toktarova, V. I. and Rebko, O. V. (2021), "Digital literacy: definition, components and assessment", *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*, (15), 165-177, DOI: [10.30914/2072-6783-2021-15-2-165-177](https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-2-165-177), EDN: FEHCPN. (In Russian)

Troyan, I. A., Kravchenko, L. A. and Gindes, E. G. (2023), "Digital inequality and directions for overcoming it in the context of human capital development", *Narodonaselenie*, (26), 114-126, DOI: [10.19181/population.2023.26.2.10](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.10), EDN: XNKKPA. (In Russian)

Fedorova, E. E. (2020), "«Digital natives» in the new communication space", *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, (3), 30-35, DOI: [10.18522/2070-1403-2020-80-3-30-35](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-80-3-30-35), EDN: MUGMCW. (In Russian)

Filkina, A. V. and Kamneva, O. S. (2023), "Profiles of schoolchildren's digital literacy", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (71), 204-214, DOI: [10.17223/1998863](https://doi.org/10.17223/1998863), EDN: XGVSRR. (In Russian)

Fokina, E. N., Guseva, V. E. and Fokina, E. A. (2020), "The development of the computer science course at higher education institution from the position of professional standard «33.008 Food manager»", *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (1), 129-135, DOI: [10.26105/SSPU.2020.64.1.006](https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.64.1.006), EDN: VUHKGV. (In Russian)

Khismatulina, N. V., Pugacheva, S. A. and Malkova, T. V. (2022), "Characteristic features of «digital natives» as a target audience in the modern educational space", *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, (76), 216-218, EDN: IANHIE. (In Russian)

Chizhov, A. A. (2024), "The levels of digital inequality: features of the impact in the Ural Federal District", *Voprosy upravleniya*, (18), 80-93, DOI: [10.22394/2304-3369-2024-4-80-93](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-80-93), EDN: WLVOVM. (In Russian)

Belmonte, J. L., Sanchez, S. P. and Espejo, M. J. D. (2019), "Projection of the flipped learning methodology in the teaching staff of cross-border contexts", *Journal of new*

approaches in educational research, (8), 184-200, DOI: [10.7821/naer.2019.7.431](https://doi.org/10.7821/naer.2019.7.431).

Frolova, E. V., Rogach, O. V., Kuleshov, S. M. and Shikhgafizov, P. S. (2022), "Digitalization of higher education: new trends and the factors that are associated students' grades", *European Journal of Contemporary Education*, (11), 59-69, DOI: [10.13187/ejced.2022.59](https://doi.org/10.13187/ejced.2022.59).

Márquez-Ramos, L. (2021), "Does digitalization in higher education help to bridge the gap between academia and industry? An application to COVID-19", *Industry and Higher Education*, (35), 630-637, DOI: [10.1177/095042221989190](https://doi.org/10.1177/095042221989190).

Newell, G., Manaf, Z. and Marzuki, J. (2019), "Institutional investor attitudes to technology-enhanced university vertical campuses in the digital era", *Journal of General Management*, (3), 146-159, DOI: [10.1177/0306307018825189](https://doi.org/10.1177/0306307018825189).

Rogach, O. V., Frolova, E. V. and Kuznetsov, Yu. V. (2024), "Control student knowledge in the context of digitalization of education: new problems and risks", *European Journal of Contemporary Education*, (13), 222-233, DOI: [10.13187/ejced.2024.1.222](https://doi.org/10.13187/ejced.2024.1.222).

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г. Поступила после доработки 01 июня 2025 г. Принята к печати 10 июня 2025 г.

Received 13 April 2025. Revised 01 June 2025. Accepted 10 June 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Фролова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия.

Elena V. Frolova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Рогач Ольга Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия.

Olga V. Rogach, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.